

№ 7 (26) 1991

Цена 2 руб.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ISSN 0236-6864

ЕЖЕМЕСЯЧНИК МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

Тайна дома
Романовых:
следы ведут
в Багдад
с. 28

КГБ теряет
агентов
с. 8

Новый роман
братьев Вайнеров
с. 22

ЕСЛИ
ВАШИ ТОВАРЫ
И УСЛУГИ
ДО СИХ ПОР
ОСТАЮТСЯ ТАЙНОЙ
ДЛЯ ПОКУПАТЕЛЯ

КРИМИНАЛЬНЫЙ
КАНАЛ

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

РОССИЙСКОГО
ТВ

ПОМОЖЕТ ВАМ
ЕЕ РАСКРЫТЬ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

(на экране)

ПОГОНЮ
(за вашим товаром)

ГАРАНТИРУЕМ

И все это — в рекламном
ролике, снятом по вашему
сюжету в лучших традициях
криминального жанра.

С предложениями по размещению
рекламы в КРИМИНАЛЬНОМ
КАНАЛЕ обращайтесь по
телефону: 202-20-11, 291-95-81.
Телекс 411-323
Факс 230-21-70

Юрий БУРАНОВ

Опубликованный в 45-м
томе Полного собрания
сочинений В. И. Ленина
текст знаменитого
«Письма к съезду» был
напечатан «по записи
секретаря (машинописный
экземпляр)». Автором
очерка впервые обнаружен
отличающийся от него по
смыслу рукописный текст
начала «Письма к съезду»,
подтверждающий факт
фальсификации
ленинского документа
Сталиным или людьми,
действовавшими по его
заданию.

В очерке утверждается
также, что ленинское
завещание впервые было
открыто и полностью
опубликовано не в СССР
в 1956 году, а в 1926 году
в США газетой «Нью-Йорк
таймс».

Именно Аллилуева 21 ноября
1922 года сделала первую за-
пись в Дневнике дежурных се-
кретарей В. И. Ленина, где фиксиро-
валось все, что происходило
в секретариате. Ее последняя
запись помечена 18 декабря.

В Дневнике Аллилуева запи-
сала.

«18 декабря, утро. Заседает
пленум Центрального Комитета.
Владимир Ильич не прису-
тствует, болен — никаких по-
ручений и распоряжений».

18 декабря, вечер. Заседает
пленум. Владимир Ильич не прису-
тствует, вечерним заседа-
нием пленум закончен».

Далее пропуск в четыре дня
— и затем записи в Дневнике, в
том числе стенограммы «Пись-
ма к съезду», ведут Володичева
и Фотиева.

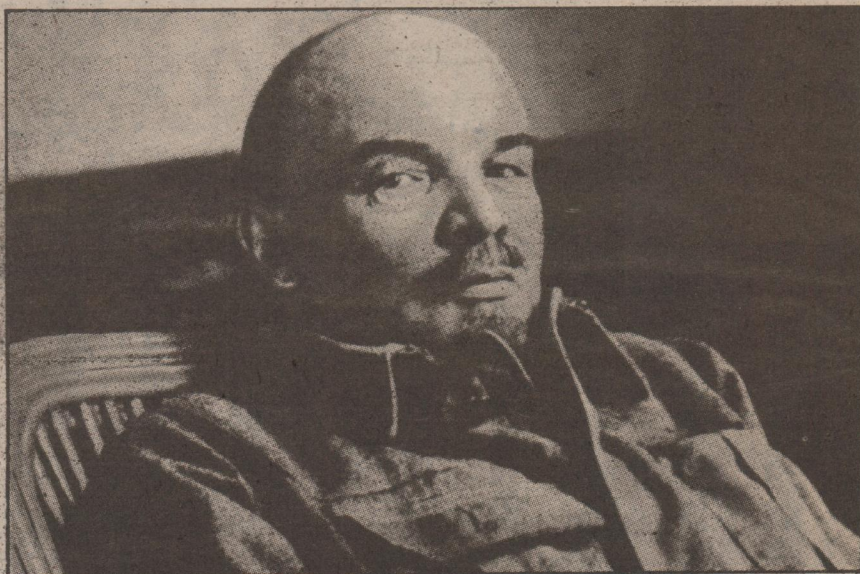
Порядок работы с этими сте-
нограммами Володичева объяс-
нила в 1929 году, и стало понят-
но, почему не сохранились ру-
кописные тексты ленинских
диктовок. Краткий поясняю-
щий текст был тогда же вклеен
в Дневник дежурных секретарей.

«Москва, 7/VI—1923 г. Т. Ка-
меневу. Посылается обещанный
т. Куйбышевым материал для
архива партии» (подпись нераз-
борчива).

«Обещанный материал»
представляет собой все записи
«Письма к съезду», продикто-
ванные Лениным до 29 октября
1922 года, включая и «Завеща-
ние».

Итак, с одной стороны, все
хранилось «строго секретно»,
все «черновики» (рукописный
материал) сжигались, а с дру-
гой — машинописные копии
оказывались в руках у Куйбы-
шева, в то время секретаря ЦК,
непосредственно подчиненного
генсеку. А до того просматри-
вались Сталиным.

Это был очень удобный поря-
док работы с ленинскими доку-
ментами. Совершенно ясно —
удобный кому и почему. Ведь с
машинописным текстом (когда
оригинал уничтожен) можно де-
лать все, что угодно (например,
редактировать, сокращать, до-
писывать), причем проверить
идентичность копий и оригина-

ПРИКАЗАНО СЖЕЧЬ

В секретариате В. И. Лени-
на ко времени его болез-
ней в 1922 году было не-
сколько «ведущих» секретарей.
Л. А. Фотиева выполняла обя-
занности по Совнаркому, М. И.
Гляссер — по Политбюро. «Вся
Россия знает имя Фотиевой», —
напишет позднее в своих воспо-
минаниях Борис Бажанов, се-
кретарь Сталина, — она много
лет подписывает с Лениным все
декреты правительства. Никто
не знает имени Гляссер — рабо-
та Политбюро совершенно се-
кретна». Бажанов также на-
зывает «близких сотрудниц в по-
следнее время» Володичеву и
Флаксерман, которые выполня-
ли обязанности «дежурных се-
кретарей», то есть дежурили,
«чтобы в любой момент быть в
распоряжении Ленина, если он
захочет продиктовать како-
нибудь письмо, распоряжение
или статью».

Однако Бажанов забыл или
специально не упомянул еще об
одном секретаре Ленина — о
Надежде Сергеевне Аллилуе-
вой, жене Сталина. Между тем
он ее знал и писал о ней: «Она
была очень хорошим, порядоч-
ным и честным человеком».

рей. «Все статьи и документы,
— писала М. А. Володичева, —
переписывались по желанию
В. И. Ленина в пяти экземпля-
рах, из которых один он просил
оставлять для него, три экзем-
пляра — Надежде Константино-
вне и один — в свой секретари-
ат (строго секретно)... Чер-
новики копий мною сжигались»
(выделено мною. — Ю. Б.).

Мог ли знать Сталин о содер-
жании секретных диктовок Ле-
нина? По свидетельству Л. А.
Фотиевой, не только мог знать,
но и знал. Она лично передава-
ла генсеку все продиктованное
Лениным зимой 1922 года. В
1967 году это признание Л. А.
Фотиевой записал писатель А.
Бек. Но мемуары, воспомина-
ния — вещь хотя для истории,
несомненно, ценная, в то же
время субъективная. Подтвер-
жденный документально факт
передачи Сталину первой записи
«Письма к съезду» (23 де-
кабря 1922 г.) еще не свиде-
тельствует о том, что все после-
дующие записи Ленина чита-
лись генсеком.

Недавно в архиве обнаружен
следующий документ:

В 1922 г. — весной 1923 г. в
Секретариат ЦК входили Сталин
(генсек), секретари Куйбышев и
Молотов.

ла невозможно.

Однако в этом прекрасном от-
лаженном механизме оказалась
«лишняя деталь», которая убе-
дительно доказывает: опублико-
ванный в 45-м томе Полного
собрания сочинений В. И. Лени-
на текст «Письма к съезду» —
копия, существенно отличаю-
щаяся по смыслу от оригинала.
Более того, фальсифицированная
копия.

Речь идет о найденном нами в
архиве рукописном листе, пред-
ставляющем собой переписанное
рукой Н. С. Аллилуевой начало
«Письма к съезду», продикто-
ванное В. И. Лениным 23 де-
кабря 1922 года М. А. Володиче-
вой.

Каким образом в архиве поя-
вилась эта копия с расшифров-
ки стенограммы, с какой целью
и почему ее сделала именно
Н. С. Аллилуева, сегодня мо-
жно только догадываться. И
все-таки попытаемся рекон-
струировать события того зна-
менательного дня.

Итак, 23 декабря 1922 года в
начале девятого утра В. И. Ле-
нин вызвал к себе на квартиру в
Кремль секретаря-стеногра-
фистку М. А. Володичеву.

В Дневнике она записала:
«Перед тем, как начать дикто-
вать, сказал: «Я хочу Вам про-
диктовать письмо к съезду. За-

пишите!» Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось. По окончании спросил, которое число. Почему такая бледная, почему не на съезде, пожалел, что отнимает время, которое я могла бы пробыть там. Никаких распоряжений я не получила больше» (подчеркнуто мною. — Ю. Б.).

Дальше, судя по воспоминаниям М. А. Володичевой (запись А. Бека 1967 г.), события развивались следующим образом. Не зная, что делать, Володичева посоветовалась с Фотиевой и получила указание отправить запись (т. е. расшифровку ленинской диктовки в машинописной копии, предназначенную для Секретариата ЦК) Сталину.

На квартире генсека она зашла Сталина, Н. С. Аллилуеву, Орджоникидзе, Бухарина и Назаретяна². Сталин, прочтя письмо, возвратил его и приказал сжечь. Точно выполнив его указание, Володичева оставила нетронутыми машинописные

Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях» (подчеркнуто мною. — Ю. Б.).

Последняя, подчеркнутая строка в тексте, переписанном рукой Н. С. Аллилуевой, отсутствует. Она была «добавлена» в машинописную копию ленинской диктовки.

Может показаться, что добавление всего лишь одной строки — мелочь. Но, если мы вспомним, в каких условиях была сделана «редактура», станет понятной цель сталинской «редакции» ленинского текста.

Вернемся на несколько дней назад. В то время резко ухудшаются отношения между Лениным и Сталиным и в личном, и в политическом плане. Генсеку (и, добавим, не без оснований) кажется, что по целому ряду серьезных вопросов Ленин все более склонен отдавать предпочтение не ему, а Троцкому.

Вот хронология тех дней.

кой баланс подвел в тот знаменательный день Сталин.

И он решил вмешаться в ход событий, «отредактировав» ленинскую запись в выгодном для себя свете.

Совершенно ясно, что документ имеет один смысл, когда Ленин советует действовать «идя... навстречу тов. Троцкому», и совершенно другой, если добавить «до известной степени и на известных условиях». Добавление очень нужно было Сталину, чтобы отстоять свой вариант предполагаемой реорганизации управления высшими органами власти и одновременно поставить Троцкого на место.

Но этим не закончилось «редактирование» (т. е. прямая фальсификация) ленинского текста. Содержание продиктованного Володичевой еще более изменилось после вторжения чужого пера в следующий, пятый абзац машинописной копии.

Вот что опубликовано в 45-м

лового ленинского документа. «Исправляя» Ленина, генсек как бы создавал смысловую дистанцию между двумя записями, лишал фразу про «судей» саркастического смысла.

Итак, подлог был совершен. Теперь Сталину следовало обезопасить себя от разоблачения, не допустить утечки информации из секретариата Ленина, а еще лучше — отрезать больного вождя от внешнего мира. Как же был проведен генсекский следующий этап этой операции?

СПЕКТАКЛЬ

На другой же день, 24 декабря, было создано сочинение, на котором присутствовали Сталин, Каменев⁴ и Бухарин. Было принято следующее решение: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не

стал Ленина, являлась Л. А. Фотиева. Сначала устно, а затем письменно она изложила суть событий, происшедших в секретариате Ленина в период с 23 по 29 декабря. Фотиева писала:

«29/XII—22. Товарищу Сталину в субботу 23/XII было передано письмо Владимира Ильича к съезду, записанное Володичевой. Между тем, уже после передачи письма выяснилось, что воля Владимира Ильича была в том, чтобы письмо это хранилось строго секретно в архиве, можно (так в тексте. — Ред.) быть распечатано только им или Надеждой Константиновной и должно было быть предъявлено кому бы то ни было лишь после его смерти. Владимир Ильич находится в полной уверенности, что он сказал это Володичевой при диктовке письма. Сегодня, 29/XII, Владимир Ильич вызвал меня к себе и перепроверил, сделана ли в письме соответствующая пометка, и повторил, что письмо должно быть оглашено

копии. Одна из них должна была пойти (и пошла) к секретарю ЦК Куйбышеву. Но, видимо, прочитанное Сталиным заставило его изменить установленный порядок. По его указанию Н. С. Аллилуева делает копию с машинописной расшифровки записи. Этот рукописный листок на десятилетия отправляется в сейф³. А саму машинописку перед отправкой Куйбышеву «подправляют». В нужном Сталину духе.

ПОДЛОГ

Расхождений в тексте — два.

В машинописном тексте «Письма к съезду» в четвертом абзаце записи говорится: «Затем, я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решению»

² Амаяк Назаретян, помощник Сталина, работал в «Правде». Возможно, именно он и редактировал по поручению генсека один из текстов Ленина.

³ Возможно, Сталин хотел сохранить оригинал на случай вынужденного изгнания Ленина как аргумент в свою защиту (хотя кто может точно знать, о чем думал генсек в те минуты).

21 декабря 1922 г. Н. К. Крупская с разрешения профессора О. Ферстера записывает и отправляет письмо Ленина Троцкому, отстаивавшему их общую позицию по вопросу монополии внешней торговли: «не останавливаться и продолжать наступление», для чего готовить этот вопрос на «партсъезде».

22 декабря. Узнав об этом из записки Каменева, Сталин пытается препятствовать этому начинанию. Одновременно он позволяет себе «грубейшую выходку» по отношению к Крупской, опустившись «до недостойной брани и угроз». Мария Ильинична, сестра Ленина, по этому поводу писала: Надежду Константиновну разговор этот «возмущал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.»

А теперь, 23 декабря, Сталин узнает из доставленного ему Володичевой документа (первой части «Письма к съезду»), что Ленин советует реорганизовать Госплан, «идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому».

Если же учесть, что осенью 1922 года позиция Ленина по национальному вопросу совпала с позицией Троцкого, а не генсека, можно представить, ка-

томе ПСС В. И. Ленина: «Что касается до первого пункта, т. е. увеличения числа членов ЦК, то я думаю, что такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком неопределенное значение для всех «судей» партии» (подчеркнуто мною. — Ю. Б.).

В рукописном тексте Н. С. Аллилуевой последняя фраза заканчивается иначе: «... могли получить неопределенное значение для всех «судей» партии».

Кто же эти «судьи»? Ответ на этот вопрос содержится в первых строках следующего ленинского текста, который Ленин продиктовал на другой день, 24 декабря, где упоминаются критики большевизма и приводят знаменитые «характеристики» Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова, то есть в тексте, который традиционно считается «завещанием» Ленина.

Высказанная и фальсифицированная фраза со словом «судей» принадлежит Сталину. Рукописный вариант, где употреблено слово «судей», куда более соответствует духу и стилю де-

должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений» (подчеркнуто мною. — Ю. Б.).

Однако Ленин понял цель этих «заботливых» мер. И выступил в поединке с генсексом. Узнав о принятом решении, Ленин в тот же день, 24 декабря, засекретил свои записки, дав соответствующее поручение Володичевой, и резко изменил свои намерения. В этот день он начал диктовать материалы к секретному пока докладу на съезде.

Но принял дополнительные меры и Сталин. Добившись полной изоляции Ленина, генсек занялся теми, кто так или иначе мог разрушить его планы.

События, которые развернулись поздно вечером 29 декабря, можно рассматривать как очередную акцию генсека в поединке с тяжелобольным Лениным.

29 декабря 1922 года в 23.00 к Каменеву, поскольку он заме-

лишь в случае его смерти. Я считалась со здоровьем Владимира Ильича, не нашла возможным ему сказать, что пропущена ошибка, и оставила его в уверенности, что письмо никому не известно и воля его исполнена (подчеркнуто мною. — Ю. Б.).

Я прошу товарищей, которым стало известно это письмо, ни в коем случае при будущих встречах с Владимиром Ильичем не обнаруживать сделанной ошибки, не давая ему никакого повода предположить, что письмо известно и прошу смотреть на это письмо, как на запись мнения Владимира Ильича, которую никто не должен был бы знать.

29/XII—22 г. Л. Фотиева. Получив информацию от Фотиевой, Каменев тотчас же направил ее заявление Сталину, сопроводив его своей запиской: «Я считаю нужным познакомиться с ним (т. е. с заявлением Фотиевой. — Ю. Б.) тех членов ЦК, которые узнали содержание письма Владимира Ильича (мне известно, что с содержанием его знакомы гггг. Троцкий, Бухарин, Орджоникидзе и ты)».

Сталин выполнил желание Каменева и направил заявление Фотиевой Троцкому, сопроводив его пометкой: «Только т.

Троцкому. Читал. Сталин». Рядом оставил автограф и. Лев Давыдович: «Читал. О письме Владимира Ильича разумеется никому из чекистов не рассказывал. Л. Троцкий». То есть Троцкий, как и Каменев, взял на себя обязательство хранить в тайне от Ленина (и от всех остальных), что он читал запись от 23 декабря.

Так окончательно была засекречена ленинская информация: ни на одном пленуме, ни на одном Съезде, никогда после этого первая (сфальсифицированная) запись не была зачитана. С подложным текстом познакомился те, кому Сталин его предназначал. Запись сыграла свою роль, убедила их, что Ленин не полностью доверяет Троцкому, и она должна была исчезнуть.

Одной из целей операции, проведенной Сталиным 29 декабря, было стремление убедить Зиновьева, Каменева, Бухарина и Троцкого, что им, Сталиным, прочитана только запись от 23 декабря, а со всем остальным, что диктовал Ленин позднее, он

письмо Ленина, требующее его отставки (запись из «Письма к съезду» с характеристиками и, возможно, добавление к нему от 4. I. 1923 г.).

Ответ Сталина, последовавший 7 августа 1923 года, был четким: «Для чего понадобились ссылки на неизвестное мне (подчеркнуто мною. — Ю. Б.) письмо Ильича о секретаре, — разве не имеется доказательств к тому, что я не дорожу местом и, поэтому, не боюсь писем?»

Уязвленный такой бесцеремонностью, Зиновьев 10 августа «просветил» Сталина: «Письмо Ильича. Да, существует письмо В. И., в котором он советует (XII съезду) не выбирать Вас секретарем. Мы (Бухарин, Каменев и я) решили пока Вам о нем не говорить. По какой причине? Вы и так воспринимали разногласия с В. И. слишком субъективно, и мы не хотели Вас раздражать».

Словом, Сталин сумел убедить соратников: он якобы ни о чем не знал, не ведал.

Как известно, дальнейшая судьба «Письма к съезду» (по-

дах европейских газет. Это был Макс Истмен, американец, хорошо говоривший по-русски. Летом 1925 года о нем много и часто говорили на заседаниях Политбюро. Виною тому стала смерть Макса Истмена («После смерти Ленина», вышедшая в Лондоне и Париже и ставшая политическим бестселлером. В своей книге Истмен, член американской компартии, писал о том, что Компартия России потрясет внутрипартийная борьба, начавшаяся еще при жизни Ленина. Главным же в книге было следующее: Сталин, Каменев и Зиновьев скрыли политическое завещание Ленина от рядовых членов партии. На Западе о ленинском «Письме к съезду» узнали еще в 1923 году (в переложении, с сильными искажениями текст письма был опубликован в «Социалистическом вестнике»). Истмен же передавал содержание ленинских документов точнее, хотя и в его книге тоже были допущены некоторые искажения.

Можно представить гнев Сталина, когда он прочитал (в

густа генсек пишет Молотову: «Мне сказали, что Мануильский не случайно, а сознательно передал «Юманите» первоначальный проект статьи Троцкого для опубликования. Если это верно, то тогда мы имеем дело не с ошибкой, как пишешь ты мне, а с политикой некоторых лиц, не заинтересованных почему-то в опубликовании статьи Троцкого в ее окончательной редакции. Это несомненно. Этого дела оставить так нельзя».

Как бы то ни было, к концу лета 1925 года совместными усилиями всего Политбюро новый «проект» ответа Троцкого был готов. В сентябрьском номере журнала «Большевик» за 1925 год появилась статья Троцкого «По поводу книги Истмена «После смерти Ленина». Статья Троцкого в журнале «Большевик» — это сталинская оценка операции по сокрытию ленинского политического завещания. Платформа Сталина в изложении Троцкого включала в себя следующие лживые

этом коротеньком письме, подлинным названием «Завещание» партии. Сегодня оно звучит как пророчество. Письмо было заперто в сейф и объявлено несуществующим Сталиным и его подручными у кормила власти, поскольку оно содержало резкую критику самого Сталина и требовало переместить его с командной должности Генерального секретаря. Год тому назад в моей книге «После смерти Ленина» я приводил выдержки из этого письма, но я делал это на свой страх и риск. Мои цитаты были объявлены фальшивыми и отвергнуты во всем мире официальной коммунистической печатью, подчиняющейся приказам правящей группы в России. Политбюро выпустило документ, в котором было безапелляционно заявлено, что такого письма не существует и что приведенные мной выдержки неверны! Теперь я могу полностью привести «Завещание» Ленина. Оно дается в моем собственном переводе. Этот документ публикуется впервые».

Далее шел текст ленинского

Статья Истмена в «Нью-Йорк таймс», Октябрь 1926 г.

Since Lenin Died

By Max Eastman

THE LABOUR PUBLISHING COMPANY LIMITED LONDON
38 GREAT ORMOND ST. W.C.1

Лондонское и парижское издания книги Макса Истмена. 1925 г.

Depuis la Mort de Lénine

nrf

PARIS 1925

LIBRAIRIE GALLIMARD
3, Rue de l'Oratoire, Paris 12. 27

незнаком. Это подтверждает следующий случай.

Летом 1923 года Сталин впервые на практике показал своим ближайшим соратникам кто есть кто. Пока Троцкий, Бухарин, Зиновьев находились на отдыхе в Кисловодске, он практически единолично, опираясь только на Каменева, решил многие проблемы, над которыми годами бился Ленин. Заключение конвенции по черноморским проливам, введение в стране продажи водки, новая стратегия в отношении иностранных инвестиций в народном хозяйстве России — генсек авторитарно колот проблемы, как орехи.

Такой стиль управления страной, когда контуры грядущей диктатуры становились реальностью прямо на глазах, встречивший Бухарина и Зиновьева. Сподвижники генсека, через Орджоникидзе послали Сталину предупреждение. Опасаясь доверить тайну бумаге, они на словах попросили Орджоникидзе передать генсеку: у них есть

литического завещания Ленина) складывалась трагично. Оно было (без записи от 23 декабря) зачитано по делегациям в узком кругу участников XIII съезда партии. Остальные коммунисты узнали его содержание лишь в 1956 году, когда «Письмо к съезду» стало важнейшим аргументом в разоблачении культа личности Сталина. До сих пор считается, что это и есть первая открытая публикация важнейшего ленинского документа.

Между тем это не так.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

В майские дни 1924 года в перерывах между заседаниями XIII съезда партии среди делегатов замечто выделялся один человек. Выделялся он не только европейской одеждой. Некоторые его помнили еще по первым конгрессам Коминтерна. Журналист с гостевым билетом съезда, он смело подходил то к одному, то к другому делегату. Его вели в окружении Троцкого, у столов, заведенных партийной литературой.

Через год, в мае 1925 года, его имя замелькало на страни-

переводе) книгу Истмена. Однако Сталин не был бы Сталиным, если бы не попытался извлечь даже из этого сразу несколько выгод. В июне 1925 года генсек провел расширенное заседание Политбюро. Принятое решение обязывало Троцкого подготовить и опубликовать рецензию на книгу Истмена, объявив ее клеветнической.

Троцкий свой ответ подготовил. Но Сталин да и другие члены Политбюро сочли «первоначальный проект» ответа Троцкого неудачным и засадили Троцкого за написание новой редакции текста.

16 июля 1925 года «Юманите» поместила подборку материалов под общим заголовком «Ответ товарища Троцкого на книгу М. Истмена «После смерти Ленина»».

Сталин был вне себя: в «Юманите» был помещен именно тот, «первоначальный проект» ответа Троцкого. Как же попали в газету материалы Троцкого? Вскоре выяснилось, что их «случайно» передал газете один из руководителей Коминтерна, член ЦК ВКП(б) Д. З. Мануильский. Первого ав-

в публикации «Юманите» книга названа «С тех пор, как умер Ленин».

утверждения:

- слова Истмена о «сокрытии» последних работ Ленина «нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии»;
- «никакого «Завещания» Владимира Ильич не оставил»;
- «всекие разговоры о сокрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича...».

РЕВАНШ ИСТМЕНА

18 октября 1926 года в газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья Макса Истмена «Наконец открыто «Завещание» Ленина». Истмен писал: «Три года назад Ленин, находясь на смертном одре и потеряв речь, написал письмо, в котором предсказал борьбу между Троцким и Сталиным, дал характеристики этих двух людей и указал, какие меры должна предпринять партия, чтобы избежать раскола. Эта почти сверхъестественная политическая проницательность Ленина с особой силой проявилась в

завещания (запись 24—25. XII. 1922 г.). Отметим, что текст, опубликованный в газете, соответствует тексту «Письма к съезду», опубликованному в Полном собрании сочинений В. И. Ленина. Но и Истмен не знал о существовании автографа Н. С. Аллилуевой.

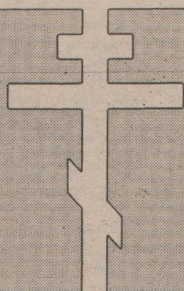
В СССР «Письмо к съезду» было опубликовано спустя год, в 1927 году, в закрытом бюллетене XV съезда тиражом 13,5 тысячи экземпляров. Отметим, что в опубликованном тексте также отсутствовала запись от 23 декабря 1922 года.

На XV съезде по предложению Орджоникидзе, дополненному Рыковым, было принято решение опубликовать не только «Письмо к съезду», но и другие письма Ленина «по внутрипартийным вопросам». Их было решено опубликовать в «Ленинском сборнике», приложив «Письмо к съезду» к стенограмме XV съезда. Но ничего этого сделано не было.

Факт непубликации этих документов при жизни Сталина очень четко показывает его позицию в этом вопросе. Лишь в 1956 году завещание Ленина было наконец опубликовано в СССР в широкой печати.

© Ю. Буранов. 1991

РАД ТОМУ, ЧТО ЕЖЕМЕСЯЧНИК «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ РАСКРЫВАЕТ ПЕРЕД СВОИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ НЕИЗВЕСТНЫЕ И СЛАВНЫЕ СТРАНИЦЫ НЕДАВНЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

В Евангелии есть слова: «По плодам их познаете их». Епископы и священники Катакомбной Церкви в 30-е и 40-е годы осуществляли свое пастырское служение в тяжелейших условиях. Если каждому из них удалось в тяжелую минуту укрепить в вере хотя бы одного человека, удалось хотя бы одному человеку (случайному ли встречному, союзнику или охраннику) помочь найти путь ко Христу и к вере — им есть чем оправдаться перед Богом. Тем же, верю, будут оправданы и священники, пошедшие за митрополитом Сергием ради того, чтобы не разрывать общение со своей паствой. Я считаю, что путь епископа Афанасия и путь митрополита Сергия — это два пути подвига. Ни у кого не вызывает сомнений искренность митрополита Сергия в его желании церковного блага.

В статье С. Бычкова есть, правда, неудачное выражение: он говорит о том, что целью политики митрополита Сергия было «спасение социальных институтов Церкви». Это неверно. Речь шла о сильной защите сокровенных и духоносных глубин жизни Церкви. Речь шла о том, чтобы миллионы простых людей, далеких от сложных отношений государства и Церкви, могли причащаться и молиться.

В статье говорится о том, что Катакомбная Церковь в конце концов исчезла. И можно лишь скло-

нить голову перед памятью испивших до дна чашу страданий, прося их молитвенного представительства за нас, за всю Русскую Церковь у Престола Господня. Кружки же, выходящие сейчас на поверхность под именем «Катакомбной Церкви» — независимо от того, действительно ли они связаны с Церковью 30-х и 40-х годов, — как мы видим, используют чаще лишь имя, но не подвиг Катакомбной Церкви.

Был свой путь и свой подвиг у ушедших в подполье. Был свой путь и свой крест у оставшихся на виду. Станем ли взвешивать, чей крест тяжелее? Станем ли друг перед другом хвалиться ранами? Или вспомним опыт Катакомбной Церкви, присовокупим опыт Церкви Зарубежной и вместе будем работать для возрождения душ людей и для будущего России? Верю, что наши мученики и праведники — независимо от того, были они последователями митрополита Сергия или же не разделяли его позицию, верю — вместе молятся о нас.

Рад тому, что ежемесячник «Совершенно секретно» одним из первых раскрывает перед своими читателями неизвестные и слабые страницы недавней истории Русской Православной Церкви. Надеюсь, что публикация материалов, связанных с историей новейших «катакомб», будет продолжена.

Патриарх Московский и всея Руси

Еще и сегодня о Катакомбной Церкви знают немногие. А среди знающих о ней нет согласия: одни во всеуслышание объявляют себя ее наследниками, другие утверждают, что вся она — в прошлом.

История Катакомбной Церкви восходит к двадцатым годам нашего столетия, когда государство начало массированное наступление на Церковь, стремясь уничтожить религию. После смерти патриарха Тихона митрополит Сергий

(Страгородский), ставший в 1927 году заместителем местоблюстителя патриаршего престола, пошел на компромисс, который вновь, как и в петровские времена, поставил Русскую Церковь под полный контроль государства. Но не все епископы признали этот компромисс. Ссылаясь на одно из постановлений покойного патриарха Тихона, часть епископов и мирян ушла в «катакомбы». (Их еще называли «непоминающими», поскольку за богослужением они не поминали заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия.)

Покойный протоиерей Александр Мень, воспитывавшийся в общине Катакомбной Церкви, писал: «С точки зрения властей, они (епископы, не признавшие главенства митрополита Сергия.—С.Б.) представляли опасную церковную оппозицию. Большинство непокорных иерархов были арестованы, но продолжали руководить своим духовенством и пасомыми из ссылки и лагерей. Оставшиеся же на свободе перешли на нелегальное положение и совершали богослужения в частных домах, тайно. Так возникло явление, получившее впоследствии название «Катакомбная Церковь».

В Московской области к ней принадлежали архимандрит Серафим (Батюков), отец Петр Шипков, бывший в прошлом секретарем патриарха Тихона, иеромонах Иеракс (Бочаров), священники Владимир Богданов, Владимир Криволацкий, Константин

Всехсвятский, Алексей Габрилянский, Дмитрий Крючков и другие. Большинство из них своим архиереем считало епископа Афанасия (Сахарова). К 1945 году Катакомбная Церковь фактически прекратила свое существование. С одной стороны, почти все ее духовенство было разослано и арестовано, а с другой — после Поместного Собора 1945 года и избрания патриарха Алексия (Симанского) епископ Афанасий разослал верующим письмо, в котором признавал законность нового первоиерарха и призывал к воссоединению с патриаршей церковью. По малодостоверным слухам, в глухой провинции все еще остаются отдельные лица и даже группы, отказывающиеся иметь общение с Московской патриархией, но, если это так, влияние их ничтожно».

Таков, по Александру Мению, самый краткий конспект истории Катакомбной Церкви. Думается, есть смысл внимательно вчитаться в нее, ибо в истории «непоминающих» немало страниц не только трагических, но и тайных, еще и до сих пор скрытых от постороннего взгляда.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

СТРАНИЦЫ
ТРАГЕДИИ

В ноябре 1922 года была создана Антираелигиозная комиссия ЦК РКП(б) во главе с Е. Ярославским. Бессменным секретарем и исполнителем решений комиссии стал начальник VI отделения ОГПУ Евгений Алексеевич Тучков. Этот человек, гений сыска (еще жидкий своего биографа), 17 сентября 1923 года направил на имя Ярославского пакет с документами, среди которых находились копии протоколов о работе комиссии за прошедший год. Благодаря изысканиям ленинградского ученого С. Савельева мы получили возможность взглянуть в эти документы: «Работы по церковникам», — отчитывается Тучков, — по моему мнению, только что разоблачились, и мы доходим до того времени, когда репрессии, применяемые нами в политических и тактических целях, должны будут скоро прекратиться, ибо силы враждующих сторон выравниваются и авторитет Тихона время от времени падает. Осведомление, которое создано за этот и прошлый год по церковникам, вполне соответствует тому, чтобы сохранить негласное руководство церковью в наших руках» — конечно, при условии, если будут даны соответствующие средства для их содержания...

Предвидения Тучкова не сбылись — после освобождения патриарха Тихона из заключения в 1923 году баланс резко качнулся в сторону возглавляемой им церкви. Но само освобождение патриарха было куплено дорогой ценой: рука Тучкова пролилась по тексту его «покаяния», и многие верующие с изумлением узнали, что, оказывается, патриарх «кается» в «антисоветской политике» времен гражданской войны. Когда же патриарх ознакомился с мнениями епископов, священников и мирян относительно тех уступок, которые были им обещаны в период заключения, он счел возможным вернуться на прежние позиции. В течение трех последующих лет, вплоть до смерти патриарха, шли нескончаемые переговоры, которые со стороны государства вел Е. А. Тучков. Исчезали в лагерях и тюрьмах несговорчивые епископы и священники, но патриарх Тихон продолжал отстаивать независимость Русской Церкви: «Я не могу

отдать Церковь в аренду государству», — повторял он. Весной 1925 года, уже после смерти патриарха, в газете «Известия» публикуется его предсмертное Послание. В нем звучат те слова, которых так настойчиво добивался Тучков: «...осуждая сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее... мы призываем всех возлюбленных чад Богохранимой Церкви Российской к сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с Нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи рабоче-крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага...».

Большинство верующих восприняло этот документ как подложный. И действительно, ни стиль, ни чрезмерная верноподданность даже отдаленно не напоминают посланий патриарха Тихона времен гражданской войны. Зато появляются обороты, которые несколькими годами позже обнаружатся в посланиях митрополита Сергия, — принадлежат они руке опытного редактора, все того же Тучкова.

В конце 1926 года вновь прокатилась волна арестов духовенства. Был арестован в Нижнем Новгороде и митрополит Сергей. К нему применялись различные способы воздействия — от кормезки седелкой (пить, разумеется, не давали) до угроз расстрелять сестер. И, когда в марте 1927 года митрополит был освобожден и организовал новый состав Священного синода, почти тут же получивший регистрацию в НКВД, верующие поняли, что в тюрьме было достигнуто некое соглашение.

1927 год явился переломным в жизни Русской Православной Церкви. Епископы, посланные на Соловки, обращаются с письмом к правительству. Не только для митрополита Сергия, но и для узников ГУЛАГа очевидно, что конфронтация продолжаться не может, что настало время объясниться. В своем послании соловецкие епископы указывают: «...Она (Церковь. — С.Б.) не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели. Она никогда не призывает к оружию и политической борьбе. Она повинуетеся всем законам и распоряжениям гражданского характера, но Она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставляемые Ей Конституцией, и не может стать слугой государства...».

Послание соловецких епископов датируется маем 1927 года, а в июле по храмам всех российских епархий было разослано Послание митрополита Сергия. Полемизируя с соловецким Посланием, он пишет: «...только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь, со всей Ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти».

Послание было разослано по епархиям, но большинство епископов вернуло его обратно. В конце сентября отозва-

лись на послание соловецкие епископы: «...мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства...». Споры, вызванные Посланием митрополита Сергия, продолжают по сей день.

Казалось бы, дальнейший ход событий, спустя 16 лет — встреча Сталина с иерархами в 1943 году, восстановление социальных структур Церкви после этой встречи подтвердили правоту и прозрачность митрополита Сергия. Но возникает вопрос: какой ценой было достигнуто спасение социальных институтов Церкви?

Послание митрополита Сергия привело к расколу Русской Православной Церкви. Трое епископов, подписавших «Декларацию» митрополита Сергия, в 30-е годы сгинули в лагерях. Тучков потребовал от митрополита Сергия дальнейших уступок: в начале 1930 года были проведены две пресс-конференции для советских, а потом и для иностранных журналистов. Митрополит Сергей утверждал, что никаких гонений на христиан в Советском Союзе не существует, а те священнослужители, которые арестовываются властями, — просто люди, совершившие уголовные преступления. После этих выступлений откололись от Московской патриархии и зарубежные приходы, возглавлявшиеся митрополитом Евлогием.

В 1929 году Сталиным была ликвидирована Антираелигиозная комиссия — она блистательно справилась с поставленной задачей. Но победа Сталина над Церковью оказалась мнимой, ибо жизнь Церкви протекает по иным законам. Уйдя в «катакомбы», христиане продолжали проповедь «благих вестей». Эта проповедь звучала даже в тюрьмах и лагерях, где находились тогда лучшие люди России.

Одним из самых ярких деятелей Катакомбной Церкви был архимандрит Серафим, в миру Сергей Михайлович Батюков (1880—1942). Он родился в Москве, получил еще до революции высшее техническое образование, но уже тогда испытывал влечение к духовному служению. Он часто бывал в Оптиной пустыни, слушал лекции в Московской духовной академии, самостоятельно изучал богословие. Он был рукоположен в тяжелое для Церкви время — в 1919 году, несколько месяцев служил в храме Воскресения в Сокольниках вместе со священником Иоанном Кедровым, строителем храма и основателем «сокольниковской» общины. Вскоре отцу Сергию предложили место в храме Вознесения близ консерватории, но он уступил приход священнику Димитрию Делекторскому, который должен был ехать в дальнее село, почти на верную гибель. В 1920 году отец Сергей был вызван патриархом и назначен в храм святых мучеников и бесребренников Кира и Иоанна. В 1922 году принял монашество с

именем Серафим, а к кону 1926 года возведен в сан архимандрита. По видимому, его готовили к епископскому служению. Однако в этом же году он был арестован.

Послание митрополита Сергия он не принял, в июне 1928 года ушел из храма и перешел на нелегальное положение. Чудом избежал ареста, долго кочевал и наконец поселился в домике на окраине Загорска, у двух сестер, бывших Дивеевских монахинь. В маленькой комнатке был поставлен алтарь, здесь совершалось богослужение, здесь же бывали духовные дети архимандрита Серафима. Здесь же зимой 1942 года он скончался и был похоронен в подвале дома.

Официальная иерархия все более внимательно изучает жизнь и подвиг исповедников Катакомбной Церкви. Причислен к лику святых патриарх Тихон. Близка канонизация митрополита Вениамина (Казанского), расстрелянного в 1922 году.

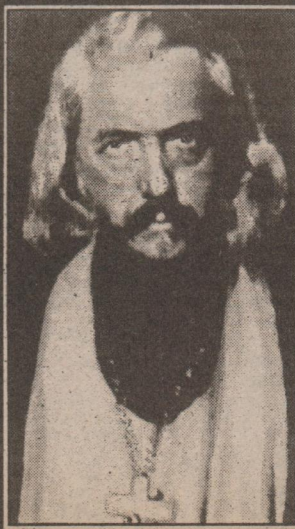
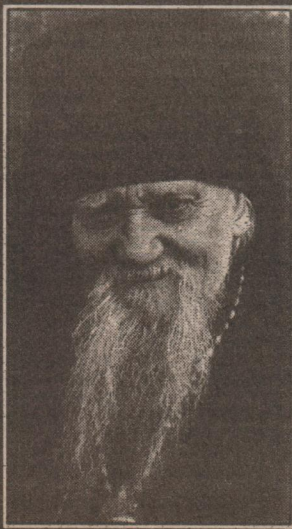
К сожалению, до сих пор не опубликованы воспоминания, которые могут подробнее рассказать нам об этом героическом периоде истории Русской Церкви. Надеюсь в какой-то мере восполнить этот пробел, публикуем нижеследующий рассказ прихожанки Сербского подворья, духовной дочери отца Серафима Веры Алексеевны Корнеевой.

ВОСПОМИНАНИЯ
О СЕРБСКОМ
ПОДВОРЬЕ В МОСКВЕ

Я сама была участницей катакомб. Мне хочется добавить несколько слов о том, что меня поразило, когда я стала ходить в храм святых бесребренников Кира и Иоанна, настоятелем которого был архимандрит Серафим (Батюков). Я пришла туда первый раз весной 1925 года в Лазареву субботу, и этот день остался для меня памятным на всю жизнь. Я тогда только что окончила десятилетку.

К отцу Серафиму меня привела его духовная дочь Лидия Васильевна. Она была постарше меня и очень мне нравилась — она казалась мне идеалом, отличалась какой-то особенно одухотворенной красотой. Она дружила с моей тетей, Натальей Леонидовной, и приходила отвести с ней душу. В этот период Лидия Васильевна находилась на распуте — нечаянно влюбилась в мужа своей подруги, а он в нее. По своим взглядам она не могла допустить распада семьи, а бороться со своим и его чувством было очень трудно. Вот с этой-то бедой она и приходила за помощью к отцу Серафиму и меня привела. Никогда — ни раньше, ни после — я не переживала того, что испытала в тот день.

Во-первых, я почувствовала, что моя жизнь и судьба никому на свете так не дороги, как ему; и уже одно это обязывало меня к послушанию. После исповеди у отца Серафима я испытала такое успокоение, такую радость и легкость на ду-

Епископ
Афанасий
(Сахаров)Архимандрит
Серафим
(Батюков)Н. П. Рагозина
(справа),
в квартире
которой
совершались
богослужения
«катакомбных»
священников

ше, которые забыть невозможно. Этот день решил мою судьбу.

Прихожу как-то в храм и узнаю, что отец Серафим арестован. Вот тут-то я загоревалась. Но, к счастью, он вскоре вернулся в храм (его арестовали в связи с изъятием церковных ценностей), но, поскольку этот храм принадлежал сербам, то они вскоре подтвердили, что церковные ценности увезли они). После этого я уже стала постоянной прихожанкой отца Серафима. Так как этот храм был не приходский — это бывшее Сербское подворье, там были совсем особые порядки, которые ввел отец Серафим.

Во-первых, служба совершалась без всяких сокращений, как в монастырях. Кроме того, у него масса времени уходила на исповедь, а народу все прибывало. Батюшка относился к храму и богослужению с великим благоговением. Для него это был Дом Божий не на словах, а на деле, и такого же отношения он требовал и от всех людей, начиная с алтаря и певчих, и от всего народа. Никакого шума, никаких разговоров или толкучки он никогда не допускал. Церковь была маленькая, и в праздники иногда из-за тесноты возникал шум. В таких случаях он прерывал богослужение, оборачивался к народу и говорил: «Если сейчас же не установится тишина, служба не будет продолжаться», да при этом так грозно смотрел, что тишина водворялась в ту же минуту.

Еще одна особенность, поскольку это был храм «бессребренников», то батюшка так постановил — ни за что ни с кого в церкви не брали. Все требы совершались бесплатно. Платили только за просфору и за свечку. С тарелкой по церкви никогда не ходили — при входе у дверей стояла кружка для пожертвований. В то время церковь душили налогами. Вот и нам прислали большой налог. Прихожане стали упрашивать его, чтобы он разрешил ходить с тарелкой. И так его доносили, что он сказал: «Ну, если вам так хочется, то стойте на паперти, а в храме не разрешу». И женщина с тарелкой стояла позади всех нищих. Конечно, я думаю, что ей клали даже больше, чем при обычных сборах. Как-то потребовался большой ремонт, а денег не хватало: прихожане охали и ахали, а батюшка помолился святым бессребренникам Киру и Иоанну, и нашлись прихожане, которые помогли и работой и материалом. И все налоги уплатили.

Батюшка любил церковную службу. Он умел сделать ее такой торжественной и доходчивой до души, что заражал этим и певчих, и народ. Все, кто работал в храме: уборщицы, певчие, прислуживающие в алтаре, — работали бесплатно. На клирос попадали только по его благословению. Он направлял туда людей, нисколько не считаясь ни с голосом, ни со слухом, а только для духовной пользы. В их число попадали и я. И вот что случилось — я с детства всегда ходила в церковь, но прилежанием никогда не отличалась. Собираясь к обедне, я приходила к «херувимской». Уставая долго стоять за всенощной, я уходила пораньше или выходила на улицу посидеть. А тут вдруг произошло чудо: выстаиваю эти бесконечные службы совершенно добровольно, да еще после трудного рабочего дня.

Я вспоминаю одну особенную черту у батюшки: с каким почтением и благоговением относился он к другим священникам. Помню, это было уже в Загорске, а отец Иераск тогда жил у нас, и вот батюшка просит меня передать ему, чтобы он к нему приехал, и я, повторяя его поручение, говорю: «Так я и скажу, что вы велели ему приехать». Батюшка возмущался: «Как велел? Что ты говоришь! Не велел, а прошу, прошу Господа ради, чтобы он не отказался ко мне приехать».

Еще батюшка настойчиво требовал, чтобы в храме женщины стояли с покрытой головой, а на клиросе для всех было обязательным черное платье с длинными рукавами и черный платок или косынка на голове. Нам, молоденьким, трудно было это исполнять, но соблюдали все без исключения.

Престол в храме был только один — в честь святых бессребренников Кира и Иоанна, но в храме весьма почиталась икона Иверской Божией Матери и предподобного Серафима. Эти дни праздновались как престольные. А когда подходили ко кресту, то певчие пели «Тебе Бога хвалим». В то время в алтаре прислуживал молодой человек — Федор Никанорович, у него был прекрасный голос, особенно при чтении. В большие праздники, а также в Сочельник он всегда читал паремии, и так, что они запоминались на всю жизнь.

Батюшка особенно любил шестопсалмие и часто читал его сам. Двадцатые годы были примечательны тем, что в Москве было множество безработных. Постепенно хозяйство стало налаживаться, и биржа труда стала направлять на работу. В их число попали певчие: Оля, Поля и Шура. Батюшка старался так служить, чтобы люди успевали на работу, но не всем это удавалось, и тогда часто наш клирос выручала очень способная к пению школьница Груня, заменяя регентшу Ольгу Ивановну.

В 1927 году прошла полоса повальных арестов среди церковников, не только духовенства, но и мирян. Очень много попало певчих, церковных старост. Были арестованы и наши Оля и Поля. И мне запомнилось, что в это трудное время на высоте оказалась маленькая Груня. Когда некому было управлять хором, светлая блондиночка в черном платье с выщипанными волосами выходила к народу и регентовала всей церковью во время пения «Верую» и «Отче наш».

И вот настал самый печальный день нашей жизни. В 1932 году, накануне Благовещенья, арестовали наших священников, и некому было служить. Побежали просить по другим церквам, но и там было опустошение. Найти священника мы не смогли. Народу собралось полная церковь, горят лампады, свечи, певчие стоят на клиросе, а священника нет. Мы решили служить всенощную при закрытых царских вратах, с одними певчими.

Весь народ стоял со слезами. Это и была последняя служба в нашем храме.

Хочу рассказать о двух эпизодах, касающихся последующих дней жизни отца Серафима. Зимой 1942 года батюшка был тяжело болен. Я приехала к нему в Загорск, и Пашенька (одна из монахинь, в доме которых он жил) говорит, что ему очень хочется пить чего-нибудь кисельного. А время военное — голод, ни у кого ничего нет, а она вспомнила, что у какой-то матушки (не помню, как ее звали) сохранился большой запас варенья. А жила она по Шелковской ветке, кажется, на станции Загорянка. Дала она мне адрес и попросила съездить, чтобы достать баночку варенья. Я охотно согласилась и поехала. Мороз стоял здоровый — градусов 25. Нашла этот дом, но в нем никто не живет. Вернулась на станцию с пустыми руками. Темно, поезда не идут. Платформа открытая, спрятаться некуда, электричку ждала часа два. Замерзла ужасно — до отчаяния, а что делать? Пешком-то не пойдешь. Наконец пришел поезд, и я добралась домой. Рассказала маме о своих неудачных похождениях, а дня через два приходит наша соседка и дарит нам банку вишневого варенья. Мама сейчас же посылает его со мной отцу Серафиму. Я, весьма довольная, приезжаю. Батюшка уже не подымался с постели. Я рассказала, что матушка там уже не живет, а вот нам такое счастье привалило — соседи банку варенья дали. О том, что я мерзла на станции, — ни слова. Вдруг батюшка говорит: «Какое счастье, что ты приехала. Я так беспокоился, так мучился, ведь ты там чуть не замерзла! Как я мог из-за своей прихоти послать тебя на такое мучение? Не могу себе этого простить». Я отвечаю: «Батюшка! Да что вы расстраиваетесь, совсем я не мерзла! Так рада, что баночку варенья вам достали!» А он все свое, так каялся, точно он и вправду что-то плохое сделал. А потом я подумала: как же он почувствовал душой, что я там замерзла, и какое приносил покаяние за свой невольный грех, ведь он не мог предвидеть, что так случится.

Последний раз с батюшкой я увиделась зимой 1942 года, совсем незадолго до его смерти. Стою на коленях у его кровати и невольно плачу, не могу удержаться. Он рукой поднимает мне голову и говорит: «Запомни, что я тебе говорю: как бы тебе тяжело ни было, чтобы ни случилось, никогда не отчаивайся и не ропщи на Бога!»

Я решила, что он имеет в виду тогдашний голод: положение было очень тяжелое, на моих руках семья — старшие да малые, но я держалась бодро. «Да мне совсем не тяжело», — возражаю ему, — это все не важно! Вас очень жалко, что вы так болеете». А он опять настойчиво повторяет свое завещание, как бы вкладывая его в мою голову. Больше мы не виделись.

А вот в 1946 году в апреле арестовали моего брата. У нас в квартире всю ночь идет обыск. Моя няня, старушка, правда, моложе мамы, думает, что сейчас и

меня арестуют. От волнения и горя ее парализует, но я остаюсь дома и за ней ухаживаю. Состояние ее весьма тяжелое, но к концу месяца становится немного лучше. Вдруг в два часа ночи стук в нашу дверь. Я понимаю, что это пришли за мной, и в ту же минуту пронзает мысль: «Не может быть! Бог этого не допустит! На кого останутся совсем беспомощные мама и няня?»

Стук все сильнее, открываю — действительно пришли за мной. Опять обыск, и на этот раз забирают меня. Более тяжелой минуты в жизни у меня не было, действительно, я находилась на грани отчаяния, готова была возроптать. И вдруг, как живая, встает передо мною картина прощания с отцом Серафимом. Воскрывают его слова: «Как бы тяжело ни было — никогда не отчаивайся и не ропщи на Бога».

В душе все окаменело, молиться не могу. Сами собой текут слезы, и я только одними губами твержу изо всех сил: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» И вот по его молитвам понемногу и у меня полечало на душе, а потом неведомым промыслом Божиим все устроилось к нашему спасению. И старушки мои прожили без меня и безо всяких средств к существованию восемь лет, а после лагеря мы соединились милостью Божией.

Предисловие и публикация
Сергея БЫЧКОВА

ВЫЖИВАНИЕ

ПЕРЕВЕРЖИКИ

Михаил ЛЮБИМОВ,
бывший сотрудник внешней
разведки КГБ

И толпятся они у входа, и, перебивая друг друга, предают анафеме советский режим, и поднимают на щит свои подвиги, и бьют в грудь, говоря о любви к народу, к России...

У входа куда? В рай или в ад? Сон ли это мучеников и святых или же это бесы вьются, извиваются и изворачиваются, водят за нос и обманывают доверчивые души?

Вечный спутник человека — предательство — преследует его всю жизнь и в самых различных сферах: от семьи до государства.

Родилось предательство не сегодня и не вчера, а вместе с появлением на Земле человека, уж чем-чем, а изменами род людской не удивить, даже ученики бросали Иисуса Христа не раз, а апостол Петр три раза от него отрекался...

Войны идей, религий и наций всегда порождали неожиданные прозрения, драматические отречения, роковые раздоры внутри одного лагеря с переходом на сторону противника. Друг Ивана Грозного Курбский ушел к королю Сигизмунду, Мазепа сомкнулся со шведским королем, маршал Петен, как ему казалось, во имя интересов французского народа заключил сделку с Гитлером... В политике блокирование с бывшими врагами и с чужеземцами всегда было обычным делом: большевики мчались через Германию в охваченную революцией Россию ради мирового торжества идей Карла Маркса; Ленин принял в свои ряды бывшего врага «Иудушку» Троцкого, Савинков ради интересов России блокировался с английской разведкой, а русские генералы Врангель и Деникин прямо опирались на иностранные армии.

Но речь не о предательстве друзей, не о политических метаморфозах общественных деятелей, а о носителях государственных секретов, о сликах советского истеблишмента, перешедших на сторону иностранных государств, о перебежчиках-шпионах.

Октябрьская революция расколола мир на два непримиримых стана. Возникла Страна Советов как опора нового мирового порядка. Сталин вместе с Коминтерном считал, что иностранные коммунисты должны помогать советской разведке. Экономический кризис конца двадцатых годов, казавшийся многим, вплоть до либералов и антикоммунистов, закатом капитализма, наступление фашизма подкрепляли его тезис — и многие достойные люди вяляли его призыву, передавали СССР важнейшие государственные секреты своей страны.

Но и внутри Страны Советов не все было ладно, червь сомнения начал глотать пришедшую к власти новую элиту. Сначала их было немного, но разочарование возрастало вместе с провалами грандиозных планов, усилением диктатуры и репрессиями.

Уже в двадцатые годы помощник Сталина Бажанов перешел границу и вскоре выступил с разоблачениями. Спустя несколько лет бежал на Запад видный работник ОГПУ Агабеков, тоже не пожалевший критических стрел для советского режима. В разгар репрессий тридцатых годов бегство приняло более масштабный характер, на Западе остались многие дипломаты и чекисты, в том числе и резидент ОГПУ в Барселоне Орлов, направивший Берия письмо о том, что если репрессиям подвергнется он сам или его родственники в СССР, то он выдаст иностранную агентуру. Угроза действовала, Орлова не тронули, и агентура благополучно функционировала даже после его естественной смерти. Орлов прервал молчание лишь после ухода вождя в небытие, дал обширные показания в сенатской комиссии американского конгресса и написал острую, хотя и далеко не бесспорную, книгу воспоминаний.

Первой и заметной ласточкой послевоенных измен был шифровальщик военной разведки в нашем посольстве в Канаде Игорь Гузенко, сбежавший в Оттаву в сентябре 1945 года. Побег его отличался драматичностью: в первый раз, когда он обратился в канадское министерство юстиции, ему не поверили и попросили прийти на следующий день. Пришлось вместе с женой и ребенком прятаться в доме канадских соседей, в то время как сотрудники НКВД начали его поиск. Гузенко раскрыл широкую сеть советской агентуры, добывающей атомные секреты, передал шифры, что дало возможность в дальнейшем арестовать и предать суду американских и английских граждан, работавших на советскую разведку.

Это дело произвело в рядах наших союзников по антигитлеровской коалиции сенсационное впечатление, ибо западные правительства не предполагали всей глубины советского проникновения в их секреты. Премьер-министр Канады Кинг записал в дневнике: «Когда я диктую эти записки, я думаю о русском посольстве, расположенном недалеко отсюда и ставшем центром интриг. Во время войны, когда Канада помогала России и делала все от нее зависящее для укрепления русско-канадской дружбы, русская служба шпионажа за нами». С началом «холодной войны» секретные службы резко активизировали свою деятельность.

Много шума наделал переход на За-

пад в 1954 году капитана МГБ Н. Хохлова, который должен был убить одного из лидеров антисоветского Народно-Трудового Союза Георгия Околовича, живущего в ФРГ, а вместо этого явился к нему на квартиру и сообщил, что послан для его ликвидации. В качестве доказательства он продемонстрировал бесшумный пистолет, вделанный в коробку сигарет и стрелявший разрывными пулями. Сейчас Хохлов преподает в одном из американских университетов.

Пикантная история приключилась с босвиком МГБ Богданом Сташинским, выпустившим в 1957 году смертельный яд в лицо Льва Ребета, одного из лидеров Организации украинских националистов (вскрытие показало, что Ребет умер от сердечного приступа). 15 октября 1959 года он успешно провел второй «экс», жертвой которого стал небезызвестный Степан Бандера, чьи отряды жестоко дрались с Красной Армией на Украине и не давали ей спокойно вздохнуть даже после войны, вплоть до конца сороковых годов. Заподозрив недоброе, западногерманские власти провели более тщательную экспертизу и обнаружили в желудке Бандеры остатки синильной кислоты, а на лице — следы разорвавшейся капсулы с ядом. Сташинский чувствовал себя героем и был награжден орденом Красного Знамени. И тут в его жизнь вошла восточная немка Инге, в которую он влюбился, оказавшаяся ярой антикоммунисткой. Сташинский попал под ее влияние, любовь разбудила в нем муки совести, которыми, кстати, страдают многие террористы, и чета начала вынашивать планы бегства на Запад. В 1961 году Инге родила в Восточном Берлине сына, вскоре умершего от воспаления легких, Сташинский вылетел из Советского Союза на похороны, и почти в тот же день супруги перешли в Западный Берлин, где Сташинский дал показания.

В 1964 году списки сбежавших кагэбистов «украдил» зам. начальника отдела Второго Главного управления (контрразведка) Юрий Носенко, сын сталинского наркома. Носенко перешел на сторону Запада во время служебной командировки в Швейцарию, раскрыл много секретов о методах проникновения нашей контрразведки в иностранные посольства, указал точное расположение микрофонов, запрятанных в посольстве США и других посольствах, нанес ущерб, исчислявшийся миллионами. Как ни парадоксально, но у американцев во-

Рауса Кисельникова, секретарь советского посольства в Мексике, попросила политического убежища в феврале 1970 г.

Гревилла Винн, арестованный в связи с делом Пеньковского, в тюрьме

Олег Пеньковский

Олег Пеньковский и английский разведчик Гревилла Винн

Карло Туоми, разведчик-нелегал КГБ, перешедший на сторону США в 1959 г.

Олег Гордиевский

зникли большие сомнения в правдоподобности показаний Носенко, и они не только многократно проверяли его на детекторе лжи, но и держали под арестом — боялись стать жертвой дезинформации.

В третьем номере читатели «Совершенно секретно» имели возможность познакомиться с агентом КГБ Кротковым, активным участником лихо закрученного дела, главным персонажем которого был Морис Дежан, французский посол в СССР.

Кротков ушел на Запад во время турпоездки и сообщил, как по заданию КГБ ему удалось войти в доверие к послу и его жене, окружить посла хорошенькими актрисами, втянуть в любовные похождения и даже представить его самому шефу контрразведки, выступавшему под видом ответственного сотрудника Совета Министров СССР. Трудно сказать, как далеко зашли бы отношения с Дежаном, если бы не бегство Кроткова, однако в результате Дежан вызвал к себе его товарищ по Сопротивлению генерал де Голль и, заметив: «Вы слишком любите женщин, дорогой Морис!» — отправил его в отставку.

Ярким примером предательства явилось дело Пеньковского, который был арестован в Москве, обвинен в шпионаже и приговорен к высшей мере наказания. В нашей печати о Пеньковском писали как о сотруднике Государственного комитета по науке и технике, на самом же деле он был полковником Главного разведывательного управления Генерального штаба. Биографии его мог бы позавидовать любой: фронтовики, прошедший почти всю войну, кавалер нескольких орденов, зять маршала, что обеспечивало прекрасную карьеру с генеральского папахой в перспективе. Пеньковский сам искал связи с иностранной разведкой, когда выезжал за границу. После первого обращения в резидентуру ЦРУ ему был дан от ворот поворот, ибо подозрительное ЦРУ усмотрело в полковнике подставу КГБ, зато его вскоре пригнали англичане. Провал Пеньковского произошел случайно, во время проведенной однажды тотальной слежки нашей контрразведки за сотрудниками английского посольства и их семьями: жена одного из английских разведчиков зашла «поправить чулок» в подъезд старомосковского дома и заложила там тайник, который был изъят неизвестным мужчиной, вскоре установленным наружным наблюдением.

ЦРУ микрофильмы секретных документов, в том числе и отчетов из посольств. По западным данным, КГБ смог зафиксировать утечку секретов и установил строгий контроль за сотрудниками управления, из которого происходила утечка информации. Таким образом вышли на Огородника и установили, что он фотографирует секретные документы миниатюрной камерой.

Будучи арестован, Огородник тут же признался в сотрудничестве с ЦРУ и выразил желание изложить на бумаге все детали своей работы на американ-

нет ничего общего с отъездом на Запад музыкантов, литераторов или ученых, ищущих применения своим талантам, или «диссидентов», открыто борющихся с тоталитарным режимом и сидевших в советских тюрьмах.

В публичных выступлениях и в мемуарах перебежчики в один голос объясняют свои действия идейными причинами: ненавистью к КПСС и ее политике, борьбой за освобождение народа от тоталитарной диктатуры, невозможностью жить в условиях несвободы. Левченко пишет о своей религиозности и

работников в разной, естественно, степени и по вполне понятным человеческим причинам заботятся о материальном обогащении (как и большинство наших сограждан), и это порождает фантастический характер. Можно привести уйму примеров совершенно патологической скарденности — от прямого голодания до анекдотической экономии расходования платной воды в туалете, вынуждающей спускать бачок один раз в день на всю семью. Хорошо, если стремление к обогащению (слово это, естественно, отвечает своему содержанию

Дальнейшие события разворачивались по обычной схеме: за Пеньковским наладили тщательный негласный контроль, во время которого было выявлено фотографирование им секретных документов. Его связником в Советском Союзе оказался бизнесмен Гревил Винн, с которым он поддерживал официальные связи по линии ГКНТ. Винн тоже был арестован, несколько лет пробыл в тюрьме, пока не был обменен на сидевшего в английской тюрьме кадрового советского разведчика Гордона Лондейла, работавшего под «крышей» канадского бизнесмена.

В 1971 году произошло предательство, получившее огромный политический резонанс: в Англии бежал сотрудник разведки КГБ Лялин, рассказавший, что он занимался подготовкой операций на случай военного конфликта между Востоком и Западом. Лялин не обладал особо важной информацией, хотя знал большую часть разведчиков КГБ и ГРУ в Лондоне. Английское правительство, до сих пор неоднократно намекавшее на то, что штаты советских представителей в Англии непомерно распухли и во много раз превышают штаты англичан в Москве, решило сделать крупный политический ход и выслало из страны более ста человек. Эта акция англичан была поддержана французами и в других странах, началась визовая война, изрядно подсократившая наши представительства за границей.

В середине 70-х годов ЦРУ приобрело агента в Главном разведывательном управлении Генерального штаба, предложившего свои услуги. Это был полковник Филатов, работавший в Алжире и передававший американцам множество секретов, относящихся к области разведки и военной техники. Филатов взаимодействовал с ЦРУ лишь четырнадцать месяцев, вернувшись в Москву, он продолжал передавать ЦРУ секретные документы, но был арестован КГБ в момент использования тайника, на который вышли в результате слежки за американцем, державшим Филатова на связи. После нескольких месяцев следствия Филатов предстал перед военным трибуналом и был расстрелян.

В 1974 году во время работы в советском посольстве в Боготе пошел на сотрудничество с ЦРУ Александр Огородник, занимавший затем ответственный пост в МИД СССР. На протяжении двадцати месяцев Огородник передавал

скую разведку. Ему дали бумагу и авторучку, но он попросил принести ему любимую ручку фирмы «Монблан», лежавшую в его служебном кабинете. Получив ручку, он внезапно ее вскрыл, что-то проглотил и через десять секунд умер — туда американцами была искусно вмонтирована крошечная ампула с ядом.

В конце семидесятых годов в Японии ушел к американцам сотрудник КГБ Левченко, который затем был заслушан на сенатской комиссии США — такая практика существует в США долгие годы. Предательство Левченко вылилось в широкую кампанию обвинений КГБ в дезинформации, использовании международной прессы для пропагандистских акций.

Знакомый читателям «Совершенно секретно» по публикациям отрывков из его книги «Разрыв с Москвой» (1990. № 9—12; 1991. № 1) Аркадий Шевченко, заместитель Постоянного представителя СССР в ООН, по рангу — Чрезвычайный и Полномочный Посол, занимает, пожалуй, по числу одно из первых мест среди изменивших своему клану.

В 1985 году произошло поистине уникальное событие: английский разведка тайно вывезла из СССР своего агента Олега Гордиевского, исполняющего обязанности резидента КГБ в Лондоне и находившегося на грани провала. Обстоятельства вербовки Гордиевского до сих пор покрыты туманом, после его бегства появилось официальное заявление датского министра о том, что датчане имели особые отношения с ним чуть ли не с середины 60-х годов. Сам же Гордиевский в интервью утверждал, что сознательно пошел на сотрудничество с английской разведкой в 1974 году, когда он работал в нашем посольстве в Дании. Гордиевским был выдан ряд советских агентов, он также передавал англичанам информацию политического и военного характера...

Э то далеко не полный список предателей из числа представителей советского истеблишмента. По данным КГБ, с 1985 года 34 шпиона подверглись аресту, были приговорены к высшей мере и другим мерам наказания. А сколько осталось за границей!

Почему они встали на этот путь? Переход в другой лагерь для людей, облеченных государственным доверием, помимо всего прочего, являет собой акт драматической моральной ломки, тут

вспоминает, как перед командировкой в Японию он посетил церквушку на окраине Москвы, где мысленно попрощался с родиной. Эволюция Гордиевского, по его словам, началась уже во времена зачинания гаск после ухода Хрущева и окончательно завершилась после удешевления «пражской весны» и ввода войск в Чехословакию. Пытаясь объяснить, почему он стал шпионом, а не встал на путь открытой политической борьбы, Гордиевский утверждает, что не хотел «быть обузой» на Западе, желал внести ощутимый вклад, передавая советские секреты разведке. Приблизительно так же мотивируют свое предательство и Шевченко, и многие другие шпионы...

Бесспорно, что идейный фактор играл важнейшую роль в подталкивании облеченных доверием советских функционеров к сотрудничеству с западными спецслужбами, но мировая практика шпионажа говорит и о том, что к этому в разной степени примешиваются и другие, менее respectable мотивы. Кроме общего политического фона существовали и конкретные обстоятельства, покрытые в секретных архивах западных спецслужб, и глубоко индивидуальные моменты. Общий фон создавался нашей Системой, пораженной коррумпией, демагогией и двуличием и уже давно не вызывавшей истинных симпатий честно мыслящих граждан. Многие предатели, по сути дела, подражали сидящим ныне в тюрьмах или процветающим на пенсиях номенклатурным деятелям с единственной разницей, что взятки они брали не от своих мафиози, а от западных спецслужб. Были среди них, конечно, и истинные ненавистники Системы, которые пошли на крайний шаг, движимые отчаянием, яростью и полным неверием в возможность изменений на родине.

В то же время существенными являются сами условия, в которых появились шпионы: почти все они были завербованы на Западе, лишь отдельные смельчаки рискнули предложить свои услуги в СССР. И эта назойливая повторяемость ситуации невольно наводит на мысль о том, что «идейное родство» во многих случаях, по-видимому, подкреплялось иными факторами, вполне объяснимыми, если учесть, что иностранные спецслужбы изучают советские колонии за границей, как ученые, прильнувшие к микроскопу.

Подавляющее большинство заграни-

лишь в советском контексте) покоится на самостязании, гораздо хуже, если советский гражданин начинает торговать привезенными из Союза драгоценностями или иконами, вступать в различные «бартерные» сделки, запрещенные местным законодательством. Если к этому еще добавить игру человеческих страстей, которые особенно расцветают в комфортных заграничных условиях, то нетрудно предположить, какую благодатную ниву изучают микроскопы контрразведок. Боже, чего только не бывает в советских колониях! Тут и пьянчуги за рулем, попадающие в авткатастрофу, а затем — в полицию, и скрытые алкоголики, дующие спиртное конспиративно на дому, и женолюбы, влюбленные в местных граждан, чаще всего контролируемых спецслужбами, и женолюбы-гуляки, предпочитающие бордели... «И всюду страсти роковые, и от судьбы спасенья нет».

Все контрразведки мира профессионально играют на струнах человеческой души, тут нет места сомнениям в моральной нецелесообразности или нечистоплотности методов — цель оправдывает средства: на войне как на войне. Далеко не все удается: от пьянства, разврата, ненависти к Системе до согласия работать на иностранную разведку — глубокая пропасть, лишь единицы идут на предательство, большинство отвергают вербовочные предложения, каются или утаивают свои прегрешения, но для этого требуется мужество: ведь нарушителем грозит конец заграничной карьеры, печальный финал сладкой жизни, где нет ни очередей, ни мучительных поисков дефицита и где даже скромная по западным меркам зарплата позволяет сравнительно быстро накопить на машину и прочие блага, для получения которых в Союзе надо утробить полжизни.

И тут слышится глас возмущения: «Что там обстоятельства вербовки! Как вообще могли таких подонков выпускать за границу?! Ну а если уж и прогнали, то почему так долго не смогли разоблачить предателей?»

Грустный ответ: в душу человека не заглянешь, а анкетные данные у всех изменников безупречные, родственники в кулаках не числятся, связи за кордоном отсутствуют, сами они — коммунисты до кончиков ногтей, активные участники семинаров по политпросвещению, энтузиасты субботников и воскресников,

люди морально устойчивые. Вот если бы на партийных собраниях они вдруг подлили свой голос в защиту Троцкого или, не дай Бог, Сахарова или частной собственности и американского образа жизни, или осудили бы вдруг интервенцию в Афганистане, тогда бы... Но, увы. Они были «как все»: дисциплинированные, исполнительные, верные всегда правильной линии партии.

Провал наступал тогда, когда советской контрразведке удавалось засечь тайную встречу иностранного разведчика с советским гражданином или обнаружить тайник, ожидающий день и ночь, когда к нему придет пользователь. А самая большая удача, если сидит в спецслужбе противника свой человек вроде Кима Филби с доступом к агентурным делам...

Но выйти на изменника — полдела, надо ведь и документально доказать измену. Англичане тоже в 1951 году имели шанс сразу арестовать советских агентов, видных сотрудников Форин Оффиса Гая Берджесса и Дональда Маклина, но не решились: отсутствовала фактура для судебного процесса. А пока ее собирали, дипломаты тайно бежали из Англии в СССР. Возможно, по той же причине и прозвала наша контрразведка Гордиевского...

Разоблачать легко в кинофильмах, где на физиономии предателя уже лежит знакомая печать подлости, трусости и других смертных грехов (помните Астахова в «Подвиге разведчика»?). В жизни изменники — вполне симпатичные люди, более того, шпионы иностранных разведок заинтересованы в том, чтобы производить благоприятное впечатление на окружающих, они стремятся располагать, а не отталкивать, дружить, а не враждовать и, конечно же, иметь репутацию достаточно лояльных режиму людей.

Вернемся в прошлое и вспомним, как мучительно долго и противоречиво происходило разоблачение эсеров провокатора царской охраны Евно Азефа, который лично организовывал убийство министра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея и многих других сителных особ. В руках эсеровского руководства были не только свидетельские показания о связи их лидера с охранкой, но и подтверждение этого самим шефом департамента полиции генералом Попухиным, за что он попал в ссылку, но все равно не нашли в себе сил эсеровские лидеры вынести Азефу окончательный приговор, заслушавши его объяснения, выясняли отношения друг с другом, пока предатель не почувствовал запаха жареного и не улизнул от возмездия.

И большевиков не миновала чаша предательства: Роман Малиновский, человек «из рабочих», что до сих пор свято ценится в партии, был завербован охранкой в 1910 году. Член Государственной думы, любимец Ленина, создавшего в 1912 году комиссию для борьбы с провокаторами, в которую входил Малиновский. Сталин и Свердлов были арестованы в 1913 году по наводке Малиновского. Первая тея на предателя упала в мае 1914 года, когда замминистра внутренних дел Джунковский, будучи законником, испугался присутствия агента в Государственной думе, рассказал некоторым депутатам о связи Малиновского с охранкой.

Провокатор бежал за границу, однако большевистское руководство расценило действия Джунковского как попытку скомпрометировать большевиков. Мартов писал пламенные письма Ленину, убеждая его, что Малиновский — провокатор, однако Ильич отвергал все подозрения. Только после Февральской революции, когда выплыли на свет архивы охраны, провокаторство Малиновского стало доказанным.

Самое поразительное, что в 1918 году Малиновский вернулся в Россию, заявив, что «он не может жить вне революции», и вскоре был расстрелян. Как, однако, все неспросто в человеческой жизни, смешались в ней и расчет, и наивность, и добро, и зло...

Иногда кажется парадоксальным: именно в XX веке, когда появились новейшие средства связи и любое событие в самой захудалой точке планеты мо-

ментально становится известно всему миру, разведывательные службы и их шпионские сети неизменно разрослись и заняли могущественное положение в государствах.

Когда-то США имели лишь военную разведку, после второй мировой войны появились ЦРУ и мощные технические службы сбора информации, тратящие миллиарды долларов на глобальный шпионаж.

В царской России кроме небольшой, но эффективной военной разведки существовала малочисленная «заграничная агентура» охраны, нацеленная главным образом на революционную русскую эмиграцию. Иностраный отдел ЧК—ОГПУ насчитывал несколько десятков человек, да и после войны разведывательный аппарат был невелик. Сейчас же мы имеем крупную организацию, ведущую разведывательную работу практически во всех странах. Очевидно, что это результат военного противостояния супердержав — СССР и США.

Возникают вопросы: действительно ли для управления государством нужны столь солидные объемы разведывательной информации? не отбрасывают ли разведки хлеб у официальных внешнеполитических ведомств и научных институтов? не действует ли внутри государственных структур закон Паркинсона: чем больше спецслужбы, тем шире их функции?

Вряд ли шпионаж и его ненадежный спутник — предательство исчезнут, пока существуют различные интересы государств. Более того, драматические изменения в мире, вызванные нашей перестройкой, по-видимому, могут даже активизировать деятельность всех спецслужб. Увы, но история зачастую бывает безумна и непредсказуема и выделяет такие фортели, которые не в состоянии спрогнозировать ни одна разведка.

Шпионаж не исчезнет, но с окончанием «холодной войны» все же появились шансы несколько смягчить его формы и методы, сменить кинжал и палач на сотрудничество — путь непростой и нелегкий, но необходимый для Запада и Востока.

Разведки всегда выполняют волю своих правителей. Когда-то немцы активно шпионили в США и Англии, а англичане во Франции, но пришли иные времена — и разведки этих стран объединили усилия.

Шпионаж не самое большое достижение человечества, им нельзя гордиться, это — печальная необходимость. История сурова к тем, кто работал против своей страны, народ обычно держит в памяти «своих» разведчиков, будь то Николай Кузнецов или полковник Лоуренс, но настолько относится к тем, кто перешел на другую сторону даже из самых высоких соображений.

В чем же тут дело? Тезис «В борьбе все средства хороши» не отвечает нормам человеческой морали, какими бы красивыми лозунгами его ни прикрывали. У любого гражданина нашей страны в общем-то всегда имеется свободный выбор, и никто не запрещал ему «бодаться с дубом», рискуя попасть за решетку, как это и делали борцы за справедливость в нашей стране.

Те, кого мы сегодня называем перебежчиками, тоже имели возможность порвать с Системой и открыто подняться на нее меч — будь то за границей или на родине. Но они предпочли иное, связав свою судьбу с национальными интересами других государств, и вряд ли им суждено войти в русскую историю в качестве героев — ведь человеческие сердца тянутся к открытости и искренности, а герои не способны ни на подлость, ни на предательство. Разве можно представить академика Сахарова, передающего на Запад секреты водородной бомбы, или генерала Григоренко, выдающего военные планы?

© М. Любимов, 1991

Расскажите, как приводили приговор в исполнение.

Он тяжело вздохнул, минуту помедлил и ответил.

Есть у нас три куста, где расстреливают. Это было под Свердловском. Я мог и не присутствовать, но эта тварь меня настолько достала, что я твердо решил: чего бы мне это ни стоило, убедиться, удостовериться собственными глазами, что ее на земле уже нет. Даже азарт какой-то, прямо нечеловеческий, захватил, посмотреть, как она исчезнет, хотя трупов не выношу и похорон избегаю... он умолк, но потом заговорил быстро и страстно: — Нынче много развелось демоогов, предлагающих убрать из УК смертную казнь. А пережили бы они то, что пережили родители изнасилованных и садистки убитых детей, так языки бы прикусили. Вообще, я считаю, расстрел для таких тварей очень легкой смертью, не искупающей и сотой доли их вины. Есть, понимаешь ли, разная патология: в учебниках психиатрии и судебной медицины она достаточно подробно описана. Но здесь что-то невероятное: врач, доктор медицинских наук, выживающий детей, как Богородица, очередь к нему на год вперед, родители ноги целуют, а он, эта генеральная тварь, раз в полгода насилует ребенка, самым изощренным образом насилует его, всаживает нож в спину и наслаждается его смертью... Нет, я не могу все это в деталях передать.

Он махнул рукой и сжался.

Знаешь, что меня поразило, когда зачитали приговор и праторщик взвел пистолет, как хлынуло у него из всех дыр — и моча, и экскременты. Не верил до последней минуты, все на что-то надеялся... Ну, потом его за ноги... и в ванну с кислотой, которая даже кости и волосы растворяет. Через полчаса ванну слили. Да, когда растворяли, из-за дверей слышался какой-то неслышный крик, а может, это я галлюцинировал, не знаю.

Это было несколько лет назад. В одну из моих командировок в город Болжак позвонился я с юристом, прослужившим в органах порядочное время, и естественно, наткнувшись разными криминально-детективными историями. Слышал я таких историй много, в памяти своей подолгу не держал, но эта про садиста детубицу, потрясла особенно.

Анатоль, так звали того юриста, свел меня с газетным журналистом, которому, к моему великому удивлению, удалось записать на диктофон предсмертную исповедь доктора убийцы. В газете материал не помещался, и журналист по дружески отдал мне ту пленку. На ней — многочасовые размышления приговоренного к смерти Сударушкина Алексея Семеновича. 1936 года рождения, составившего членом КПСС, размышления, из которых я выбрал только три, на мой взгляд, заслуживающих внимания фрагменты.

ФРАГМЕНТ ПЕРВЫЙ

Ает в пять мне приснился страшный сон. Будто мы с мамой плываем в невесомости в какой-то желто-бурой среде, но это и не жидкость и не газ. Потом я понял — атмосфера какой-то планеты. Вот мы ступили на почву, желто-голубой смрад расширяется, и мы с ужасом обнаруживаем, что находимся на Луне. Видим Землю, величиной со школьный глобус и такую красивую... А нас колотит от страха...

«Мама, — спрашиваю я. — Ведь мы умрем здесь, и у нас даже не будет могилки на Земле. Что делать, мама? Как нам вернуться обратно? Как попросить, чтоб спасли. Пусть пришлет корабль. Мама!» — и я плачу. А потом просыпаюсь в своей кровати, в чистой и светлой комнате. И мне так хорошо, что снова плачу, но теперь от радости...

А в обед того же дня я залез в кусты сирени, поймал трех цыплят и повесил их, как фашистов. Мама была в ужасе. «Что ты наделал, сынок?!» А я говорю: это фашисты. А она в истерике: «Какие фашисты?! Это живые цыплята. А фашист — ты! Ты убил их! Ты — убийца!»

Она меня отлупила, повела за ухо просить прощения у хозяйки цыплят, а я выли, как побитый щенком, и не понимал, что сделал. Нет, я, конечно, понимал, что этого делать нельзя, но не понимал почему. Когда я их вешал, они трепыхались, а в душе моей звенела какая-то музыка. И очень мне было весело. Вот тогда, наверное, впервые дала о себе знать патология. Мама, разумеется, не поняла, что это болезнь. Да больше такого и не повторялось. Может, оттого, что боялся порки. Она мне с пеленок внушала, что я должен стать врачом. Это была ее мечта — стать врачом, но у

нее она не сбылась. А потом эту мечту она перенесла на меня и задавила ею. Я просто обязан был стать врачом, как должен был вырасти мужчиной. У меня не было выбора.

Школьные годы пролетели быстро. Учился отлично. Правда, за счет усидчивости. Мать была линейкой по рукам за каждую полученную четверку и своего добила: десятилетку закончил с золотой медалью. Сразу поступил в медицинский. Учиться было легко, потому что все строилось на зубрежку. Мыслить, особой нужды не было.

Анатомический театр... Для всех студентов-медиков это испытание. Для меня же — настоящий театр. Я даже не чувствовал там. А однажды изнасиловал мертвую девушку. Она была как резиновая, даже не сопротивлялась. А я все ждал и ждал, когда она пошевельнется. И, знаете, она все-таки пошевельнулась, в момент моего оргазма. Я вам точно говорю, что пошевельнулась. Вообще, в морге течет своя жизнь. Мертвецы встают, двигаются... Словом, живут до сорока дней, потому что тут их души присутствуют.

На последних курсах подрабатывал санитаром морга горбольницы. Никакого отвращения не испытывал. Напротив, чувствовал себя нормально. Пил спирт, таскал трупы, как дрова. Было очень интересно наблюдать их поведение, некоторые изменения: Я видел в этом искусство бога. Он, как великий скульптор, менял их облик — то прихорашивал, то обезображивал...

ФРАГМЕНТ ВТОРОЙ

После института поехал работать в Магадан. Нас, нейрохирургов, было двое — я и сорокалетний еврей Шкуреский. Однажды мы собрали по кусочкам череп одной райкомовской бабы, сброшенной со скалы. Она до сих пор живет. У Шкуреского была своя «коронка»: при страшных болях в позвоночнике, от которых теряли сознание, он делал свой таинственный

Властимир ЛОГИНОВ

ДЬЯВОЛ ВО ПЛОТИ

укол, и боли тотчас проходили. За это его боготворили! А жена у него какая красавица! И он спал с ней каждую ночь. Я с ума сходил от ревности...

Там я сделал свою первую кандидатскую диссертацию. Вскрыл пятьсот детских трупишков и нашел закономерность. Теперь дети в Магадане не умирают от этой болезни. Но что я за это получил? Червонец прибавки к зарплате? Внутреннее удовлетворение? Нет его, как нет и благодарности людей. Им глубоко плевать на того, кто нашел метод.

Когда я вскрывал мертвых детей, слышал голоса: жалобные и плачущие. Сначала думал — слуховые галлюцинации. Потом разговаривал с рабочими крематория. Они признавались, что слышали крики душ, когда сжигали трупы. И у меня, стало быть, души младенцев плакали, им больно было. Я решил, что близок час, когда загремлю в дурдом. Но скоро все прошло. К голосам привык и даже подстроился под них. Вводил трупу наркоз, и голосов не было. Тогда душам не было больно. Разумеется, об этом никому не говорил. Люди злы и завистливы. Они бы тотчас решились, что я свихнулся. А ярлык — штука страшная. Клеится он легко, да отмыться почти невозможно.

Неподалеку от Сусумана есть Долина смерти. Несколькими тысячами политзаключенных лежат под льдом, как живые. Иногда их даже с самолета видно. Но знаете, какая там аура... тончайшая... трепетная... Я сидел туда зарываться. Души заключенных свили там себе гнездо и дежурят, как на посту. Меня они не любили, но все-таки подпитывали. «Гнездо душ» — так называли это место. Там мне всегда было легко и приятно...

Еще я пытался добраться до тайника земной жизни, где законсервирован весь наш набор душ. Это на случай, если жизнь на Земле исчезнет и придется разводить Сад заново. Однако тайник спрятан во льдах и к

нему практически не добраться. У меня просто не хватило средств и техники.

Я имел много денег, потому что в сезон ездил с артелью старателей как врач. Когда мы возвращались в Магадан, то на три дня закупали кабак и гудели. Я брал червонцы, как колоду карт, и поджигал этот веер. Официантки давились от злости. Потом я швырял под стол пачку денег, и толстые бабы лезли на карачках, как собаки, рыча и вырывая друг у друга купюры. Я наслаждался схваткой омерзительно толстых пальцев, окольцованных «бочками» и всевозможными перстнями. Они напоминали разъяренных свиней.

Потом я улетал недели на две в Москву и селился в одной из лучших гостиниц. Я приказывал наполнять ванну шампанским и нанимал горничную, чтобы она меня в ней мыла. Но все бабы — твари! Ни одна из них не устояла перед деньгами. Я вызывал к себе в номер любовию, предварительно подложив под край ковра «катышку». Когда я предлагал обслужить меня, то кончиком носка приподнимал ковер и показывал «катышку». Ни одна не отказалась. Десять кусков мне хватало ровно на две недели. Но однажды я прилетел в Магадан на два дня позже обычного и с ужасом обнаружил, что мне не хватает двадцати копеек на билет до города. Пришлось заниматься у одного бича, который потом проиграл меня в карты и чуть не зарезал...

Есть такая штука на стыке наук — филогения и физики — качество времени. Это мера траты жизненных сил в определенный промежуток: когда за день человек проживает год, а может, и три. Так вот — качество времени моего магаданского периода можно охарактеризовать небывалой концентрированной растратой жизненных сил. Семь моих колымских лет — это около тридцати материальных. Там я стал личностью, но там впервые и надорвался.

хоты поначалу и не заметил, что надрыв-то был смертельный. Он повел меня в пропасть, хотя внешне я рос и прогрессировал. И патологией этого страшного сдвига управляла душа, вырвавшаяся из него-то, что ей очень хотелось: педофилию...

Я жаждал добраться до истоков живого. И чем ближе к этой тайне стремился, тем похотливее и сладостнее становилась ревность моя ко всему молодому, молоденькому, младенческому... Порою мне хотелось вообще влезть в утробу женщины и, уменьшаясь до яйцеклетки, превратиться в то зиронейтринно, что и есть само тело души. А потом проделывать обратный путь: родиться со знанием тайны жизни и самому создавать живое, так необходимое для моей страсти. Я никогда не считал это патологией, не считал и сейчас. У науки нет этики, потому что нет ее и в живом. Ведь все мы рано или поздно сдохнем, и тогда какой в этом смысл? И коли смерть неэтична, незтична и жинь...

...Я облетел весь север Колымы как член медицинской комиссии военного комиссариата. Тогда я был молод и вынослив. Но у меня стали выпадать волосы, появились нервные расстройства и поэтому пришлось вернуться на материк...

ФРАГМЕНТ ТРЕТИЙ

Наверное, тогда я выношил категорию «прекрасной патологии». Ее никто не понимает. Как сговорились. Считают, что патология — это омерзительно, это — по ту сторону. Ан нет. По эту. Все по эту. Все едино. И жизнь за гробом есть. Несколько иная, правда, чем эта... Ну а с душами все ясно давно. Вот мне досталась душа садиста. Что я могу с ней сделать? А ничего... Она же моя высшая воля, диктует мои поступки, образмы мыслей, страстями... Она вечна и бессмертна. И тогда о какой ее патологии может быть речь, если она данность, как вода или земля...

Конечно, я мог бы убить себя. Вернее, свое тело. Но душно убить нельзя. Завтра же у нее будет новое тело, и с ним она будет вести себя так, как с моим. Это неразрешимая проблема. А потом, она очень и очень тонкая. Божественная, я бы сказал. У нее такие прозрения, что ум мой частенько содрогался от восторга. В эти минуты я ее страстно любил и благодаря ей делал чудеса. Как Христос: встань, возьми постели свою и ходи! Но все же достиг я такого искусства врачевания прямо-таки нечеловеческим трудом...

Я же десять лет с крысами жил. Клетки дома завел, кормил, мыл, выхаживал. Потом перебивал хребет, пересаживал спинной и головной мозг, экспериментировал и экспериментировал... И никто мне не помог, ни одна собака. А завидовали, сволочи, по-черному. Я открыл несколько тайн. Кандидатских три штуки написал, докторских две. На пятерых хватило бы...

Ну а потом? Нервы, нервы, нервы... Я себя страшно тратил, а восстанавливаться не мог. Первое время пьянка помогала, потом наркотики. Но и это скоро надоело и стало неэффективным. Душа требовала сильного стресса, с кровопусканием. Короче, жертвоприношения. Это качели, понимаете? Да нет, этого никому не понять. Надо быть в такой шкуре...

Я тщательнейшим образом продумывал каждый акт. И после этого такое освобождение, такая легкость!.. Да, мой преступление сверхчужды. Я все понимаю и жду самого ужасного наказания. Я приму его заочно и спокойно. Правда, может, психика не выдержит, но это уже ее проблемы. Душа моя выше моей психики и выше моего разума. Только высота эта опрокинута вниз...

Что, такое нравственность? Выдуманная категория. Просто слово.

Однажды мне мама объяснила, почему она неверующая. Сказала: «Прочитала в Евангелии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Значит, Бог это только слово...»

А что такое слово-логос? Самый большой ученый в мире по античной эстетике насчитал около пятидесяти значений логоса. И как бы там ни было — слово есть слово, это еще не дело. Что бы ни твердили всякие гуманитари о живом и мертвом слове, о чуде слова, душе его и внутренней форме, — ясно одно, что слово все-таки есть слово. И нравственность — слово, которым назвали понятие «идеал». И он всем нравится, и все делают вид, что к нему стремятся. Но на самом деле жизнь — вещь безнравственная от начала до конца. Нише — вот гений. Он прав. Фашизм тоже гениален, потому что не прикрыт этой лживой категорией, выдуманным словом и понятием...

Гитлер сделал для своей нации великое дело, когда опубликовал в тридцатые годы немецкий эпос, раннюю фольклористику, памятники религиозного мистицизма. Эти книги — фундамент второго рождения германской нации...

Да, нравственность — категория стадно-инстинктивная, ложная. Это средство, а не цель. Цели не знает никто. Это самая главная тайна...

Какова была цель моей жизни? Стать чудо-профессором и садистом-убийцей? А теперь я уйду, и будет другой профессор-убийца. И все сначала... Что за заколдованный круг? Уже ясно, что тот набор душ, что

разведен на Земле, неизменен. Может, всю мерзость Вселенной рассадил здесь, и любая душа, готовая вырваться из этого Сада, уже и не знает, куда ей податься, — забыла дорогу назад, а может, и не знала ее вовсе... Стало быть, опять Еклезияст, опять суета сует и томление души...

О, если б я знал, как очистить душевную атмосферу Земли от болезней душ! От той самой «прекрасной патологии», которую я открыл, полюбил и признал священной... Неужели я не хотел иметь нормальную семью, детей, дом, где чувствовал бы себя так, как когда-то в утробе матери? Благословенное время! Невесомость в земных условиях, космос во чреве! И опять этот сон...

Да, на Земле не будет моей могилы. Тот детский сон был пророческим. Тело мое, отравленное душой, уже не будет участвовать в круговороте земного вещества. А душа проживет немного там, в сернисто-голубом смраде, на холодной лунной поверхности. А потом она окажется здесь, вскружит голову какой-нибудь парочке и выпадет в осадок-яйцеклетку. И появится новый я, и будет он толкаться ножками в животе своей матери, а мать и знать не будет, кто ему мать. А отец и подавно... Он будет просто убежден в том, что именно он отец того нового существа, душой которого будет моя душа...

А может, она будет другой, эта моя душа после моей смерти? Может, она будет лучше? А может, хуже? Нет... Здесь законы очевидны. И доказательство тому — повторяемость. Именно повторяемость. Ведь стереотип личности повторяем. Всюду функции, функции... И кто вмешается? Кто исправит положение вещей? Как изобрести мир от патологии?

Я очень устал. Может, там узнаю то, что томило меня здесь целых сорок пять лет, пролетевших как один день. Будто только вчера родился. А уже все. Время скатывается до нуля. Тикают секунды, летят тоненькая струйка песка. И осталось чуть-чуть...

ОТ РЕДАКЦИИ:

Прочитав эту исповедь, мы долго не могли прийти к себе. Из всего, что известно о смерти и смертниках, можно сделать практически однозначный вывод: на пороге ТУДА всегда наступало предсмертное просветление, подтверждающее тем самым, что существует высший нравственный закон, кантовский императив, царство Божие внутри нас...

Дьявол же во плоти с его идеей Сада — набора душ подлецов и негодиев, которые и определяют ход человеческой цивилизации, подвел нас буквально к краю бездны, в которую мы заглянули и ужаснулись, пережив шок от беспредельного цинизма врача-убийцы. А чего стоят его фантазии о божь, который одновременно и бог, и дьявол.

Сомнительные, опасные или прямо абсурдно-болезненные идеи, претендующие на морально-философские поиски смысла жизни, привели этого садиста к закономерному концу. Эксперименты над душой отомстила в конечном счете за себя безумием. Ибо только безумец может построить модель жизни по образу и подобию ада.

Но самым непостижимым в этой предсмертной исповеди нам показалось то, что Сударушкин ощущает свою жизнь оправданной, а себя — прощенным. Но в Библии сказано: «Душа согрешающая, та умрет».

ОТТО СКОРЦЕНИ

МЕМУАРЫ ЧЕЛОВЕКА СО ШРАМОМ

**ПРИКАЗ ФЮРЕРА:
«НАЙДИТЕ ДУЧЕ
И ОСВОБОДИТЕ ЕГО!»**

это сделать. Вы должны осуществить эту операцию, в настоящее время самую важную во всей войне.

«Аволь, мой фюрер!»

В ПОИСКАХ ДУЧЕ

Нас было шестеро, мы стояли вдоль стены в большой комнате. Шестеро офицеров. Подполковник и майор вермахта, два подполковника Люфтваффе, штурмбанфюрер СС и я. Будучи младшим по званию, я стоял последним.

Комната освещалась отраженным светом, скрашивающим тени. Перед нами длинный стол со штабными картами и цветными карандашами, камин, письменный стол у двух больших окон и на противоположной стене маленькая картина в серебряной рамке: «Фиалка» Альбрехта Дюрера.

Слева от меня открылась дверь. Он вошел и медленно прошел перед нами, приветствуя нас отрывистым жестом с открытой рукой, который благодаря фотографам был всем нам хорошо знаком. Вначале он несколько секунд смотрел на нас, не говоря ни слова. Я видел его в третий раз. Первый раз это было в феврале 1936 года на зимних Олимпийских играх в Гармиш-Партенкирхене, второй — когда со строительных лесов я вместе с рабочими наблюдал со триумфальный везд в Вену.

Теперь нас отделяли от него несколько шагов. Он был в белой рубашке с черным галстуком под кителем защитного цвета. На груди железный крест первой степени, полученный в августе 1918 года, и серебряный значок за три ранения. Его адъютант Отто Гюнше назвал ему имя подполковника, стоявшего крайним справа, затем поочередно представились четверо офицеров, стоявших передо мной. Когда Гитлер дошел до меня, он пожал мне руку, ни на секунду не сводя с меня взгляда. Я поклонился и представился пятью фразами. Затем он отошел назад, несколько мгновений смотрел на нас и спросил: «Кто из вас знает Италию?» Несколько секунд молчания.

«Я два раза ездил в Неаполь на мотоцикле, мой фюрер», — произнес я.

Молчание, внезапно второй вопрос: «Что вы думаете об Италии?»

Подполковник вермахта ответил, что Италия — наш военный и идеологический союзник, офицеры Люфтваффе вспомнили об оси Берлин—Рим, а офицер, стоявший рядом со мной, заговорил об антикоминтерновском пакте. Когда Гитлер оказался передо мной, я просто ему сказал: «Я австриец, мой фюрер».

После этих слов он не шелохнулся, его взгляд впился в мои глаза, но я не моргнул. Ожидая от продолжения или молчания? Я молчал. Этими двумя словами я сказал все: Южный Тироль, наша борьба за обретение родины-матери, аншлюс. Молчание продолжалось, и я чувствовал, что должно что-то произойти.

«Мне надо переговорить с вами, гауптштурмфюрер Скорцени», — очень спокойно произнес Гитлер.

Повернувшись к своему адъютанту, он добавил: «Остальные офицеры свободны».

Он отдал им честь. Отто Гюнше вышел, и мы остались одни.

Было примерно 20 часов 30 минут 28 июля 1943 года, когда в этом просторном зале «Вольфшанце» («Волчье логово») Гитлер сообщил мне о задании, которое он решил мне доверить. Его слова были приблизительно следующими:

«Вчера Муссолини был предан. Король арестовал его. Дуче не только мой союзник, но и мой друг. Он само воплощение Древнего Рима, и я не могу оставить этого великого человека на милость тех людей. Он ни о чем не догадывался, совершенно! Я уверен, что новое итальянское правительство переметнется и выдаст дуче англо-американцам. Предан его, они его и продадут. Я должен помешать этому вероломству».

Мы оба были на ногах. Он ходил взад и вперед по комнате и, казалось, разговаривал сам с собой. Он остановился передо мной и вновь пристально на меня посмотрел.

«Надо узнать, где содержится дуче, и освободить его. Вот чего я жду от вас, гауптштурмфюрер Скорцени. Я выбрал вас, потому что убежден, что вы сможете

10 или 11 августа мы узнали, что Муссолини на военном корабле покинул остров Понца в неизвестном направлении. Генерал Штудент в то время передал мне телеграмму из штаба верховного главнокомандования (ОКВ) с сообщением, что дуче содержится в порту Специя на крейсере «Италия». Телеграмма Гиммлера уточняла, что мы должны быть готовы освободить Муссолини в ближайшее время. Мне казалось невозможным взять крейсер штурмом, не имея на борту солидных сообщников. После проверки оказалось, что информация ОКВ и Гиммлера была совершенно ошибочной.

«К 15 августа, — пишет Радль, — несколько взаимоподтверждающих фактов позволили нам открыть интересный след на севере Сардинии. Мы узнали, что ряд фашистских активистов содержится на острове Покко и что на соседнем острове Капрера подготовлен концентрационный лагерь. Наконец, из заслуживающего доверия источника нам стало известно, что гарнизон острова Санта-Маддалена на северо-восточной оконечности Сардинии был внезапно усилен».

В это время из штаба верховного главнокомандования поступила следующая телеграмма: «Согласно информации абвера дуче заключен на острове возле Эльбы. Гауптштурмфюреру Скорцени надлежит немедленно подготовить воздушную операцию. Сообщить о готовности в ОКВ, которое назначит дату операции».

Получив эту ошеломляющую телеграмму, я попросил у генерала Штудента позволения сопровождать его в штаб верховного главнокомандования, куда он был вызван, чтобы объяснить самому фюреру, если это возможно, что Муссолини находится на Маддалене, а не в другом месте.

Я вновь оказался в «Волчьем логове», в том же зале, где несколько недель назад фюрер приказал мне найти и освободить его друга. Но на этот раз вокруг большого стола сидели высшие руководители рейха: справа от Гитлера фельдмаршал Кейтель и генерал Йодль, слева от него министр иностранных дел фон Риббентроп, Гиммлер, генерал Штудент, затем гросс-адмирал Дениц и маршал Геринг. Я сел между ним и генералом Йодлем. Генерал Штудент сразу же предоставил мне слово.

Признаюсь, что в начале своего выступления я немного волновался. Но, досконально зная все детали дела, я как можно более ясно и просто объяснил, как мы пришли к заключению, что дуче находится на Санта-Маддалене, на вилле Вебер. Фюрер встал и пожал мне руку: «Я вам верю, гауптштурмфюрер Скорцени! Операция на острове около Эльбы отменяется. Посмотрим ваш план с островом Санта-Маддалена».

Я посмотрел на часы и заметил, что говорил полчаса. Затем я изложил задуманный мною план, проиллюстрировав его для наглядности рисунком. Гитлер, Геринг и Йодль начали прерывать меня, задавая вопросы: в этот момент я почувствовал, что выиграл.

Согласно плану, подготовленному вместе с Радлем и офицерами Кригсмарине, мы должны были действовать на рассвете, поскольку решающее значение для успеха имела внезапность. Накануне нападения под предлогом визита вежливости в порту Санта-Маддалены бросит якорь флотилия быстроходных катеров, вооруженных двумя торпедами и двумя 20-мм пушками. Они там будут и на следующий день, когда внезапно к ним присоединятся минные тральщики, стоящие в порту Палау — напротив Маддалены, — с моим отрядом и солдатами СС корсиканской бригады на борту. Мы высадимся плотным боевым порядком под прикрытием катеров, но создавая впечатление войсковых маневров или просто посещения острова, поскольку необходимо как можно быстрее добраться до виллы Вебер без пролития крови. Затем будем действовать по обстоятельствам, так как вилла охраняется днем и ночью более чем 150 карабинерами и полицейскими.

Фюрер одобрил этот план. Гросс-адмирал Дениц должен дать необходимые распоряжения Кригсмарине, а вся операция была поставлена под мое руководство. Гитлер отвел меня в сторону.

Отто Скорцени

«Еще одно слово, гауптштурмфюрер Скорцени. Возможно, что в момент, когда я дам вам приказ осуществить эту операцию, новое итальянское правительство все еще будет, во всяком случае официально, нашим союзником. В этом случае, если вы потерпите неудачу, к моему большому сожалению, я буду вынужден вас дезавуировать. Дело будет представлено так, что вы действовали под собственной ответственностью, в обход начальства, и вам придется испытать последствия акта неповиновения или безрассудства. Думаю, что вы понимаете, почему я буду вынужден, и эта и скрепя сердце, наказать вас в случае неудачи».

Я очень хорошо понимал и сказал это. Ответив на несколько вопросов гросс-адмирала и заверив Геринга, что «Хейнкель-111» можно использовать как подводную лодку, что его позабавило, я собирался уходить, когда ко мне подошел фюрер. Он дружески пожал мне руку и посмотрел в глаза: «В конце концов вам удастся это сделать, Скорцени, — сказал он. — Я уверен».

Мне не удалось этого сделать 28 августа на Санта-Маддалене и даже, к счастью, не пришлось начинать операцию, поскольку я вовремя узнал — 27 августа вечером, — что дуче ранним утром улетел на гидросамолете Красного Креста.

Было отмечено множество ошибочных следов, которые вели в больницы, в Перуджу, к Тразименскому озеру, но в конце концов нам стали известны несколько взаимоподтверждающих фактов, указывающих, что дуче в Винья-дель-Валле пересадил с гидросамолета в саитарную машину и увезли в горный массив Гран Сассо.

Перехваченное службой Капплера радиосообщение некоего генерала Кузлы, генерального инспектора полиции, окончательно убедило нас, что след, ведущий от озера Брачано в Гран Сассо, был верным. Этот генерал командовал войсковыми и полицейскими силами, охранявшими дуче в гостинице для лыжников Альберго Кампо Императоре, недавно построенной на высоте 2112 метров. Попасть туда можно было только по канатной подвесной дороге. Нам нужны были снимки с воздуха.

Генерал Штудент приказал своему офицеру разведки капитану Лангуту использовать разведывательный самолет, оснащенный двойной автоматической камерой. Но самолет находился в Нанси, и съемки были отложены с 6 на 8 сентября.

8 сентября вечером мы с Радлем занялись составлением плана.

Естественным путем добраться до гостиницы можно было по канатной дороге, начинавшейся в Ассерджи. Она имела телефонную связь с гостиницей и охранялась сверху и снизу. Ее можно было остановить или полностью вывести из строя с двух концов. В этих условиях эффект внезапности был невозможен.

Альпинисты, штурмующие крутые горные склоны, были бы немедленно обнаружены. Ни по канатной дороге, ни пешком мы не могли добиться успеха. Кроме того, мы опасались, что был приказ убить дуче в случае, если охранники сочтут, что его хотят освободить.

При парашютной операции возникли бы те же серьезные трудности, сверх того, учитывая разреженность воздуха и воздушные потоки, приземления парашютистов были бы слишком быстрыми и неточными. Направлялось применение вертолетов, но в эрфуртском центре для нас не оказалось машин. Оставалась воздушно-десантная операция, которую мы сразу же начали изучать с Карлом Радлем, затем с генералом Штудентом и его штабом — полковником Треттнером, майором Колани, капитаном Лангуттом. Они не скрывали своего скептицизма.

Мы предлагали приземлиться на «лучайке» Кампо Императоре на двенадцати планерах ДФС-230. В каждом планере девять человек и пилот. Таким образом, в принципе мы имели 108 бойцов. Однако Штудент и его штаб заметили мне, что на высоте свыше 2000 метров разреженность воздуха делала посадку планеров очень опасной. Таких попыток до сих пор не было. Нам предсказывали 80 процентов технических потерь. То есть мы должны будем завязать бой с карабинерами числом более двухсот, наверняка вооруженными пулеметами, автоматическим оружием, гранатами и т.п., располагая всего лишь двадцатью боееспособными единицами. Штудент считал предприятие очень трудным. Помимо прочего, пилоты планеров не должны были допустить посадки по крутой траектории.

«Это настоящее самоубийство», — сказал генерал, — я категорически запрещаю такую посадку».

Карабинеры составляли корпус дисциплинированных добровольцев. Умонастроения среди них — нам это было известно — значительно отличались от настроений в итальянской армии, и большинство унтер-офицеров стремились дать доказательства преданности новому режиму. Я был уверен, что, если у них будет время и возможность, они будут драться. Следовательно, требовалась полная везучесть, чтобы меньше чем за пять минут дуче оказался среди нас, в безопасности.

Кроме того, фюрер дал мне приказ, и я стремился выполнять его как можно лучше, как можно быстрее. Я не хотел, чтобы итальянцы еще раз перепрыгали выдающегося узника. Восемьдесят процентов технических потерь представлялись мне крайне пессимистической оценкой. Раз до сих пор планер никогда не садился на такой высоте, как можно было бы вычислить с такой точностью возможные потери? После долгого спора с начальником штаба и капитаном Лангуттом я заявил: «Я готов, господа, выполнить любой другой план, если он будет лучше нашего».

В конце концов генерал Штудент дал согласие на предложенную мной операцию при непеременом условии, что планеры произведут посадку по глиссаде на поляне, расположенной перед гостиницей.

ДУЧЕ ОСВОБОЖДЕН

В планере ДФС-230 ничего не видно. Его стальной корпус покрыт полотно. Я знал, что наша группа, пробившись через широкие пушистые облака, которые нас скрывали, поднялась до высоты 3500 метров.

Пилот буксировавшего нас «хейнкеля» передавал координаты по радио пилоту нашего планера лейтенанту Мейер-Венеру. Тот в свою очередь уточнял мне положение группы, и я таким образом мог следить за нашим продвижением. На коленях у меня лежала подробная карта, составленная по снимкам, которые мы с Радлем сделали 8 сентября с самолета Лангута. На память пришли слова генерала Штудента: «Я уверен, что каждый из вас выполнит свой долг». В этот момент Мейер-Венер сообщил мне, что пилот «хейнкеля» только что передал, что самолета Лангута и планеров № 1 и № 2 перед нами больше нет. Позднее я узнал, что эти машины просто-напросто вернулись в Пратика ди Маре!

Это означало, что у штурмовой группы больше нет прикрытия и что мне надо садиться первому. Кроме того, я не знал, что при взлете два других планера капотировали в воронках. Так что я считал, что за мной еще девять планеров, а на самом деле их было только семь. Я крикнул Мейер-Венеру: «Принимаю командование посадкой на себя!»

Несмотря на тормозной парашют, мы касаемся земли скачками с оглушительным шумом. Наконец почти полностью разрушенный планер останавливается примерно в пятнадцати метрах от гостиницы. Затем все происходит очень быстро. Я что есть силы бегу с оружием в руках, следом за мной семь моих товарищей из Ваффен СС и лейтенант Мейер. Часовой смотрит на нас с совершенно безумевшим видом. Справа вижу дверь: врываюсь в нее. Перед радиоаппаратом спокойно сидит радист и ведет передачу. Ударом ноги вываиваю из-под него стул, он падает. Прикладом автомата разбиваю передатчик. Позднее я узнаю, что радио передавало сообщение генерала Куэли. Но из комнаты нет другого выхода. Мы возвращаемся на улицу и бежим вдоль заднего фасада гостиницы в поисках входной двери, но ее нет. В конце стены террасы. Шарфюрер Химмель подсаживает меня. Подтянувшись на руках, прыгаю и на этот раз оказываюсь перед гостиницей. На бегу поднимаю глаза: в одном из окон узнаю

характерный силуэт Муссолини. Изю всех сил кричу: «Дуче, отойдите от окна!»

Мы перед главным входом в гостиницу, где стоят два пулемета, в боевом положении, опрокидываем их и отталкиваем пулеметный расчет. Позади слышу: «Mani in alto!» Прорываюсь через карабинеров, столпившихся у входа, бесцеремонно пробивая себе дорогу. Деремся в рукопашную.

Лестница! Еще два удара плечом в драке — и я взлетаю по ней через три ступени. Я видел дуче на втором этаже. Вторая дверь направо. Дуче там вместе с двумя итальянскими офицерами и человеком в штатском. Всех троих отталкиваю к стене, а штурмфюрер Швердт быстро выводит их. В окне появляются капралы Хольцер и Бенц: они влезли прямо по стене по кабелю громоотвода. Все кончено. Дуче жив и невредим, под нашей защитой. Всего за четыре минуты. Ни одного выстрела.

У меня нет времени поговорить с дуче. Через открытое окно я вижу, как мчится Радль и его группа: их планер сел перед гостиницей. С оружием у бедра они как вихрь подлетают к входу, где карабинеры пытаются поставить пулеметы в боевое положение. Кричу Радлю: «Здесь все хорошо. Заканчивайте внизу!»

Вдалеке два или три выстрела: это проснулись итальянские часовые. Я выхожу и в коридоре прошу позвать команданта гарнизона. Немедленно. Теперь надо как можно быстрее разоружить всех карабинеров. Их командир недалеко: вот и он. Полковник.

«Всёкое сопротивление бесполезно», — говорю по-французски. Требую немедленной капитуляции.

«Я должен подумать... Переговорить с генералом Солети...»

— Даю вам минуту. Идите!

В этот момент возле меня появляется Радль. Ему удалось пройти. Я оставляю у двери двух наших людей и вхожу в комнату Муссолини, где остался Швердт.

«Дуче», — сказал я, — фюрер приказал нам освободить вас!»

Он жмет мне руки, обнимает и говорит: «Я знал, что мой друг Адольф Гитлер не оставит меня долго в заключении у этих людей!»

Бенито Муссолини очень взволнован, его черные глаза блестя, и я признаюсь, что это был один из самых главных моментов моей жизни.

Минута истекла, и полковник подумал. Он сдается, протягивает мне бокал вина и по-рыцарски говорит: «За победителя!»

Пью за его здоровье и передаю бокал Радлю, того мучит жажда, и он осушает его залпом.

Мое задание, однако, еще не выполнено до конца. Встает вопрос, как отвести дуче в Рим. Я предусмотрел три возможности. Первая заключалась в захвате аэродрома Акуила в Абрुццо, на который приземлится три «Хейнкеля-111».

Через наш радиоавтомобиль, находящийся в долине, я даю условный сигнал: «Операция прошла успешно». Назначая на 16 часов нападение парашютистов на аэродром, но, когда хочу получить из Рима подтверждение прибытия «хейнкелей», не могу установить контакт со Штудентом, и я так и не понял почему.

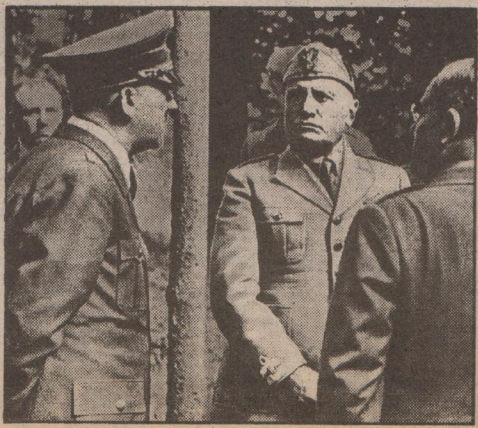
Вторая возможность: самолет «Физелер-шторч» должен сесть возле Ассерджи и станции канатной дороги. К несчастью, пилот этого самолета — в бинокль я наблюдал, как он с трудом приземлился, — по телефону доложил, что повредил самолет при посадке.

Остается третья возможность. Капитан Герлах, личный пилот Штудента, должен сесть на другом «Физелер-шторче» возле самого Кампо Императоре. Карабинеры и парашютисты наспех расчищают узкую полосу земли, поскольку Герлах уже кружится над нами, ожидая сигнала зеленой ракетой: «Приземляйтесь!»

Он садится безукоризненно, к всеобщему восхищению. Но ему надо взлететь с дуче и со мной. Я получил приказ фюрера. Взлет был очень опасным: если бы я отправил Бенито Муссолини одного с Герлахом и если бы с дуче что-нибудь случилось, мне оставалось бы только пустить себе пулю в лоб. Сказали бы, что я не хотел разделить опасности, которые ожидали Муссолини и храброго Герлаха.

¹ Руки вверх (итал.).

Гитлер, Муссолини и Кейтель, 1941 г.

Приняв решение использовать вариант «В», я сообщил дуче, что мы вылетаем на самолете через полчаса. Он, сам будучи летчиком, возразил, что ни один самолет не может сесть в Кампо Императоре, затем все же признал, что для «Физелер-шторча» с хорошим пилотом это возможно. При взлете он не произнес ни слова, и я был ему за это благодарен. Ему хотелось лететь в Рокка-делье-Каминате, но он не стал настаивать, когда я ему сказал, что его жены донны Ракеле, детей Романо и Анны-Марии там уже нет и что они, по-видимому, в Мюнхене.

Наконец дуче отвезли в отель «Империал» в Вене, где для него были зарезервированы комнаты. Я начал чувствовать усталость, накопленную за последние пять дней и ночей. Но у меня еще не было права на усталость. Генерал СС Квернер, который сопровождал нас от аэродрома до отеля «Империал», сообщил мне незадолго до полуночи, что меня хочет видеть полковник вермахта, начальник штаба венского военного округа. Полковник тут же представился чисто по-военному и, к моему большому удивлению, торжественно произнес: «Гауптштурмфюрер Скорцени, властью, данной мне фюрером, верховным главнокомандующим вермахта, я имею честь наградить вас рыцарским железным крестом».

Он снял с себя ленту и повесил ее на мою шею поверх изрядно потрепанной гимнастерки. Я пожалел, что мой отец до этого не дождался: он был бы еще счастливее меня. Затем последовал круговорот поздравлений, рукопожатий, новых вопросов. Завозвонил телефон, я не обращал на него внимания, но генерал Квернер сказал мне: «Фюрер лично хочет с вами поговорить».

Я взял трубку. До меня донесся очень отчетливый голос Гитлера: «Скорцени, вы не только совершили подвиг, примеров которому не знает военная история, вы вернули мне моего друга Муссолини. Я знал, что если кому-то это и удастся, так это вам. Я произвел вас в звание штурмбанфюрера (майора) СС и наградил вас рыцарским крестом. Я знаю, что он уже на вас, так как я приказал выдать его вам немедленно...»

Он сказал еще несколько слов благодарности, чувствовалось, насколько он сам счастлив, что дуче жив и невредим. Фюрера сменили маршалы Геринг и Кейтель и в свою очередь поздравляли меня. Всем им я подчеркнул, что освобождение дуче было невозможным без упорства, решительности, отваги и изобретательности всех, кто участвовал в этом предприятии, поименно я назвал лейтенантов Карла Радля и Мейер-Венера, пилота планера № 3 и капитана Герлаха. Через несколько мгновений я, к своей радости, узнал, что капитан Мандель успешно осуществил свою операцию и что донна Ракеле, Анна-Мария и Романо живыми и невредимыми прибыли в Мюнхен.

Мы прибыли в ставку фюрера 15 сентября во второй половине дня. Фюрер, встретивший дуче на аэродроме, оказал ему теплый и трогательный прием.

Фюрер попросил меня сделать подробный отчет об экспедиции. Мой доклад продолжался два часа. Я еще не знал, что случилось с планерами № 1 и № 2 и с теми, что капотировали при взлете в Пратика ди Маре. Я думал, что эти четыре машины потеряны, и честно доложил фюреру, что у нас, по всей видимости, пропало без вести 30 процентов. Германское радио сообщило о 30 процентах потерь, и впоследствии некоторые упрекали меня в том, что я «преувеличил потери, чтобы показать, насколько опасной была операция».

В «Вольчем логове», когда я прощался с дуче, он добился от меня обещания в ближайшее время посетить его в Италии.

Я отправился в Гарьяно в июне 1944 года вместе с гауптштурмфюрером Радлем. Муссолини тепло принял нас на вилле Фельтринелли, но, прежде чем поехать к нему, нам пришлось выслушать от посла Рана и его служб многочисленные рекомендации о том, что следовало говорить, а что нет. Нам было крайне неприятно, что вокруг виллы мы увидели очень мало итальянских солдат. Агенты СД были, напротив, в изобилии. Охрана осуществлялась батальоном СС, как будто Муссолини не мог найти тысячу итальянских солдат для своей защиты! Неужели мы вытаскивали дуче из одной тюрьмы в Гран Сассо только для того, чтобы увидеть его в другой? К несчастью, всем это было видно: Муссолини не свободен.

Это впечатление еще больше усилилось, когда он принял нас в своем маленьком рабочем кабинете, мы с Радлем нашли его постаревшим и усталым. За своим столом в темном кабинете он был похож на старого льва без гривы.

Энтузиазм, убежденность, которые он вкладывал в свои слова девять месяцев назад, исчезли. Казалось, он сам себя убеждает. Я попросил его сделать надпись на его фотографиях для всех, кто принимал участие в экспедиции в Гран Сассо, и он охотно согласился. У меня уже был автограф фюрера со словами: «Дорогому Скорцени в благодарность и на память о 12 сентября 1943 года. Адольф Гитлер». Надпись дуче гласила: «Моему другу Отто Скорцени, спасшему мне жизнь. Мы будем бороться за общее дело: за единую и свободную Европу!».

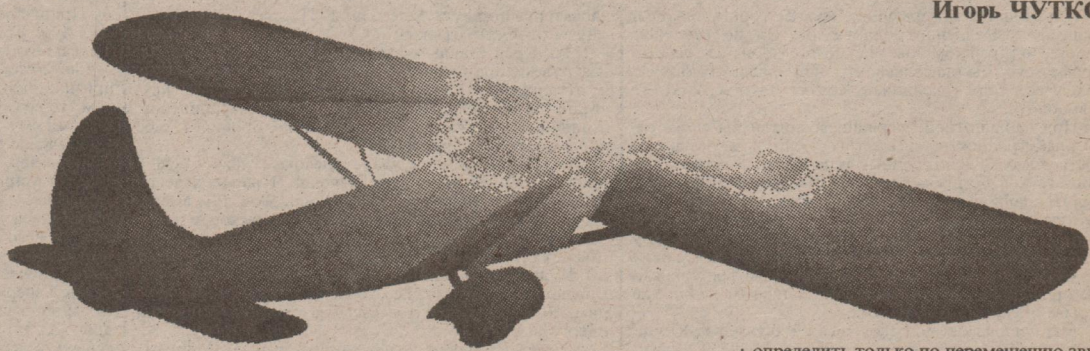

Игорь ЧУТКО

Про невидимый самолет, испытанный у нас до войны, мне рассказал в августе 1951 года Вагуль Артур Владимирович, бывший инженер авиационной, отставник по инвалидности. Мы были попутчиками от Лунища до Барановичей, где Вагуля ждало место учителя.

Тогда я ему не поверил. Обычный, подумал, вагонный треп, хотя, конечно, не исключено, что с подоплекой (мало ли чего бывает!). А через двадцать один год ровно, спохватившись, получил ответ из барановичского адресного бюро: Вагуль в районе не числится. Теперь боюсь, он нигде уже не числится.

Все же кое-что из той истории я своевременно записал, запомнил и даже частью опубликовал — преодолев цензуру и скепсис редакторов. Последующие поиски, а главное — развитие самолетостроения (не только отечественного) подтвердили: невидимый самолет — не выдумка.

САМОЛЕТ НЕВИДИМКА

После училища, во второй половине тридцатых годов, Вагуль служил на военно-воздушной базе в Сибири, где-то между Обью и Печорой. Ближе к Оби: оттуда, с пристани, к ним доставляли разного рода «негабариты», а Печору инженер, в то время еще воентехник, выдвигал только сверху, летая иногда с экипажами к океану.

Однажды ночью помощника дежурного по части Вагуля, прикорнувшего на топчане в караулке, разбудил часовой: к воротам контрольно-пропускного пункта подошел караван. Проекторы с ворот осветили гусеничный тягач, многоколесную платформу-прицеп с самолетом, за ней платформу поменьше, видно, со вспомогательным грузом. Самолет разобранный: отдельно — зачехленный фюзеляж, отдельно — крылья в колодах, также тщательно зачехленные. Стойки шасси, колеса, лопасти винта — все было обернуто брезентом. Зачем? Как защита от дождя такая старательная упаковка даже вредна, поскольку она — компресс, ускоряющий коррозию. Значит, брезент укрывал самолет от слишком любопытных глаз, не иначе... И близко к платформам помощник дежурного подойти не смог, охрана не подпустила.

Судя по размерам самолета и его проступавшим под брезентом формам, это был легкий моноплан с крылом, поднятым на стойках над кабиной, с маломощным мотором-звездой воздушного охлаждения. Наверняка не скоростная машина, не боевая, скорее, какая-то экспериментальная.

Осторожно миновал ворота, караван взял круто направо по широкой просеке, в сторону опытного ангара. Там, изолированно от прочих аэродромных служб, удаленно от них, работали бригады, присланные из конструкторских бюро Москвы, Ленинграда, Воронежа. Над чем работали — воентехник понятия не имел.

Утром в расположении базы появился полевой товарищ, и оказалось, что это для него вот уже несколько дней как освободили комнату, тихую и светлую, на втором этаже комсоставского общежития на территории городка. Фамилия товарища была Дунаев, имя-отчество неизвестны: в армии тогда редко кого называли по имени-отчеству. Судя по одежде, Дунаев был гражданским. Доставил Дунаева с аэродрома «обьюик» командира базы, и шофер, между прочим, с кубарями в петлях, сам отнес наверх дунаевские чемоданы. В тот же

день связисты протянули в комнату полевой телефон, интенданты привезли мягкую мебель, ковер...

Было ли все это связано с охраняемым самолетом? Разумеется, считал Вагуль. Иначе бы в обычной гостинице, за территорией Дунаеву наверняка было бы лучше. Там все удобства, даже ванны, которые никакими коврами и бархатными шторами не заменишь.

Странности обращения с Дунаевым дополнились его собственными странностями. Например, он прикинул у себя в комнате какие-то странные картинки. На одной было изображено глубокое красноватое ущелье: солнце не доставало до дна, по дну брели две согбенные человеческие фигурки — брели туда, где не то стены окончательно смыкались, не то тьма все покрывала. На другом рисунке было море, волны в белых барашках, остров, на острове — невероятно высокая башня, каких не бывает и быть не может, уходила сквозь подсвеченные снизу облака. И на кончике башни, за облаками, чуть ли не среди звезд — белый огонь... На третьем рисунке — сам Дунаев: его слегка горбоносый сильный профиль на фоне серебристо-светлой неземной местности, и дальше, над этой местностью, — небывалые летательные аппараты.

Одевался Дунаев не по-принятому в тогашнем быту, не под «обьюик» одевался. Истертое кожаное пальто, карманы оттопырены, дешевый костюм, ботинки, какими только грязь месить, но при этом белоснежный шелковый шарфик и на нем или на галстук — неприменная булавка со сверкающим камушком.

Иногда по вечерам Дунаев появлялся внизу, в бильярдной, но не играл, а сидел в кресло, обязательно в тени, не переставая курил и устало шуршал на игру. В первое время его стеснялись, считая начальством, хотя бы и чужим. Но однажды кто-то с ним заговорил, и оказалось, что это можно, он даже рад этому.

Пribлизилось время испытаний. В последние перед этим дни Дунаев в бильярдную не спускался, домой приезжал за полночь. Тихо проходил по коридору, стараясь не шелкнуть замком, не двинуть стулом. Все равно в соседних комнатах его слышали, а бывало, просыпались от зуммера телефона. Слышали, как Дунаев вставал, отвечал, приглушая голос, в горсть, и опять —

мягкие шаги в коридоре, на лестнице, шестел машины. Вызвали.

Хотя опытный ангар жил своей особой, скрытой от непосвященных жизнью, база все-таки была единой войсковой частью, с общими производственными, снабженческими подразделениями, связью, аэродромным обслуживанием; в общем, постепенно все службы захватило ясно ощущаемое возрастающее нервное напряжение. Никто никому вроде бы ничего определенного не сообщал, тем не менее все знали, что со дня на день начнется что-то экстраординарное. И, когда этот день наступил, на краю летного поля собрался весь свободный личный состав.

Вывели из ангара машину и два истребителя И-16 — один из них был двухместный, учебный, «спарка», в его переднюю кабину сел кинооператор с аппаратурой.

По сравнению с архисовременными тогда И-16 тот самолет мог показаться самым обиходным на любом аэродроме, каким-нибудь связным трудягой, или санитарным, или для первоначального обучения — если бы не его ярко блестящая обшивка. Будто отполированная: в этом, похоже, и состоял секрет. В остальном самолет был как самолет, вроде знаменитого У-2, только моноплан, то есть с одним верхнерасположенным крылом. Скорость, наверное, километров сто пятьдесят—двести; подкосы, расчалки, незакапотированный мотор, две кабины без фонарей, с защитными козырьками...

Пришел летчик, держа парашют на плече, поговорил с механиком, занял свое место. Прикатило начальство, военное и гражданское, и с ним Дунаев. Он стал немного впереди, один, и, значит, главным среди них в этот день был он. Ему не мешали сосредоточиться, чтобы он чего-нибудь не упустил.

Чудное началось, когда заработал мотор. Этого вообще-то ждали: слух, что дело в моторе, что он «не простой», уже прошел по базе. Донесли, как полагаются, ослабленные расстоянием «От винта!» и «Есть от винта!» (винт при запуске на легких самолетах прокручивали тогда вручную), потом из патрубков по бокам капота вырвались относимые ветром синие струи дыма первых выхлопов — и тут же, по мере нарастания оборотов, самолет начал развираться в воздухе... Начал исстайвать, исчезать из виду.

Что он разбегается, оторвался от бетонки, набирает высоту, можно было

определить только по перемещению звука в пространстве. Вслед сорвались оба И-16. Один догонял невидимого, неизвестно как ориентируясь, возможно, наводимый по радио, другой принялся ходить кругами невдалеке — с него снимали. Съемка велась и с земли, одновременно с нескольких позиций в центре и по краям поля.

Погони не получилось: те двое потеряли невидимого. И зрители его потеряли. То есть несколько раз над аэродромом, над городком и его окрестностями в совершенно пустом небе проносились те близкий, то далекий звук мотора, а истребители в это время маневрировали совсем в другой стороне...

Так продолжалось с полчаса, пока не стала совершенно ясной беспомощность этих маневров. Тогда истребители сели, отрулили с полосы. Летчики подошли с докуладами к командиру базы. Тот их выслушал и только развел руками.

Как стало известно, съемка с земли тоже ничего не дала. Операторы наводили объективы на звук, бегая вокруг штабных, вошли в азарт, все небо, клялись, обшарили, но ни в одном кадре потом не обнаружилось ничего, кроме облаков, птиц и И-16, — даже тени того самолета не оказалось.

Скорее он тоже сел. Слышно было, как он, газуя, катился по бетонке, как остановился невдалеке от группы командования и развернулся — за бетонкой полегла трава под воздушной струей от невидимого винта.

Затем обороты упали, мотор стал затихать, и самолет вновь ступился на полосу, как джинн из арабской сказки.

В литературе по истории техники, например у В.Б.Шаврова, в его «Истории конструкций самолетов в СССР до 1938 года», упоминается авиаинженер Дунаев (с оговоркой: или Дунаевский); до революции он работал в мастерских школы летчиков-наблюдателей в Киеве, дальнейшая его судьба неизвестна. Едва ли это тот самый Дунаев.

Другая версия: Дунаев — фамилия не настоящая, на самом деле это был какой-то известный конструктор, заключенный, работавший тогда в тюремном КБ, в так называемой шараге. Потому его и поселили на базе — не столько берегли, сколько стерегли. Неудивительно, что мы больше ничего и никогда о нем не узнали.

А сама идея самолета-невидимки куда девалась? Почему никто больше, во всяком случае до конца шестидесятых годов, ничего об этом самолете не слышал: ни летчики, ни конструкторы, ни сотрудники музеев, архивов... Даже когда в научной литературе появилось наконец первое упоминание о «невидимке» (у В.Б.Шаврова), историки техники и бывалые авиаторы ничего, кроме общих соображений, не смогли добавить к тому, что я уже знал.

Из крупных конструкторов, работавших в шарагах, больше всех на Дунаева был, по моему, похож Р.Л.Бартини¹. И

¹ Роберт Орос ди Бартини (1897—1974) итальянец, барон, антифашист, в 1923 г. тайно эмигрировал в Россию. В начале 30-х гг. разработал несколько самолетов, в которых решительно поступил кое-какими привычными в то время инженерными «принципами». В 1938—1948 гг. в заключении. В конце 40-х гг. обосновал возможность уже тогда построенный тяжелый дальний сверхзвуковой бомбардировщик: написал схему, намного позже использованную в Ту-144 и в англо-французском «Конкорде». В «Докладах Академии наук СССР», затем в других научных изданиях опубликовал статьи о времени и пространстве.

внешне, и философским складом ума. Побывав у Бартини дома, я там увидел точно-в-точь такие же по настроению картины, что висели в комнате Дунаева.

Однако Бартини сказал, что все это случайные совпадения:

— Мало ли на кого я похож... Ведь ваш Дунаев — старик, а я в те годы был — как это по-русски? — хоть куда...

— Вам было сорок, для молоденького Вагуля — уже возраст.

— Нет, идите другого!

Спросил я и Шаврова, почему он написал про самолет-невидимку так скупно.

— Вот вы и напишите про то, что узнали от Вагуля, — а тогда поговорим! Я, кажется, понял Шаврова, получив на свою упоминавшуюся уже публикацию несколько злобных откликов, причем от специалистов. Кто, дескать, дал мне право морочить людям головы небывальщиной? Не было никаких невидимок в технике и быть не могло!

Через несколько лет появилась информация о том, что в США, в цехе секретных проектов фирмы «Локхид», строится малозаметный визуально и для радиолокаторов «тайный» (stealth) самолет и что в работе участвует возвращенный для этого с пенсии Келли Джонсон, главный конструктор хорошо известного на нас высотного разведчика «Локхид У-2». Эти разведчики летали и над Советским Союзом, неуязвимые для нашей противовоздушной обороны, пока одного из них, с летчиком Пауэрсом, все же не достала ракета с земли.

Но и тогда мало кто поверил в возможность создания самолета-невидимки.

Даже когда через десять лет, в ноябре 1988 года, начались полеты невидимок, это сенсационное известие потянуло за собой такой шлейф ученых и публицистических сомнений и насмешек, что можно было подумать: ну вот — очередной проект-монстр прислужников гнившего капитализма... Ученые — как наши, так и западные — утверждали, что уменьшить радиолокационную видимость самолета можно, однако полная невидимость недостижима, тем более для современных средств обнаружения; что малозаметность и малозаметность требуют значительного изменения форм аппарата, в ущерб его аэродинамике: стало быть, он будет плохо летать.

С. Козлов. 1932 г.

Что рассказ Вагуля не выдумка, я понял, скажу не хвастаясь, довольно быстро. Не понятно до сих пор другое: каким образом самолет становился невидимым?

Направивается, например, такое предположение: невидимость, коли уж поверить, что она действительно достигалась, причем полная, была эффектом не столько техническим, сколько «человеческим».

Можно допустить, что самолет в самом деле становился невидимым, если он совсем или в какой-то достаточной мере поглощал световые лучи или пропускал их сквозь себя, или они, отраженные, уклонялись в сторону от глаз наблюдателя. Но не менее допустимо, тоже в принципе, что лучи вели себя так, как им и положено в физике, когда их

отражает материальное тело, но глаза почему-то переставали их воспринимать, зрители переставали видеть самолет.

Не знаю, какой был использован механизм воздействия на зрение, однако известно, что в некоторых ситуациях, в момент ужаса или отчаяния, острого стыда, человек может вдруг отключиться от действительности. Глаза его будут смотреть — и ничего не увидят, мозг защитит себя от опасных сигналов извне. Причем впоследствии это переживание и даже сам этот момент иногда начисто забывается, как будто из киноленты жизни вырезали несколько сотен кадров и снова ее склеили, без шва. Такие отключения чувств, да и разума, наверняка можно вызывать искусственно, и это по меньшей мере стоит принять во внимание.

Но даже если эффект невидимости был главным образом эффектом психологическим (то есть если это был обман зрения, а на самом деле световые лучи не прощивали самолет-насквозь беспрепятственно или не отгибали его под воздействием какого-либо силового поля неведомой природы), все равно конструкция самолета как-то в этом участвовала. Одно предположение не исключает других. Ведь и киносъемка со «спарки» И-16 и с земли ничего не дала, а там-то — какая психология?

Особенности в конструкции невидимого, конечно, имелись. Прежде всего, по впечатлениям зрителей, ослепительно блестящая обшивка. В. Б. Шавров пишет, что обшивка самолета была из прозрачного оргстекла французского производства, родоид. Стенки лонжеронов, поверхности других наиболее ответственных силовых элементов конструкции также были оклеены родоидом, но покрыты с внутренней стороны зеркальной амальгамой, а капот, кабина, колеса и прочие части — окрашены белой краской с примесью алюминиевого порошка и отлакированы.

У Шаврова читается: «Результат этих мероприятий был значителен. Самолет в воздухе быстро исчезал с глаз наземных наблюдателей. Были проделаны опыты полетов «невидимого» самолета рядом с У-2 (подразумевается наш учебный самолет У-2, впоследствии переименованный в По-2, а не американский разведчик — И.Ч.) на определенном расстоянии. С третьего самолета оба были засняты на киноплентку. На кинокадрах не

получалось изображения самолета, а на больших расстояниях не видно было даже пятен. Впрочем, родоид довольно скоро потускнел, потрескался, и эффект невидимости снизился... По окончании испытаний самолет был разобран и работы по нему прекращены. Проектировался, но не был построен специальный «невидимый» самолет с каркасом из хромированных труб».

Выходит, работы прекратились потому, что родоид оказался плохим. Но, во-первых, Шавров пишет об опытах 1937—1938 годов; в дальнейшем, как известно, оргстекло усовершенствовалось, появилось, вошел в практику самолетостроения стойкий плексиглас.

Во-вторых, недавно сотрудник Министерства обороны Н. А. Якуба нашел в архиве три датированных 1935—1936 годами документа с грифами «секретно» и «сов. секретно» — о невидимом самолете («прозрачном», «ПС»). Судя по ним, оргстекло уже тогда служило исправно, хотя идеальным не было, и производилось оно не во Франции, а в Мытищах под Москвой, то есть в нашей власти было его улучшать. Кстати, называлось оно целлоном, но, возможно, применялся и французский родоид — в других экспериментах.

Считается, что в сороковых годах, особенно после 1945 года, визуальная невидимость в военном деле быстро потеряла свое былое значение, так же как и обычный камуфляж, — потому что за небом стали следить не наблюдатели с вышек, с помощью биноклей, а, слава богу, мощнейшие системы комплексного обнаружения: радиолокационные, тепловые, системы для фотографирования в лучах невидимой части спектра и другие.

Согласиться с этим можно лишь отчасти. Если визуальное наблюдение окончательно перестало быть нужным, то, надо полагать, еще меньше современной противовоздушной обороны нужен звук вражеского самолета. Но тогда зачем разработчики «Стелса» снижали его скорость, снизив тягу двигателей, лишили их форсажных камер? Известно зачем: чтобы уменьшить их шум и тепловое излучение. Американцы разрабатывали и другие бесшумные или малозаметные самолеты, в частности «Локхид УО-3А» с высокими летными характеристиками, переделку швейцарского планера. «Самолет», — писал журнал «Авиэшионик», — предназначен в основном для

В. Шавров. 1937 г.

ночной разведки. Летчик выключает двигатель на высоте, после чего самолет может планировать над территорией противника. Выполнив задание, самолет планирует к своей территории, над которой двигатель вновь включается».

Нужны армии «просто» глаза и сейчас — это показала война в зоне Персидского залива. Бомбардировка Ирака 17 января 1991 года, с участием «Стелсов», была ночной. 18 января самолеты вернулись на свои аэродромы, не сбросив бомбы: не нашли цели из-за плохой погоды. Мешал налетам дым от горящей нефти. И разведке мешал, в том числе наблюдениям со спутников.

Так что окончательно идея все еще не устарела, да и вряд ли устаревает. А поскольку радиолокатор «видит» в принципе так же, как и глаз, — улавливает отраженные предметом лучи, только радиочастотного диапазона, — то, значит, впервые в мире невидимый самолет был построен, возможно, у нас.

Любопытно, что машина Дунаева — не первая попытка создать самолет-невидимку.

Возможно, об опытах по снижению визуальной видимости самолета, проводившихся еще в начале века, вспомнил как-то знаменитый летчик К. К. Арцеулов. Сейчас за рубежом пишут, что в 1912—1913 годах такие опыты начались в России, в Австро-Венгрии и в Германии. В частности, немцы экспериментировали с легким бипланом «Альбатрос», его же упомянул Арцеулов — как во время первой мировой войны он заметил однажды именно «Альбатроса», решил за ним погнавшись, но тот вдруг исчез, развалился в вечернем небе.

В. Б. Шавров, подчеркнуто прагматичный, осторожный, без ссылок на источники сведений — ни шагу, в главе о невидимом такой шаг все-таки сделал. Хотя конкретных ссылок в ней нет, не может быть, чтобы он их не имел наготове; следовательно, почему-то придерживал, не оглашая.

Не соглашаясь впрямую, но и не оспаривая, слушал рассуждения своего друга Р. Л. Бартини. Я остаюсь при сильном подозрении, что какое-то участие в невидимом самолете Бартини принимал, однако по неизвестной мне причине тоже «стемнил», как и Шавров. Наверняка принимал: самолет этот сначала разрабатывался в Академии им. Н. Е. Жуковского, «академики» были связаны с Бартини, постоянно бывали в его ОКБ, расположенном рядом, в лабораториях академии для него ставились кое-какие опыты.

О Дунаеве я так больше ничего и не узнал. Самолет-невидимку — тот, о котором пишет Шавров, — разработала в Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н. Е. Жуковского бригада под руководством профессора С. Г. Козлова. Позволил я в музей академии. «Да, было дело», — ответил мне начальник музея Н. Н. Стернин. — Только, понимаете ли, Вадим Борисович Шавров, я бы сказал, восхищаясь им, — это был ученый насосного типа: все, что где-либо имелось доступного по интересовавшему его вопросу, он-то уж сумел извлечь».

Профессор, начальник кафедры Сергей Григорьевич Козлов занимался многими чрезвычайно смелыми для своего времени проектами. В 1931—1933 годах — двенадцатимоторным бомбардировщиком «Гигант», в 1935 году — стреловидной бесхвостной «Кукарачей». Испытывал «Кукарачу» В. П. Чалов, проект создавался по соглашению с П. И. Гроховским.

Гроховского же, руководившего Экспериментальным институтом Наркомтяжпрома, Тухачевский попросил в 1936 году взяться вместе с Козловым за дальнейшую разработку идеи самолета-невидимки. Письмо нашел в архиве Н. А. Якуба. Однако вскоре институт закрыли, Гроховского через несколько лет расстреляли.

ТВ-СЕКРЕТЫ

Евгений
ДОДОЛЕВ,
обозреватель
«Совершенно секретно»СРЕДА
(ИМПУЛЬС)

Репортерское везение: оказаться вовремя там, где вершится... Волею, как принято изящно выражаться, случая вечером 9 января я был в кабинете руководителя «Взгляда» Александра Любимова, когда туда принесли распоряжение — «приостановить работу...». Письменное, замечу, распоряжение. И это было круто. Потому что случилось такое впервые.

До этого программу пытались душить лишь келейно. В лучших традициях, не оставляя циркулярных следов. По телефону. За столом номенклатурных драк. На ковре генеральных разборок. Иногда — сам помню — употребляя «русский народный язык» (читай: мат). Когда они «расставляли кресла, чтобы лучше видеть, как атлантический смерч свинтит нам руки и вырвет нам кресла». И вдруг: все по-честному. «Распоряжение № ...» Черным по белому. Черное на белом расплывается и «не держится в рамках холста».

Я делал вид, что сосредоточенно читаю верстку программы (которая планировалась к выходу послезавтра) и не прислушиваюсь. Не прислушиваюсь и не слышу будничных, как бы отрететированных разборок. Мне казалось, что у меня получается. Нет, конечно, я не рассчитывал, что меня не заметят вовсе...

Визитер, принесший ту бумагу, закончив малопонятные переговоры с самоуверенным хозяином кабинета, уже в дверях бросил мне своим стандартно-утомленным тоном:

— Додолев, мое имя нигде упоминаться не должно. Этого я тебе не прошу, — и ненавидяще прошелся по моему лицу прищуренных глаз.

— Эта фраза, между прочим, классное начало для материала, — вяло ответил я, думая одновременно: надо ли мне как-

то попрощаться с человеком, который не поздоровался, и второе — как все-таки начать эти заметки? (А то, что я об этом рано или поздно напишу, мне было ясно.)

Имена называть, пожалуй, действительно не стану. Ведь речь идет об исполнителях. И, кроме того, этим — в данной ситуации — ничего не изменить.

Думаю, что любой босс, прочитав про своего подчиненного: тот, мол, сволочь этакая, коварный душитель желанного плюрализма, бюрократ и душевный сталист, сделает вывод — пора такой ценный кадр двигать вверх; наш человек, если газет, конечно, не ошибаются, и он — молодец! — в самом деле не терпит всю перестроечную бузу. («Комнату смеха от камер пыток отделил всего лишь дверь», — пост Костя Кинчев, и я ему верю; поэты ошибаются реже, чем иногда хочется.)

Тем более нет смысла размениваться на гладкие фамилии разнокалиберных начальников, если и вправду все решает Большой Командир. Назвать его можно как угодно: Генеральным секретарем или Президентом. Или — как тот же Кинчев — Шестым Лесничим. Мертвого Леса.

На майском фестивале «Совсека» в Доме кино я взял несколько интервью для «Взгляда Из Подполья». Директору Российского ТВ А. Г. Лысенко и президентскому советнику А. Н. Яковлеву задал один и тот же вопрос:

— Действительно ли Горбачев использует Кравченко для расправы со «Взглядом»?

Оба ответили уклончиво. Хотя если свести их (достаточно компетентные, полагаю) ответы к общему знаменателю, то следует вывод: вряд ли у руководителя разваливающейся державы руки доходят и до конкретных журналистов. Делающих конкретно ему, Прези-

денту, неприятную передачу. А чужая душа, тем паче руководящая, — потемки, как известно.

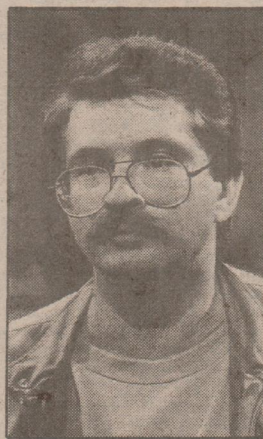
Музыкальный кумир моего поколения Александр Градский окрестил моих коллег «журналигомами». Думаю, что это словечко уютно прижилось бы среди президентского окружения. Впрочем, о прозвищах поздно. Проблемы докладов, подач и окружения, играющего Короля, — сфера не менее деликатная, но куда как более существенная.

Само собой, цепочка исполнителей играет роль немалую. Обоймы. Но все-таки Курок важнее будет. Отдающий приказ! Настоящий. И подпись на Приказах и Указах необязательно хозяйская. Команду можно отдать по телефону. Впрочем, и документ, в свою очередь, можно подписать под давлением. Окружения или обстоятельств. А нам здесь внизу — лишь гадать.

Как бы там ни было... Если разгром «Взгляда» вдохновил сам М. С. Горбачев, то неслепо винить бархат портьер в успехе режиссерского замысла. И спрашивать с гардеробщиков лишь потому, что театр начинается с вешалки. Если же Президент здесь ни при чем и кто-то в очередной раз ходит с крапленого туза, то заметки эти послужат своего рода пособием по оптике. В том смысле, что у страха глаза велики. Одобрял лидер страны тонения на самую ее, страны, популярную передачу или нет — время покажет. Высочайшее вмешательство, видимо, будет вскрывать ТВ-конфликт, как «скальпель утренних птиц» вспарывает запуганное темнотой тесное небо. Чем раньше, тем лучше.

Цепь пора рвать. А в том, что попытка расправы со «Взглядом» — лишь звено в цепи, я не сомневаюсь. Кольцо.

Следующим после «Взгляда» кольцом повисла на нашей об-

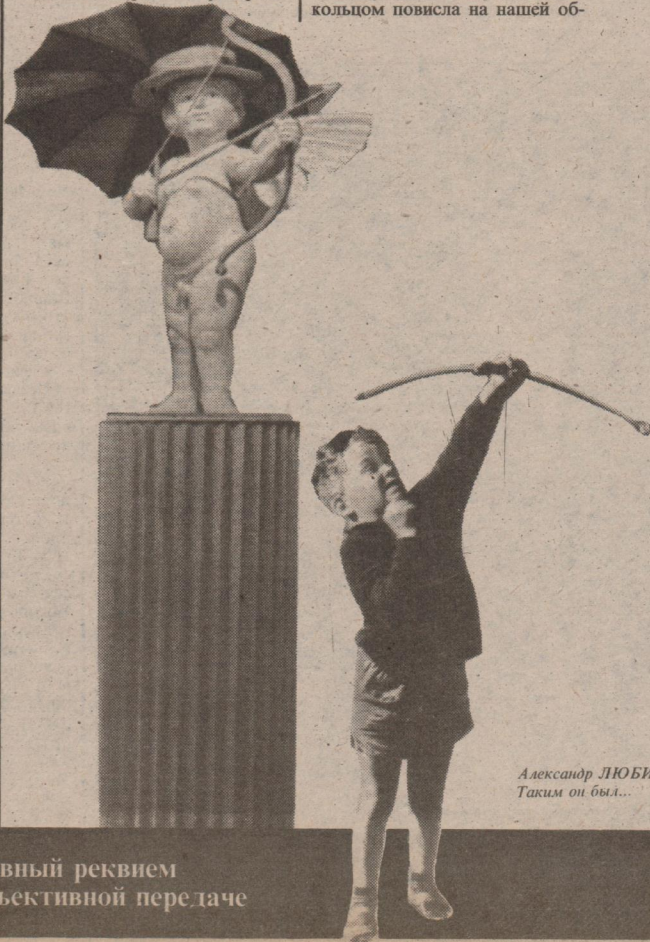

Владимир
ЛИШТЯВ —
обещает бросить
свое «Поле чудес» и
вновь вернуться в
политическую
журналистику... А
поле чудес, как мы
помним, — в
стране дураков!

Сергей ЛОМАКИН —
после ВПШ во
«Взгляд» уже не
вернулся

Андрей
ШИПЛОВ —
выпускающий
«Взгляд»,
выполнял
неблагодарную роль
буфера между
начальством и
«ночными
мерзавцами»

Дмитрий
ЗАХАРОВ —
покинул первую
тройку ведущих
ранее других:
говорят, что он
честнее — если не
всех, то
большинства

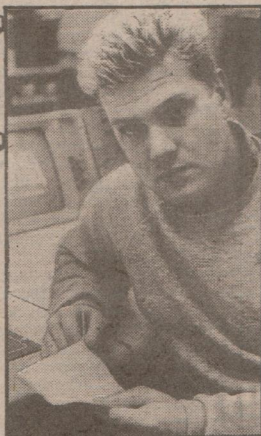

Александр ЛЮБИМОВ.
Таким он был...

Субъективный реквием
по не самой объективной передаче

ХРОНИКА

Иван ДЕМИДОВ — режиссер программ, любит повторять, что он «отвечает только за видео» и не интересуется политикой; когда брала интервью у лидера «Памяти» Васильева, тот, внимательно взглянув в светлые глаза режиссера, молвил: «Иван, я вам верю...»

Александр Михайлович ЛЮБИМОВ эпохи «Взгляда»

Анатолий ЛЫСЕНКО — мур, осторожно и подозрительно эрудирован. Возглавив Российское ТВ, стал притягивать лучших телевизионщиков, как магнит

шей совести Литва. Кстати, на ТВ события эти оборачиваются внутренними разборками. Отстраняются от эфира те, кто отказывается читать официальную лагу.

Тройку популярных ведущих ТСН Гурнов — Ростов — Миткова «ушли» с президентского телевидения позднее. По мнению автора «Телескопа» Дмитрия Крылова (высказанному, замечу, в частной беседе на пляже сочинской «Жемчужины»), наши ТВ-звезды становятся досадными жертвами собственной беспечности и пренебрежения Солидарностью. «Взгляд» не помогал своим коллегам, когда на них назревало начальство. ТСН же не решилась рискнуть своей славой, вступившись за более нахальных «мальчиков» из «ВиДа».

Постепенно само название опальной передачи табуируется на краевенковском ТВ. «Добрый вечер, Москва!», готовя передачу о конкурсе «Мисс Пресса СССР», застенчиво представила «Мисс «Взгляд» Яну Чернуху как «Мисс Центрального телевидения». Похоже, что авторы фильма о журналистском конкурсе решили выглядеть более крутыми цензорами, чем сам Кравченко, подобно средневековым инквизиторам, пытавшимся слить большими католиками, несли папа римский.

Начало года выдалось для «Взгляда» (и других) нелегким.

К сожалению, по уже наметившейся инерции поредел ряды ведущих. Ушел в кабельное ТВ В. Мукуев, «хлопнув дверью» в «Огоньке». Покинул «ВиД» Д. Захаров, ушедший вместе со своими, бесспорно интересными, «Ведями». И прихватив одного из талантливейших «взглядовских» режиссеров Игоря Иванова. «А сплоченность рядов есть свидетельство дружбы или страха сделать свой собственный шаг?»

1985 (ПРОБА)

Говорят, что не угодил, мол, «Взгляд» М. С. Горбачеву.

Мне ничего не известно о якобы антипрезидентских акциях «Взгляда». Насколько помню, ведущие (в том числе и бывшие) всегда лояльно относились к лидеру. Персонифицируя Перестройку с ее главным, как все мы думали, архитектором...

Что касается бунтарских комментариев, вроде бы припасенных для «Взгляда» 11 января, то я попросту взял у шефа программы оригиналы подготовленных текстов.

В передаче, которую зрители должны были увидеть в пятницу 11 января, планировалось пять «комментов». По одному на каждый год перестройки (так и хочется сказать: пятилетки). Закадровый текст А. Любимова должен был идти как бы поперек гигантских — во весь экран — цифр (1985...), в которых проскакивали вполне определенные картинки. То лицо Лигачева, то профиль Ельцина. То идущие по притихшей улице Горького размазанные танки.

Я процитирую тексты любовских комментариев в порядке их появления в программе. «Программе, преспокойной ненависти», — по определению Ильи Глазунова. Но зло пестовалось здесь десятилетиями. И проводниками этой силы были и остаются люди по-своему, в свою очередь, ненавидимые и

Глазуновым, и Любимовым. Апрель 85-го, похоже, лишь попытка прооперировать опухоль на теле цивилизации.

«85-й. Наш первый праздничный год. Год новых ожиданий. 24 февраля Черненко голосует на выборах в Верховный Совет РСФСР и местные Советы. Его уставшее от жизни тело с трудом вносит в фокус телекамеры. После многочисленных похоронов за два предыдущих года классическая музыка вместо радиопрограммы «Опять 25» раннее, чем западные радиостанции, доносит весть об очередной смерти в Кремле. Стремительная смена в высшем эшелоне пробудила во всех нас дух настоящего оптимизма. И даже первый перестроечный указ «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогеноварения» ложится на радостную атмосферу ожиданий. На фоне политических рокировок народ стоит в очередях за спиртным, на фильм Абуладзе «Покаяние». Никто не кается и не будет, но созерцание приносит не меньшее удовлетворение и веру в нового лидера, которого уважают Запад и Восток. 85-й год — год великих ожиданий. Год Горбачева».

28 ДЕКАБРЯ (УДАР)

Этим вечером И. Кириллов нокаутировал «взглядовских» фанатов сдержанным сообщением. Ведущий телекомпании «ВиД» домашнему тепло сказал: «Взгляд» сегодня не будет». И пояснил: по политическим, мол, мотивам. Все это, по-моему, смахивало на грамотно сработанный вход в новый уже сюрреализм. Мне очень нравится ветеран нашего ТВ, и особенно в контексте «молодежи». Это во-первых. А во-вторых, все, что произносится шикарным кирилловским тембром, ассоциируется (не только у меня, предполагаю) с чем-то официально непрекрасным. Как гранит Мавзолея. Как первая страница «Правды». Как танковый ход по пражским мостам 68-го года. То есть так, а не иначе.

И поэтому, когда ведущий «ВиДа» говорит, что сегодня будет то-то и то-то, я знаю — будет. А когда говорит — нет...

Ровно через две недели (11 января) в последней студии Кириллов без тени иронии красиво пройдет насчет погоды: — Оттепель закончилась. Наступают крещенские морозы.

И наезд камеры на «шапку» «МК»: «ВЗГЛЯД» ЗАКРЫТ!

Не надо быть сверхпроницательным, чтобы расшифровать кирилловскую реплику. Там, где блещет за иконой ножи, где в грязи обручилась с весенним дождем стужа, — слово «оттепель» ныне не просто несталистическое понятие; это уже все больше смахивает на пушечную по кругу невесту.

И ведь грянули, грянули морозы. БТРы на улицах Вильнюса. Язов, декларирующий признание законов России. Окончательный и безнадельный уход Шеварднадзе. Послушное избрание Пуго вместо Бакинца.

То ли еще будет.

По мнению западных советологов, рубеж 1990—1991-й может стать трамплином, с которого Перестройку качнут минимум на 5 лет назад.

«Московский комсомолец».

В 86-й?

«86-й. Первые противоречия перестройки. Идет борьба с нетрудовыми доходами и развивается индивидуально-трудовая деятельность. XXVII съезд компартии отмечен разрешенным свободомыслием. Последний шаг в борьбе с пьянством был традиционным — повысили цены, в том же августе принято историческое постановление о прекращении работ на переброске рек. Тонет «Адмирал Нахимов», первые полки выходят из Афганистана. Мы с удивлением замечаем, что жизнь меняется. Не нужно учить науку бессмертные строки вождя, можно не вступать в политические организации. Это, пожалуй, самый спокойный год. Если не вспоминать Чернобыль. Апрельский взрыв на Украине, цену которого мы еще не познали, стал страшным символом 86-го. Мы уже смелы, мы говорим об этом, но мы бессильны перед трагедией. Год Чернобыля».

Первый зампред Гостелерадио СССР П. Решетов, который вскоре подпишет распоряжение об едва ли не полном разгоне программы, по поводу 28 декабря заметил:

— Решение это было общим. Мы — руководители ЦТ — не могли отказаться от своих позиций. Они — авторы «Взгляда» — от своих.

Председатель высказался менее определенно:

— Мы говорили с Любимовым и о деликатности ситуации, и о том, что вряд ли сам Шеварднадзе придет в телестудию. И меня удивляет, что этот в общем-то спокойный разговор теперь столь странно препарируется.

Позднее в своем необычном (не менее от этого сенсационном) ТВ-выступлении Л. Кравченко подчеркнул, что запрета на имя Шеварднадзе не существует.

Он оказался, пожалуй, прав. Тема была лишь предлогом. Для отставки «Взгляда».

Станным все-таки образом совпали отставки. Завану распорядился легкомысленная старушка Фортуна. Ведь некогда именно по инициативе Шеварднадзе, невзирая на ропот тогдашнего руководства ЦТ, «взглядовскую» бригаду отправили в его, министра, африканское турне. И там журналисты увидели подлинное закулисье Большой Политики. Как, например, лидер свежесписанной страны, оттянувшись на размазистом банкете, просто проспал программное свидание с министрами ведущих держав. Как позднее сами министры устраивали тайное ночное радеу (не путать с песней Криса Кельми) во временной резиденции Эдуарда Амвросиевича, обсуждая дипломатическое ЧП. Как блистательно работает охрана. (Выросшие из кустов «комитетчики» деликатно тормозили режиссера Ваню Демидова и стоявшего «на атаке» Любимова: «Мы-то все знаем, но ведь ребята Бейкера могут, не разобравшись, и прихлопнуть».)

НОЧЬ (2/3 ЯНВАРЯ)

В среду, 2 января, другой зампред — Г. Шевелев — дал зеленый свет очередному выпуску передачи. Хотя и был информирован: гостями студии будут двое помощников Шеварднадзе. И, возможно,

ЗАПРЕТА

придет генерал Родионов.

На следующий день, примерно в час дня, зампред пробыл отбой.

— Я всю ночь думал и принял скоропальное решение.

Владислав Листьев комментировал этот поворот на 180 градусов спокойнее, чем можно (зная его) ожидать:

— Мы снова попали в ситуацию, когда творчество на 80 процентов состоит из **пробивания** материала. Противостоящая сила остается неведомой.

Менее чем через неделю ведущие придут к выводу: атака на программу, возможно, санкционирована Горбачевым.

В «Коммерсанте», со ссылкой на зав. сектором ТВ и радиовещания ЦК КПСС А. Мисана, было напечатано, что Л. Кравченко официально назначил Президент «для проведения жесткой политики». И поэтому «Взгляду», мол, «лучше было бы добровольно (выделено мной. — Е.Д.) отказаться от выхода в эфир. Примерно до 20 января»².

«Взгляд» традиционно ненавидим номенклатурой. Главный редактор партийной газеты окрестил ведущих «ночными мерзавцами» в кулуарной беседе. Собеседники одного из идеологов страны были люди прогрессивных, по мнению многих, **взглядов**. Тем не менее,

тем не менее он без намека на замешательство проборолся определением, которое его собеседники восприняли неоднозначно. Позднее я услышал эти же милые словечки из уст модного нардепутата. «Взгляд» раздражает не только ортодоксальных большевиков?

Впрочем, «мерзавцы» — не единственный термин подобно-го сорта.

Помню, во время одного из (совместных с Любимовым) эфиров к столу ведущих подошел (тогдашний) шеф передачи А. Лысенко и, лукаво посмеиваясь в усы, рассказал стоящему рядом Андрею Шипилову (ныне директор «Вида»):

— Мне <...> пожаловался, что его «гашишники» на десертку штрафнули. Ругался: Все, говорю, из-за твоих, мол, борцов с привилегиями. Обзывал мальчиков «сельскими гаденышами».

Начальник большой привык к тому, что его черныш членовоз (такие лимузины развозят членов Политбюро) никто не смеет останавливать. Он привык дышать по-хозяйски грязным воздухом Москвы. И ненавидит «журналигов» привык за три года существования «Взгляда».

Фамилию начальника большого не называю. Во-первых, по изложенным выше соображениям, а во-вторых, не уверен, что слова Анатолия Григорьевича рассчитаны были и на меня. Мы с Любимовым вроде как заняты были, разбирая зрительские вопросы для последней студии. А у Шипилова с Лысенко свои отношения. Во всяком случае, когда 29 декабря прошлого года я напомнил об этой реплике Лысенко (дело бы-

ло на «взглядовском» празднике Нового года в «Бизнес-клубе»), он не стал уточнять детали.

И наконец, еще одна цитата.

Излюбленный прием Любимова: комментарий передачи (многие другие предпочитают открывать «Взгляд», обходясь либо стандартной анкетой, либо озвучиваемым вживую анонсом). 28 декабря «Взгляд» должен был начаться словами руководителя программы (полагаю, что секретов не разглашаю):

«Календарь перестройки вступил в новую фазу. Время разоблачений сменяется первыми крупными переживаниями и серьезными размышлениями. Уходит ближайший сторонник Горбачева Эдуард Шеварднадзе. Уходит, видимо, потому, что не видит света впереди. Можно положиться на опыт и мудрость этого великого политика наших дней, чтобы задуматься очень серьезно. Может быть, серьезнее, как никогда. Кто следующий за Бакашвили, за Шеварднадзе? Порядок уже виден: Яковлев и, похоже, сам Горбачев. А дальше диктатура и царство беспредела. Захваты ядерных боеголовок, террористические акты против мирного населения, поджоги химических заводов. Пора объединиться, но с кем? Мы, люди, объединены желанием разрешить проблемы и ждем от политиков того же. Но как объединиться с теми, для кого политические цели выше человеческих? Как быть вместе с руководителями КГБ, которые никак не хотят открыться от общества «Памятям», как дружить с министром Язовым, которого в более откровенном интервью американским журналистам полковник Петрушенко называет «одним из наших»? Почему молчат военные, которым дорога наша страна, когда говорят полковник Петрушенко и Алксис? Где голос парламента, который целыми днями только и борется, уже забыв о смысле борьбы? Кто из высших структур или персон может сегодня дать хоть какую-то уверенность в том, что с Горбачевым имеет смысл, идти дальше? Что его президентское окружение действительно президентское? Что он не уйдет от дел, как уходят министры от дел внутренних и иностранных? Эти вопросы мы задаем в канун Нового года и берем их с собой, надеясь, что общественное согласие сможет их разрешить».

1987 (НАЧАЛО)

Выступая однажды на творческом вечере в одном из московских НИИ вместе с Александром Политковским (уже тогда суперпопулярным и всеми узнаваемым), не без удивления узнал, что «Взгляд», оказывается, был придуман с подачи ЦК КПСС. (Сама упоминул, что его высокопоставленный тезка Яковлев санкционировал создание «Взгляда».) Только потом, прикинув что к чему, сам себе сказал — вряд ли можно было в 1987 году зачинать какое-либо издание или тем более телепередачу без высочайшего позволения идеологической службы. Мне кажется, что «молодежные пятницы» создали как альтернативу пятничным выпускам музыкального блока Би-би-си. Радиоэкстремист Сева Новгородцев каждую пятницу мето-

дично плавил мятые идеологические мозги юных слушателей. Атаковал чуждыми мелодиями сатанинской музыки. Снабжая эти звуки вредными комментариями. Насколько знаю, КГБ подготовил дельную и объективную справку об этом для высшего руководства. И решили: пусть песни эти совмолodeж слушает по первой программе отечественного ТВ. С хоршими, конечно, комментариями.

Если б они знали...

Любопытно было бы **взглянуть** на справку, оценивающую идеологическое лицо предразговорного «Взгляда». Причем в исполнении тех же комитетских экспертов, которые анализировали пятницы Севы Новгородцева.

Возможно, многое прощалось заговаривающимся «мальчишкам» на начальном этапе из-за образцовых анкет. У того же Любимова отец — отставной полковник ГБ, и это обстоятельство — в глазах «зрителей с Лубянки» — служило, видимо, симпатичным аргументом «за». (Замечу, что в западном справочнике «Кто есть кто в КГБ» упоминаются и другие «взглядовские» фамилии. Михаил Петрович Любимов сам рассказал о своей работе разведки на страницах «Огонька», и поэтому его принадлежность к корпусу Первого Управления КГБ не носит более даже бытового грифа секретности...)

Поживем — увидим, думали в КГБ.

А потом стало уже поздно. Передача стала лидером медиа.

Именно во «Взгляде» впервые появились и Ельцин, и Кашировские, Тельман Гдия и Нина Андреева. Да мало ли что еще.

4 ЯНВАРЯ (ПОСТУПОК)

Концепция нового ТВ-командира Кравченко — не надо политических программ, зритель устал от серьезных проблем, ему хочется расслабиться. (Стало быть, и компании «Вид» надо заниматься развлекателькой? Пусть себе Листьев, мол, резвится с «Полем чудес».) Но... 4 января вместо «Взгляда» был показан странноватый фильм. Под грозным названием «Лицо экстремизма». Не надо быть суперпрофессионалом, чтобы предположить — фильм этот делался скорее всего не на ЦТ (например, озвучка продолжена без интершума, то есть дикторский текст не перескается со звуками исходного материала, тоже, кстати, весьма грязноватого, то ли списанного с чужих экранов, то ли попросту любительского).

«Лицо экстремизма» — кусочек отчаянно политизированный. Не со всяким выпуском «Взгляда» по этой самой политизированности эту ленту сравнить. Единственное, что могу допустить, — на ТВ (как и в стране, впрочем) левая рука не всегда ведаст, что правая творит. С этим путаница. Где — лево, что — справа. Не сразу различить, чьи уши откуда торчат. Кто за что отвечает.

Утром ведущий ТСН Юрий Ростов залез в прямом эфире на Дальний Восток:

— И вообще: сегодня и «Взгляд» не выйдет.

Перед этим он был накален до предела. Его заставили читать Указ о Рождестве. Цельком. Он пытался возражать,

объясняя, что в программе новостей нужно просто сказать, что, мол, 7 января впервые будет праздничным днем. За всю историю Советской власти. Но его, повторяю, **вынудили** зачитать документ. Ростов, извинившись за путанность изложения и по-деловому объяснив, что он — не диктор, сказал — искренне так — и про «Взгляд». На Сибирь и Среднюю Азию ТСН (так же как и «Взгляд») идет в эфире по «Орбиту». И поверх стандартной ТСН-ской шапки браво положили надпись «Новости», до оскомины знакомую по программе «Время». Записанные сюжеты шли в том же порядке, что и на Дальний Восток. Но в живых фрагментах был неизвестный мне диктор (не ТСН-ский, во всяком случае) Лев Викторов. К «Москве» начальство, насколько понимаю, передумало, и Ю. Ростов вернулся-таки в эфир.

В среду, 2 января, «взглядовская» команда пообещала представить руководству новую версию программы. И они это сделали. Но их обманули. Как и всю страну, впрочем.

КОНЕЦ ЗИМЫ — НАЧАЛО ЛЕТА

Год, как и предвещали мрачные гороскопы, выдался для «Взгляда» тяжельшим. Умело оперируя вечным тезисом «Разделяй и властвуй», командиры нашей жизни сумели рассеять самодовольные «взглядовские» ряды. Оттого звездноносный нажим пришелся на неформального лидера передачи Любимова, который все-таки сподобился: замонументировался лидером вполне по-бумажному («с правом подписи» и все такое) формальным. Руководителем. (Подстава.)

Судьба ударила под лопатку. Подло и по-настоящему больно. Хуже, пожалуй, не могло и быть. У Саши умерла мать.

На поминках 11 февраля один из ее товарищей по сцене (Екатерина Павловна играла в Театре Гоголя) вполне определенно выплеснул вслух то, о чем многие, поскрипывая приоткрытыми зубами, лишь думали. Трагедия сына сыграла свою роль в пьесе, с которой сердце матери справиться не сумело. Упоминалась за поминальным столом и фамилия Кравченко. Упоминалась Любимовы — отец и сын — молчали.

Весной «Взгляд» ушел в подполье. Любимов и Политковский организовали штаб в гостинице «Ярославская». О выпусках «Взгляда» на сибирских просторах ребята узнали, лишь прочитав заметку в «Известиях». Третий «взглядовский» депутат В. Муксёв отснял несколько выпусков самостоятельно и коллег об этом не проинформировал. Это к вопросу о сплоченности рядов.

«Взгляд из подполья», созданный двумя Сашами — Любимовым и Политковским, — проект в финансовом отношении вполне прибыльный. Они собирают в общем-то традиционные передачи. И эфирят из тех городов, где удается прорваться вопреки стальной воле Центра.

Однако год, повторю, неудачный. Не одно, так другое. Накануне рижского эфира (май) Любимову расекли голову в местном ресторане. Бутылкой. За то, что из «Взгляда». Сотресе-

ние мозга, разбитый левый глаз и глубокие царапины на правой щеке не помешали ему появиться на латышском экране. Но беда не ходит одна. В студии начался пожар. Наглотавшись пластикового дыма, Политковский воззвал к пожарникам: если, мол, вы нас видите, приезжайте поскорее, потому что хотелось бы еще кое-что показать, сказать кое о чем. Добавлю, что в начале мая Любимов попал в ДТП. В странное, на мой взгляд.

Такой год. Срываю пересказы с западными партнерами. Подводят отечественные. В райпрокуратуре, согласившись с тем, что надо возбуждать уголовное дело, передали материалы в прокуратуру Москвы: Кравченко — фигура не районного масштаба. Горпрокуратура с шефом ЦТ связываться не пожелала. «Взгляд» все-таки свой иск дожал, и вельможного оппонента опытных журналистов все-таки вызвали на допросы. В Прокуратуру СССР. Ждать, что справедливость возместит в стране беззакония, гордящиеся цотугами построить правовое государство? Смешно... Им никогда не придется отвечать за содеянное. Ворон ворону... «Золотая рот», браво пропивавшая державу, чувствует себя за дачными заборами куда увереннее тех, кого они привычно **пили**. Развалил целую отрасль, заработал репутацию полдеца? За это — персональная пенсия, машина, «кремлевка», супердача, упакованная прохладным сосиском, и надежная охрана. Если бы охранники следили за тем, чтобы подопечный не вернулся в свое кресло, — полбеды. Нет, их охраняют от озверевших преступников, которых они выращивали поколениями. Их сыновей не избивают, их дочерей не насиловали в лифтах, их матерей не оскорбляют уличные молодчики, их отцы имеют право на ношение оружия. А у журналистов, рискующих порой ежедневно, шереметьевская милиция доблестно изымает полуружьи, охотничьи газовые пистолетики. «Не положено». А кто, собственно, определяет? Кравченко? Пуго? А почему не Полозков? Или Лигачев? Или сентиментальный экс-премьер, смеющийся, не моргнув заплаканным глазом, претендовать на место российского президента?

1989 (РЕПЕТИЦИЯ)

Когда в конце 89-го «Взгляд» не вышел в эфир, много шума было из-за заметки Гаспаряна в «МК» под названием «Взгляд» арестован. На самом деле арестованы были рулоны (видео-материалы). Арестовывать — стандартный телевизионный сленг. Применительно к лентам, а не к людям, конечно.

Есть и еще один жаргонный глагол — убивать. Это значит размагничивать рулон, уничтожая всю информацию.

Если в прошлом году так называемый «мастер» (лента, с которой идут в эфир предварительно записанные сюжеты, разбиваемые фрагментами живой студии) попытается всего лишь навсего арестовать, то последний, предновогодний рулон будет убит. Как ныне выяснилось — вместе с программой.

По поводу «Взгляда» конца 89-го ходили нелепые слухи, что он-де был снят из-за некоего интервью Галины Леонидов-

² В мае Айгар Петрович Мисан сменил довольно прогрессивно настроенного В. М. Поволыева на посту шефа Московского ТВ: «Сами знаете, какие роли исторически отводятся коммунисты латышам в своих революционных песнях», — сызвезда Э. Николаева в «МК»: ЦК-функционер для начала отказал в эфире Г. Х. Попову; впрочем, поживем — увидим.

ны Брежневой, в котором она якобы рассказывала про свои ювелирные взаимоотношения с Раисой Максимовной Горбачевой. Я утверждала: Г. Л. Брежнев никогда не давала интервью «Взгляду». У меня была лишь хрупкая договоренность со знаменитой дочерью Многозвездного Генсека о беседе. Но не зимой, а лишь весной прошлого года (в «совесковский» эфир, который мы вели совместно с Артемом Боровиком). Я, увы, так с ней и не встретилась, поскольку она все время откладывала момент нашего разговора из-за хрупкой неясности расклада с ее дачей в Одиновском районе. Потом же, когда легендарная Дочь выиграла процесс и чурбановская дача осталась за ней, было уже поздно — эфир прошел. И я в очередной раз выпал за рамки передачи из-за своей недисциплинированности в студии. (Перед дальневосточным эфиром наклеил себе «листьяские» усы. Отодрал их в первые же экранные мгновения, заметив что-то насчет мании величия. Естественно, на «Москву» после шумных разборок вообще, вместе с усам, чуть не был выкинут... Но это — другая история.)

«1989 год. Резко обозначились правые и левые. Пока в литературной среде. Печатают уже и Солженицына. Страна выбиравает депутатов на I Съезд Советов. Борьба, трагедия и победы предреволюционной кампании рождают надежды на улучшение. Трансляция Съезда смотрят все с утра до ночи. Падает производительность труда. Мы влезли на себя, на своих представителях в Кремле и поняли, какие мы разные. Национальный взрыв возникает незаметно, но стремительно. Апрельская трагедия в Тбилиси. Но есть и радости — выведены все войска из Афганистана. Центр общественного внимания перемещается в экономическую область. Бастуют шахтеры. Страна напряжена, как никогда. Еще один синдром — экстрасенсы. События в Восточной Европе заставляют нас задуматься. Так мы не можем, но как мы хотим? II Съезд. Люди устали. Они зазвонили и не верят. Они не хотят говорить о политике, они не хотят спорить о будущем. Еще одна надежда — предстоящие выборы в местные и республиканские Советы. Предвестницей тяжелых потрясений становится смерть Андрея Сахарова. Великий гуманист ушел из жизни, оставив нас в порогах 90-х в тяжелых раздумьях. 89-й стал Годом Сахарова».

Съезды интересны не только нервным законодательством и буфетным ассортиментом. Потому что бумажное воплощение нудных разборок по процедурным вопросам можно недорого приобрести в киосках «Союзпечати». И из тех же газет нетрудно узнать: сколько стоит бутерброд с осетриной в кремлевском буфете. (Хотя мне, право, непонятно, отчего кто-то полагает, что рыбные деликатесы противопоставлены народным избранным...) А ведь в съездовских кулуарах — я давно об этом догадывался — разгораются пусть не шекспировские, но тем не менее драмы. Драмы страстных допоселств и подметных войн.

Во время съезда, который вошел в историю как Первый Российский, Александр Любимов передал мне листовку с

«черным списком» недостойных. Недостойных — по мнению анонимных авторов пламенного воззвания-доноса. В первом же абзаце «срылась маска» с «пронзительского» профиля «Демократической России».

Безымянные солдаты номенклатуры требовательно бьют в набат, утверждая, что жизни у нас не будет без «укрепления обороноспособности страны» и стирания с карты России имен «палачей и карателей»: Свердлова, Тухачевского, Блюхера...

И в листовке выделено жирным, словно записано на листе бумаги обзоры — «не позорить Россию избранием Б. Ельцина на руководящие посты».

Далее следует скромный текст, озаглавленный «Краткие сведения о депутатах от Москвы». Короткие, но внушительные (как патроны) характеристики должны были, насколько понимаю, вызывать если не отвращение, то уж, во всяком случае, недоверие к тем, чей авторитет очевиден. К тем, кто делал «Взгляд».

Венчал это послание как бы вызывающее «Родина в госбезопасности», нечто в жанре строгости: «Будьте бдительны! Запомните эти фамилии, не дайте пройти им и гражданину Ельцину в руководящие органы РСФСР. Они будут навязывать вам свой политический амбиции, экономические «прожекты». Вообще давить на вас. Объединяйтесь, товарищи коммунисты и трезвомыслящие беспартийные! Готовьте отпор! Они в Москве уже собираются, чтобы оглушить вас умными идеями и «ослабить» своими лидерами. Верьте нам, мы ничего не придумали. Они могут превратить съезд депутатов РСФСР в кооператив ленинградской сессии. Подумайте, определитесь. Просим! Ельцин непредсказуем!»

Можно было бы разразиться каскадом менторской публицистики. Можно. Но я вспомнил, как после премьеры нового документального фильма «Так жить нельзя» в Доме кино его автор Станислав Говорухин, комментируя реакцию депутатов на ленту, призывающую устроить нравственный Юриенберг для партии коммунистов, несколько меланхолично заметил, составивши на кого-то из зрителей-избранников: «левые» ползели, «правые» поправили, ну а центр, похоже, сдвинулся влево. Чем больше те или иные силы будут демонстрировать и иллюстрировать свои позиции, тем яснее проступит: кто есть кто, чего от кого ждать. А мы по-прежнему ждем перемен. Но не таких, увы, как в Литве.

Возможно, прав гениальный певец, иронизирующий от имени недосторженного поколения: «А мы не ждали перемен». И поясняющий: «И вам их не дождаться никогда». Впрочем, Градский не считает ситуацию безвыходной. Давайте просто самовыражаться, предлагает он. Не ожидая перемен. Ведь «им на нас накласть, бэби, как им на нас накласть». И еще: «Мы заслужили эту власть, бэби» («Антипрестрестречный блюз»).

1990 — ... (СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ)

Последний из неслышанных зрителями комментариев А. Любимова: «Год уходящий прошел в небы-

вах стараниях правительств... Экономически несостоятельные меры разогнали инфляцию до чудовищных размеров. Провокация против концерна АНТ заставила многих задуматься над тем, стоит ли вообще работать. Идут выборы депутатов республик, формируются политические партии. Люди с напряжением следят за «Памятью» и процессом над Осташвили; исход доказывает, что мы способны объединиться перед лицом угрозы. Блокада как средство политики доказывает бессмысленность подобных мер. Происходит размежевание республик и народов, которое часто ведет к кровавым потрясениям. Разоблачается святая святых тоталитарного режима — КГБ. Уже расставлены все точки в спорах по поводу Ленина и революции. Возникает реальная почва для объединения сил представителей разных убеждений. Все понимают, что именно это необходимо как воздух. А он, воздух, пахнет гарью военных маневров: под Москвой. Убит Александр Мень. Разложение власти и огульная критика достигают апогея. К концу года общество выходит во второй виток: уходит Явлинский. Под огнем кризиса перестройки. Уходят Бакин и Шеварднадзе. Уходят сторонники Горбачева, которым пока не удается найти компромисс в обществе. В противоречиях момента звездой надежды светит Россия. Этот год ее возрождения, беспорядочный, главное событие в бурной пучине происходящего».

...Постепенно, не сразу (в этом сезоне именно) «Взгляд» стали поджимать основательно. Не посужено, а целыми выпусками.

Напомню: в 89-м, прежде чем скандально грохнуть предновогодний выпуск, сняли воскресный «Взгляд» (да-да, и такие воскресения были; увы, на ТВ все быстро забывается). В этот раз все развивалось по схожей схеме. 21 декабря зрители большей части по-сибирски необъятных наших территорий передачу не увидели. После того как А. Политковский (впервые, кстати, и блестяще отыгравший «Взгляд» сольно) поздравил дальневосточных толпелю и рыбаков с юбилеем Гдлина (Тельману Хореновичу накануне, 20-го, исполнилось ровно пятьдесят), передача была с плавностью дантиста вырвана со всех «Орбит». На Европу советско-финский выпуск программы-лидера вышел без экссоссов. Но репетиция запрета прошла. И прошла удачнее, чем танковые разминки на Тверской перед Ноябрьским Парадом, заставляющим холодать робкие сердца нежелавших врываться: только полковники могут спасти страну и Президента.

Пожоже, этот выпуск может стать последним. Запрет на эфир 11 января грянул во вторник. Такого никогда раньше не было. Это, по моему, доказывает, что он (запрет) был: запланирован. (Обычно запрещали накануне, после отсмотра упомянутых «мастеров».)

Вот что я знаю. Знаю с документальной достоверностью, хотя понятно: это не все.

Пожалуй, стоит пояснить, отчего этот текст выполнен в раздражающем отечественного читателя ключе: все обо мне и немного о «Взгляде». Во-первых, главное, не оставить ку-

пившего газету равнодушным, а вызвать ненависть все равно что пробудить любовь — эмоция одинаково режущая. В этой стране любят воплотиться, зато ненавидеть умеют по-коммунальному изобретательно и помитинговому масштабно. Школа десятилетий. Во-вторых, — и это главное — я просто уже готов подставиться. И не завишу, в отличие от некоторых своих коллег, от воли тов. Кравченко. Кроме того: считаю возможным использовать лишь свое. И не играть с тем, что знаю опосредованно. У тех, кто делал передачу, положение ныне такое, что навредить им можно почти любой публикацией. Оттого лучше, быть может, и вовсе не браться за хронологию запрета. Во всяком случае, тайного замысла как-то помочь разжалованным в «подпольщики» — нет. Есть другое. Покойный Башлачев: простим всех тех, кто пел не так, но тех, кто молчал, давайте не будем прощать.

Я, повторюсь, люблю эту программу.

Хотя много было моментов нервных. Помню, как один из «взглядовских» редакторов однажды сказал нам с А. Боровиком неверное время «орбитовского» выхода. И мы мирно беседовали с (тогдашним) руководителем «Взгляда» А. Лысенко в просторном коридоре, напротив знаменитой студии АСБ-4, в то время когда до нашего появления на дальневосточных экранах оставались резвые секунды.

До сих пор для меня колокольные звуки взглядовской «шпапки» пульсирующие ассоциируются с нервным стуком сердца. Я помню, как оно, мое сердце, раскачивалось, когда я суетливо стаскивал с себя мятую рубашку и, «чертыхаясь», спешно напяливал взглядовскую голубую майку с надписью «Перестройка». А Артем, уже сидя рядом, дрожавшими руками научно пристегивал к традиционной «униформе» (он успел надеть ее раньше) студийный мини-микрофон... Через рваное мгновение мы должны были здороваться со зрителями, и сверху, умноженный усилиями, несся крик режиссера:

— Дололев, ты же голый! Я рухнул в кресло, видя свой бросок на студийном мониторе. Почти в эфире.

Трудно представить, что переход «ВиДа» в Российское телевидение способен возбудить благожелательный энтузиазм тех, кто работает так с минувшей весны. Один из них сказал: «Они же нас быстро подвинут. Не фигу приходить на готовое. За что боролись, на то и напоролись. Стоило прогнаться перед коммунаками, чтобы потом ткнуть мордой во все это дерьмо, которое они представляют как политическое гонение? Они уже ушли туда, откуда не возвращаются». (Палел вверх.) Имеется в виду «звездная» болезнь, мешающая ведущим трезво оценивать расклад. Мне-то кажется, что журналистская известность в условиях «совка» — вещь скорее опасная. ТВ-звезда политического пошиба это не киноидол. Помню, летом 89-го Любимова едва не прирезали в Ялте. Швы до сих пор угадываются на спине и правой руке. Десантное прошлое не гарантирует защиту от ножа. И уж тем более не гарантирует успешного прорыва

ва на параллельные ТВ.

Даже Митковской отказали в приеме на работу. Именно в виду информационный департамент РосТВ. Она пошла работать в другую редакцию телевидения Попцова — Лысенко. Потому, что в информации уже работал ее экс-соратник по ТСН Гурнов. Тот самый, которого она однажды сдала в эфире (те, кто видел тот скандальный выпуск, поймут, о чем я, те, кто не видел, — объяснить все равно не сумею). «Он пришел к нам раньше». Аргумент, конечно. Аргумент. То, о чем говорил Д. Крылов. Невозможно личные амбиции подчинить высшим целям. Невозможно. И, по-моему, не нужно.

Во всяком случае, одно успокаивает. Мудрый Лысенко, когда я пытался наехать на него с вопросом о репортерской солидарности, заметил: у всякой передачи есть ее звездный час. Взлет и падение. «И что? Падением становится взлет». Вдруг в том, что «Взгляд» сшибил влет, а не дали мирно уткнуться в испачканную слюнями подушку — есть какая-то неведомая пока истина. Какая-то правда (не газетная, без кавычек).

...Я люблю эти 70—90 минут экрана. Я буду любить. Что бы ни произошло. И кто бы из «Взгляда» ни ушел. Люблю «Взгляд». И поэтому ненавижу его врагов.

Александр Политковский настаивает:

— «Взгляд» стал первой жертвой смены горбачевского курса.

Боясь, что он, увы, ошибается. И в прошлом году было много жертв. Последней может стать сам Президент.

Его взгляды так и не совпали со взглядами самой популярной передачи. Во время памятного многим несанкционированного (попросту взятого нахрапом) интервью Горбачев обещал Любимову, что придет в гости к «Взгляду», когда это мистическое совмещение граней. Саша напомнил Президенту о его обещании, когда Михаил Сергеевич прошлым летом был в Останкине. Задержанная неловкая пауза. Чтобы ее разрядить, кто-то из руководства пробормотал:

— Михаил Сергееч, «Взгляд» — популярная программа, у нее очень высокий рейтинг.

Горбачев тогда грамотно отшутился:

— Вот когда у меня будет такой же высокий рейтинг, — улыбнулся он, — тогда и приду. Все с пониманием нарисовали улыбки на ожидающих лицах.

...Думаю, что этого уже не произойдет. Никогда. Я про рейтинг.

Я, еще раз напомню, по воле случая находился в кабинете 12-31 (руководство «Взгляда»), когда туда хмурым вечером 10 января, принесши распоряжение первого зампреда Гостелерадио Решетова о фактической, пусть и завуалированной, ликвидации программы.

«Взгляд» пытаются убить. Но все-таки убивать людей значительно сложнее, чем рулоны. Не только потому, что их нельзя сматывать, словно пленку. Я много раз видел, как это пробуют делать. И я знаю.

Я много знаю. И многое еще скажу. Но одного сказать не могу — чем все это кончится.

Александр АГЕЕВ,
кандидат технических
наук

Этот случай стал широко известен на Западе. Одна голливудская кинозвезда, узнав, из какой ткани будет шить платье приглашенная к ней на праздничный прием соперница, обила этой тканью мебель на своей вилле, где и устроила прием. Только женщины способны до конца прочувствовать всю силу нанесенного морального удара. Бедная гостья стала помещицей в глазах окружающих, а результат: резко упал ее престиж на рынке кинобизнеса.

Курьез? Скорее несколько необычный случай использования самого настоящего «информационного» шпионажа.

В нашей стране проблема обеспечения коммерческой тайны пока еще весьма редко становится темой средств массовой информации. Подавляющее большинство начинающих бизнесменов имеют представление о ней на уровне запертой двери, решеток на окнах, мощного сейфа, могучего охранника. А уже пора бы задуматься и профессионалам, коих пока у нас немного, и занимаются они пока только государственными секретами, и тем, для кого бизнес в ближайшие годы станет привычным занятием.

Что может создавать опасность для бизнесмена или коммерсанта, заинтересованных, разумеется, в соблюдении коммерческой тайны?

Разведывательная деятельность конкурентов.

Несанкционированные действия сотрудников собственной фирмы.

Неправильная политика фирмы в области безопасности.

Примерами разведывательной деятельности конкурентов являются, в частности, установка специальных устройств (так называемых «жучков») в помещениях фирмы, размещение «клопов» на одежде, обуви или вещах ее сотрудников. Эти «жучки» и «клопы» представляют собой миниатюрный микрофон и радиопередатчик с автономным источником питания, передающий все, что говорится в помещении, на расстояние в несколько сот метров и даже несколько километров.

Насколько такие устройства бывают миниатюрны, можно представить из следующего примера. В один из американских банков обратилась за кредитом некая фирма. Все попытки специалистов банка выяснить ее кредитоспособность кончились ничем. Но банку по-

мог «счастливый» случай: у бухгалтера фирмы заболел зуб, и в ходе его лечения у стоматолога в этот большой зуб вместе с лекарствами был помещен «клоп», передававший все, что говорил или слышал несчастный бухгалтер. Реальное положение дел в фирме было немедленно выяснено, банк отказал фирме в кредите, и она «лопнула».

Вообще говоря, офис обычной современной фирмы представляет собой напичканные электроникой помещения, где информация, представляющая собой коммерческую тайну, может находиться на бумажных или других, например машинных, носителях, передаваться по телефонам, телефаксам, телексам, обрабатываться и храниться средствами электронно-вычислительной техники, записываться и воспроизводиться магнитофонами, диктофонами, видеомагнитофонами. Наконец, информация присутствует в воздушной среде в виде акустических сигналов при переговорах. Все эти способы хранения и обработки секретной коммерческой информации доступны современным средствам разведки. Назову некоторые из них.

Оптическая и фоторазведка. Как известно, современные космические средства разведки позволяют фотографировать и различать из космоса, с расстояния около сотни километров, номерные знаки автомобилей. Не меньшие достижения и у наземной оптической и фоторазведки: с расстояния в несколько сот метров может быть сфотографирован лист бумаги или чертеж, содержащий вашу коммерческую тайну.

Акустическая разведка. Направленные микрофоны позволяют в городских условиях слышать (и, естественно, записывать на магнитофон) даже громкий разговор, ведущийся в офисе при открытых окнах (с расстояния более 100 м). «Жучки» или «клопы», которые попали в ваши помещения после деловых встреч, были размещены в ваших вещах или в гордо выставленных вами в офисе подарках вам или вашей фирме, обеспечивают устойчивый прием радиосигналов, транслирующих все разговоры в радиусе нескольких сот метров от офиса.

Перехват информации в каналах связи. Подслушивание и запись телефонных переговоров, другой передаваемой информации возможны и очевидны.

Разведка электроакустических преобразований. Ваши разговоры в помещениях офиса можно подслушивать по телефонным линиям даже тогда, когда вы не пользуетесь телефоном, а его трубка покоится на положенном ей месте. Для неспециалиста такая ситуация означает, что связи с внешним миром по телефону нет. Однако это не так. Даже когда трубка аппарата лежит, существует непосредственная связь телефона с внешним миром, так как линия вызова в этот момент соединяет аппарат с кроссом АТС. Электроакустические преобразования возникают не только в телефонных аппаратах, но и в электрических часах, динамических громкоговорителях, приемниках, телевизорах и другом оборудовании, которым так любят украшать служебные помещения.

Наконец, надо сказать о перехвате побочных электромагнитных излучений технических средств, хранящих, обрабатывающих и отображающих секретную коммерческую информацию. К ним относятся, например, средства вычислительной техники, диктофоны, магнитофоны, видеомагнитофоны, телевизоры, мониторы и т.п. Вокруг каждого такого прибора при его работе возникает электромагнитное поле. Если это электромагнитное поле промодулировано сигналами секретной коммерческой информации, то, перехватывая его с помощью чувствительной радиоаппаратуры, специалист узнает все ваши секреты. Опубликованная в 1988 году в одном из западногерманских журналов статья «Компьютеры — «олдorado» для похитителей информации» рассказывает об эксперименте спецслужб ФРГ в отношении вычислительного центра одной из своих военных баз. В этом эксперименте велись перехват информации, выдававшейся на экраны дисплеев, из автомобиля, находящегося в лесу за пределами военной базы. В статье указывалось, что специалисты ЦРУ США располагают средствами, позволяющими вести такой перехват с расстояния до 1000 метров, а также имеют возможность селективировать (различать) экраны до 20 дисплеев, расположенных в одном компьютерном зале, при их одновременной работе.

Разумеется, сохранение коммерческой тайны невозможно без принятия контрмер по отношению к разведывательным действиям конкурентов. Такую

работу обычно возлагают на службу безопасности фирмы. Если ваша фирма небольшая и не может позволить себе иметь штатных специалистов по обеспечению защиты, можете воспользоваться услугами специалистов. Посоветовал бы пользоваться при этом услугами государственных предприятий, сотрудники которых не случайные люди, связаны соответствующими обязательствами по неразглашению служебной информации и обладают необходимым оборудованием, аппаратурой, средствами и системами защиты. Назову, например, наш Научно-исследовательский центр компьютерной безопасности, директором которого я являюсь.

Теперь о другой группе угроз — несанкционированных действиях сотрудников фирмы, из-за чего нередко происходит утечка коммерческих секретов.

Примеров несанкционированных действий сотрудников фирм великое множество. В частности, такой. На промышленной выставке к стендистке подошел человек и говорит: «Я из страны N. У нас может быть прекрасный рынок для вашей продукции, в частности для этого клея. Я предлагаю свои услуги по его сбыту». Стендистка отвечает: «Отлично, мы как раз готовимся к производству и продаже в следующем году этого клея. Вот вам образец». Трудно оценить, во что обойдется фирме легкомысленные девушки.

Еще опаснее преднамеренные несанкционированные действия персонала фирм. Как ни печально это сознавать, восточная древняя мудрость «Предают только свои» остается справедливой.

В нашей стране известен случай с неудовлетворенным своим материальным положением программистом вычислительного центра Волжского автомобильного завода. В 1983 году он остановил завод, внося логическую бомбу в структуру своей программы, управлявшей подачей комплектов изделий на главный конвейер. Из-за остановки конвейера было недоделано 600 автомобилей, материальный ущерб составил около 4 млн. рублей.

Согласно прогнозу американских ученых, к 2000 году практически все преступления в деловой сфере будут совершаться при помощи компьютеров. Уже сегодня на Западе повсюду говорят о компьютерной криминальной культуре. Информа-

ция, которой располагают специалисты нашего центра компьютерной безопасности, более двадцати лет ведущие исследования в этой области, позволяют утверждать то же самое и в отношении СССР.

Переходя к третьей группе угроз коммерции — неправильной политике фирм в области безопасности, — хочу подчеркнуть, что речь здесь прежде всего идет о некомпетентности, самоуверенности и недальновидности руководящих работников фирм. Известен случай с банком из штата Техас, где компьютерная безопасность была возложена фактически на одного человека. Однако после похищения 21 млн. долларов банк посчитал для себя rentabельным содержать в службе безопасности 60 человек. Очевидно, что неверная политика банков в области безопасности делает их весьма непривлекательными в глазах клиентов: только ненормальный будет хранить деньги в банке, из которого их легко украсть.

Как же уберечь свою фирму от промышленного шпионажа? Проще всего поручить ее защиту профессионалам. Но сегодня у нас катастрофическая нехватка специалистов по безопасности. Их начал несколько лет назад готовить Московский государственный историко-архивный институт на факультете защиты информации, но готовят он их крайне мало, и из-за гуманитарного характера этого вуза, слабости его технической базы выпускники владеют в основном лишь теоретическими знаниями в этой области.

Проблема подготовки специалистов по защите является ключевой не только для коммерческих структур, но и для государственных предприятий. Думается, Комитету по безопасности Верховного Совета СССР не мешало бы рассмотреть этот вопрос, как и проблему обеспечения безопасности коммерческих и государственных секретов в целом. Не могу не отметить, что, например, вопрос состояния компьютерной безопасности несколько раз заслушивался на заседаниях конгресса США.

Переход к рыночной экономике ставит деловых людей в жесткие условия: успех возможен лишь тогда, когда ваши идеи и планы недоступны людям, заинтересованным в вашем провале.

© А. Агеев, 1991

Друзья знали о том, что последние месяцы Грэм Грин был неизлечимо болен. Знал об этом и сам писатель. Уезжая к дочери в Швейцарию из Антиба, где он прожил четверть века, Грин отдавал себе отчет, что навсегда покидает Лазурный берег, и написал мэру города: «Я хочу сохранить за собой мою квартиру в тишине надежде когда-нибудь вернуться сюда».

Ему действительно не суждено было больше переступить порог своей небольшой (всего две комнаты), но уютной и так подходившей ему квартиры в многоэтажном доме на авеню Пастер... 3 апреля 1991 года Грэм Грин, давно уже признанный классиком мировой литературы XX века, окончил свой жизненный путь длиною в восемьдесят шесть с половиной лет.

Горестная весть о его кончине застала меня в Ялте. Я говорил на открытии традиционных Чеховских дней о том, как любил и часто перечитывал Чехова Грин, находя в нем много созвучного своему мироощущению и испытывая близость к нему как к художнику.

«Иногда я думаю, что книги воздействуют на человеческую жизнь больше, чем люди» — так размышлял один из гриновских персонажей в «Путешествии с тетюшкой». И книги самого Грина оказывают воздействие уже не на одно поколение читателей.

Для меня, как и для многих других, «открытие» Гринландии состоялось во второй половине 50-х годов. Зачитываясь «Тихим американцем», «Нашим человеком в Гаване», а потом и другими романами, я не мог предполагать тогда, что судьба подарит мне встречи с их автором и наши отношения станут дружескими.

«Я не знаю ни одного писателя, кроме Грэма Грина, представление о котором, составленное только на основании его книг, так бы соответствовало его реальному облику», — сказал как-то Габриэль Гарсиа Маркес, признающийся, что он многому научился у старшего собрата. Возможность убедиться в правдивости этого суждения представилась нам в сентябре 1986 года, когда Грэм Грин прилетел в Москву после, по его собственным словам, слишком долгого перерыва.

Он появился под сводами аэропорта Шереметьево — высокий, подтянутый, энергичный. Трудно было поверить, что ему уже за восемьдесят: годы лишь слегка ссутулили его, но не притушили напряженного интереса ко всему происходящему на планете. Сразу приковывали внимание живые, пронзительные голубые глаза. Недаром после встречи с ним в феврале следующего года на московском форуме «За безымянный мир, за выживание человечества» Гор Видаль остроумно заметил, что Грэм Грин похож на молодого человека, затормозившего под старика.

Спустя еще полгода прославленный английский писатель вновь побывал в нашей стране и, повинуясь зову Музы дальних странствий, на который он столь часто с готовностью откликался, отправился в Сибирь, чтобы повидать те места, где около столетия назад проезжал Чехов по дороге на Сахалин.

Затем создатель «Силы и славы» принял приглашение встретиться в Москве свой день рождения. Отмечали его в Ореховом зале гостиницы «Советская», и Грин с честью справился с непростым делом — задуть 84 свечи на специально испеченном торте. В Институте мировой литературы АН СССР был организован тогда симпозиум с его участием, в Московском университете состоялась церемония вручения Грину диплома почетного доктора, а потом мы отправились в Киев.

Во время этих приездов мне довелось много общаться с Грино. Он даже шуточно называл меня иногда своим «русским Чучу», с теплотой вспоминая сопровождавшего его в поездках по Панаме тележурналиста Омара Торрихоса. Оба они и Торрихос и Чучу стали его друзьями, оба описаны в книге «Знакомство с генералом», и портреты их висели в его антибской квартире.

Мне посчастливилось дважды — в 1988 и 1989 годах — побывать по приглашению Грина у него в гостях в Антибе. Основную обстановку его скромного жилища составляли стеллажи с книгами (середи них сочинения не только Чехова, но также Толстого, Тургенева, Гоголя,

СИЛА И СЛАВА

Г. Грин, С. Бэла, Т. Ланца, И. Клоетта. Москва, сентябрь 1986 г.

ГРЭМ ГРИН

Святослав БЭЛЗА

Грэм Грин прожил долгую счастливую творческую жизнь. Он был из тех немногих современных писателей, кого еще при жизни называли великим.

В нашей стране произведения Грина переводились и издавались много и часто, скоро в «Золотой библиотеке» МШК МАДПР выйдет в свет и первое у нас шеститомное собрание его сочинений. Конечно, там будет и шедевр Грина в жанре политического детектива — «Тихий американец», роман, литературную ценность и значение которого вряд ли можно будет когда-либо переоценить. Грэм Грин дружил с Кимом Филби, лично знал и Мозма, и Флеминга, высоко ценил их профессиональную работу и творчество, но и среди них он был Метром. И потому совершенно естественно, что, когда в мае 1989 года, собравшись у нас в стране, в Ялте, крупнейшие европейские писатели детективного жанра основали Европейскую Академию наук «Детектив и политика», почетным Президентом ее стал именно Грэм Грин.

Герцена и других русских писателей). Из окна кабинета (он же — гостиния) открывался вид, достойный этого неумолимого путешественника: слева — старинный форт, прямо — слегка колышущийся лес яхтенных мачт в гавани и море, сливающееся вдаль с небом.

В этом кабинете-гостинии или в его любимом ресторане «У Феликса» я подробно расспрашивал писателя, уточняя различные детали для статей о нем, обсуждая состав собрания его сочинений, до выхода первого тома которого он не дожидаясь совсем немного. В этих беседах часто принимала участие очаровательная Ивон Клоетта — литературный секретарь и близкий друг Грина (которой посвящен его последний роман «Капитан и враг»). Помните, я получил в подарок экземпляр еще до поступления его в продажу).

Грин терпеливо отвечал на все мои вопросы. А расспрашивать писателя можно было бесконечно — столь насыщенной была его жизнь. В 1989 году в Лон-

во Фритаун — столицу Сьерра-Леоне, на сей раз в качестве сотрудника британской секретной службы, которая присвоила ему кодовый номер 59200 (этот номер появится потом на страницах «Нашего человека в Гаване»). Находясь во Фритауне, писатель убедился в том, что «мир Гитлера, мир Дахау, концентрационных лагерей и нацистского чванства не так уж далек от этого уголка Африки», и написал обличающий фашизм детектив «Ведомство страха», художник всегда возмущался, когда где бы то ни было пытались подчинить людей подобному ведомству.

Детективы Грин называл однажды современными сказками. Он был неравнодушен к этому жанру (охотно посетил в Москве созданный Василием Ливановым театр «Детектив» и пожелал ему успехов как «старый поклонник Шерлока Холмса»); нередко пользовался приемами детектива в своих романах, но при этом никогда не довольствовался занимательным «кроссвордом» сюжета, а затрагивал сложнейшие философско-нравственные, политические проблемы. Тонкий психолог, он тщательно мотивировал поведение своих персонажей, стремился заглянуть на самое дно их сознания, будь то даже люди, дошедшие до крайней степени морального падения. В его романах, как в реальной жизни, Добро и Зло весьма тесно соседствуют друг с другом, иногда в душе одного человека — скажем, Рейвена, героя «Нашего убийцы».

О недолгой службе Грэма Грина в разведке примечательные воспоминания оставил Ким Филби в книге «Моя тайная война»: «Для усиления пятой секции к нам вернулся Грэм Грин из Фритауна, где он, как предполагалось, следил за интригами вишистской Франции. Да простит он меня за откровенное признание, но я не могу припомнить каких-либо его блестящих достижений в Западной Африке. Может быть, французы не вели интриг? Я помню, однако, совещание, где обсуждалось предложение Грина об использовании одного бродячего борделя для разложения французов. Предложение обсуждалось вполне серьезно... К счастью, Грина назначили ко мне в подсекцию, где я поручил ему Португалию. Ему доставляло удовольствие поддевать УСС (управление стратегических служб), а его едкие комментарии по поводу входящей переписки служили для всех ежедневным развлечением».

Киму Филби виднее, какую пользу принес Грин британской разведке, но писателю этот эпизод его биографии дал богатый материал не только для «Нашего человека в Гаване», но и для более позднего «Человеческого фактора».

Грин умел, кстати, хранить свои привязанности, и «человеческий фактор» был для него превыше всего. Так, он написал предисловие к английскому изданию книги Кима Филби, поддерживал переписку и встречался с ним в Москве, за что подвергался нападкам в британской прессе, клеймившей Филби как «предателя».

«Ничье досье не бывает полностью собрано, ни одно дело не является окончательно закрытым даже сто лет спустя, когда все его участники мертвы», — рассуждает в гриновской повести «Третий человек» многоопытный полковник Каллоуэй. «Досье» Грина рано закрывать: нас могут ждать еще немалые сюрпризы — в частности, когда будет опубликован дневник его снов, который он вел со школьных лет и над обработкой которого усердно трудился на закате дней.

Тот факт, что он ушел из жизни так и не получив Нобелевской премии, хотя многократно выдвигался на ее соискание, останется таким же историческим парадоксом, как неизбрание Бальзака во Французскую академию.

Журналисты часто докучали писателю вопросом, очень ли он переживает по поводу того, что не является нобелевским лауреатом. И однажды Грин неожиданно сказал: «Мне мало это нравится». Осомлевший интервьюер спросил: «Какое же вы хотите?» Последовал лаконичный ответ: «Смерти».

Теперь он получил эту награду, которой дождался спокойно и мужественно.

Отрешившись от земных забот, Грэм Грин пребудет с нами в силе своей и славе.

С. Бэла, 1991

Мы, кажется, уже привыкли к тому, что из глубин советского безвременья нет-нет да всплывает очередной литературный «памятник» — сталинской ли, хрущевской или брежневской эпохи. («Памятник», за чтение которого читатель мог поплатиться свободой — по тем временам; ну а писатель ставил на карту жизнь. Сейчас эти литературные открытия закономерны: перестроечной революцией нарушена омерта всеобщего покорного безмолвия, и благодарный читатель получает наконец то, что у него долгие десятилетия силой отнимал тоталитаризм. Роман «Евангелие от палача», отрывок из которого мы публикуем, написан братьями Вайнерами в семидесятые годы. Написан и — надежно укрыт от бдительного «ока государева» до лучших времен. К счастью, и авторы и читатели до них дожили. Остальное — в самом романе, который вскоре выходит в свет отдельной книгой.

Фужер с водкой был огромен и живителен, как кислородная подушка. Остановившееся сердце встрепенулось, и дыхание открылось, жидкий мой наркоз пригасил ужас, вдохнул надежду; и хотел я сказать Мангусту, что не в Элизьере Нанносе дело, разве с него такой разговор начинать следует, как увидел вдруг, что шагает между столиками по пустоватому ресторанным залу Абакумов...

— Ну, докладывай, Хваткин, про подвиги свои, хвались успехами!

— Вас же расстреляли, Виктор Семеныч, давным-давно... И могилы вашей нет...

— Ну и что? А у тестя твоего, у еврея этого, фамилии не помню — у него разве могила есть? В землю уходим, облаком-пеплом улетаем — а все мы здесь...

— Этого не может быть! Время тогдашнее утекло...

— Обманулись мы, Пашка: время-то, оказывается, — кольцевая река. За окрем утекла, обернулась и к нам снова пришла... Ответ держи передо мной, Пашуня...

— За что, товарищ генерал-полковник?

— За то, что я тебя, ничтожного, безвестного, сопливого, на груди пригрел, взрастил, червя этакое, в жизнь вывел, а ты меня в конце концов погубил...

— Это не я! Это Минька Рюмин!

— Не ври, змееныш! Минька Рюмин был просто осел и жополиз. Это ведь ты придумал дело врачей-убийц?

— Я...

Вот и он, всемогущий когда-то министр, давно расстрелянный, а теперь воротившийся на карусели времени, с меня взывает. Виктор Семеныч, да что с вами со всеми? Неужто действительно у всех память напрочь отшибло? Да напрягитесь вы, припомните, что было...

Был Великий Пахан.

— Мы, Божьей милостью, Иосиф Единственный, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский.

Царь Казанский, царь Астраханский, царь Польский, царь Сибирский, царь Херсонеса Таврического, царь Грузинский.

Великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский.

Князь Карельский, Тверский и Югорский, и Пермский.

Государь и Великий князь Новагорода, Черниговский, Ярославский, Обдорский и всея северные страны повелитель.

И Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския.

Черкасских и горских князей и иных — наследный Государь и обладатель, Государь Туркестанский, Киргизский, Кайсацкий.

— Мы, Августейший Генеральный Секретарь Коммунистический.

Председатель Правительства Всесоюзного,

Генералиссимус всех времен и народов,

Почетный Корифей Академии Наук,

Величайший Вождь философов, экономистов и языковедов,

Друг всех детей и — физкультурников.

Вот он — был.

Низкорослый, рыжий уголовник. Вместились всей этой имперской красоты. А мы, прочие, четверть миллиарда — существовали при нем.

Отцы-основатели нашей пролетарской отчизны отменили в горячах старый царский герб и придумали новый: хилые пучки колосков, серп доисторический и каменный молоток. Будто знали, куда идем, как жить станем.

Но старый герб не сгинул. Кровавой силой наливался, багровым нимбом светился над головой Пахана — страшная двуглавая птица, знавшая только один корм: живое человеческое мясо. Одну клювастую голову орла звали Берия, другую — Маленков. Первый кровосос — шеф полиции, другой — шеф партии. И лапами общими, совместными котили неутомимо державу, и скипетром неподъемным гвоздили без остановки по головам — покорным и несогласным, все равно кому ни попада...

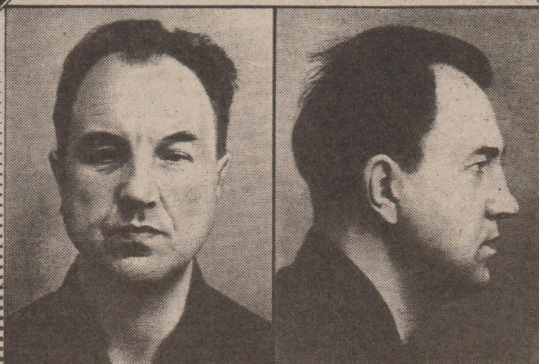
...и увидел, что шагает мне навстречу по коридору Абакумов.

Верхние пуговицы гимнастерки отстегнуты, погоны

Братья ВАЙНЕРЫ

ЕВАНГЕЛИЕ

Фото В. С. Абакумова из следственного дела

ОТ

ПАЛАЧА

сияют, сапожки шевровые агатовым цветом налиты. И красные генеральские лампасы кровавой струей сочатся по английским бридждам.

Улыбается хитровато, пальцем грозит:

— Ну, докладывай, Хваткин, про подвиги свои, хвались успехами!

Очень удачно встретились мы. В коридоре, неподальше от его кабинета. Наверное, к кому-то из замов своих заходил, анекдоты рассказывал. Веселый, еще не пьяный, но уже прилично поддавшийся. Времени — начало девятого вечера, зима пятидесятого года, уже сгорел в крематории безвестный бродяга профессор Лурье, но Лютоостанского я еще не знаю, он сидит в Бюро пропусков, выписывает своим букворисовальным почерком удостоверения чекистам, и Минька Рюмин еще только старший следователь, но уже заражен мною делом врачей-убийц, он горит и топчет от нетерпения ногами, а начальство еще не знает плана, его надо доиграть, оформить и представить в нужном виде, в подходящую минуту и в надлежащие руки.

— ...Какие же у нас подвиги, товарищ генерал-полковник? Корпеем над бумажками помаленьку. Это раньше вы меня для боевых дел привлекали, а теперь я клерк. Форменных штанов от срока до срока не хватает — на стуле протираю...

Абакумов засмеялся, хлопнул меня поощрительно по плечу:

— Не приебдися, обормот! Я тобой доволен. Хорошо соображаешь, собачий сын, стараешься. А мастеров по автокатастрофам или внезапным самоубийствам у нас хватает. Ладно, идем ко мне, покалякаем чуток...

Обнял меня за плечи и повел к себе в приемную, которую мы называли «вагон» — бесконечно длинный зал, уставленный по стенам откидными стульями, на которых сейчас катили в будущее десятка два генералов под пристальным взором полковника Кочегарова, личного адъютанта министра. Кочегаров за столом с дюжиной разноцветных телефонов был и впрямь похож на вагоновожатого: нажимал кнопки на номерном пульте, объявлял что-то по селектору, а кроме того — снимал одну трубку, другую придерживал плечом около уха, третью бросал на рычаг. Очень озабоченный вид был у этого толстоногого монстра.

Враз хлопнули сиденья откидных стульев, генералы вытянулись «смирно» и с нескрываемой завистью возз-

рили на мое плечо, где покоилась мясная министерская дьява.

Боже мой, чего бы ни отдали они на свете, лишь бы поменялись со мной местами и подсушить свое трепещущее от волнения и любви плечико под сень абакумовской руки!

Они ведь не зря сидели на откидных стульчиках. Не знаю уж, кто это придумал — Ягода, Ежов или Лаврентий — поставить в приемной министра государственной безопасности СССР не обычную дорогую канцелярскую мебель, а полированные откидные стулья. Как в киношке. Чуть пригнулся, пошевелился не так, забыл, ослабил контроль за местом — хлоп! С сухим треском выскакивает из-под тебя сиденье. И эти юрки ненадежные места добивали их окончательно, потому что все они — два десятка генералов — не знали, зачем их вызвал министр.

По текущим делам? Или с отчетом? С повышением? Или с жутким разговором? С понижением? Или?..

В прошлом году около этого стола выгоновожатый Кочегаров по приказу министра на моих глазах сорвал с генерал-майора Ильина погоны и отправил его под конвоем в подвал. Блок «Г» внутренней тюрьмы.

И сейчас все пытались взглянуть Абакумову в глаза, понять, зачем их вызвали — за милостью или опалой, угадать, сколько им еще сидеть на откидных стульчиках — но все напрасно. Абакумов шел со мной в обнимку через приемную, глядя поверх генеральских шпалер — чуть прищурясь, брезгливо и равнодушно.

Выскочил из-за стола Кочегаров, тряс уродливыми ляжками, будто в ватные штаны одетый.

— Никто не звонил, Виктор Семенович. Все тихо...

Величаво, еле заметно, как настоящий вельможа, кивнул ему Абакумов, подтолкнул меня в распахнутую дверь кабинета и милостиво разрешил:

Садись... Сейчас по рюмцу врежем...

Хороший был кабинетик у Виктора Семеныча. Ведь вначале планировали не кабинет, а зал заседаний. Зал заседаний Правления страхового общества «Россия».

Ох уж эти беззаботные страховщики! От любых бед, от всяческих напастей обещали защитить. Оплатить, компенсировать. Дом шикарный на Лубянской площади отгрохали, зал для Правления воздвигли — заглаженые. Дубовые черные балки по деревянному потолку, панели на стенах, камин из финского гранита, люстры хрустальные, необятные.

Вот только с верховным страховщиком, небесным, забыли посоветоваться, и встал в зал заседаний Правления страхового общества «Россия» Феликс Эдмундович Дзержинский. И пошел страховывать!..

А за ним — Менжинский.

А за ним — Ягода.

Потом — Ежов.

А теперь выйдете за зеленым столом размером с теннисный корт Виктор Семенович, тоже главный страховщик России.

Молодцы-страховщики!

И мы — ребята не промах!

Мы — страховые агенты. Ох и нагнали страху на всю страну, всю жуткую державу превратили в сплошную страховую случай, скромное страховое общество «Россия» преобразовали во всемогущее Российское Общество Страха.

Госстрах. Госбезопасность. Госузащ.

Одно плохое: застраховав всех, мы и себя загнали до смерти. Пугая других, сами стоим по горло в ледяной каше ужаса. И никому и никогда нет отсюда выхода — страховка пожизненная и охватывает все: имущество, волю, членов семей, здоровье и жизнь.

Мир не знал такого страхования...

Абакумов достал из серванта черную бутылку без этикетки, разлил по фужерам, коротко приказал:

— Буль!

И плеснул в себя янтарную влагу. И я не задержался.

Похрустел министр станиоловой оберткой шоколада «Серебряный ярлык», откусил прямо от плитки и подвинул мне по столу оставшийся кусок.

О, неслыханные знаки милости! Что-то серьезное мне предстоит!

— Над чем трудиться? — спросил Абакумов.

— Да есть одна разрабочка интересная, товарищ генерал-полковник, — начал я осторожно, мне надо было очень аккуратно прощупать его отношение к делу врачей, пропальшивать его планы. — Человечек некий сигнализирует мне, что евреи наши зашевелились... Абакумов засмеялся:

— Евреи всегда шевелятся. Профессия у них такая... А чего хотят?

— Пустяков: государственности. Своей республикой.

— Так у них же есть? — удивился Абакумов. — Мы ведь им в Биробиджане нарезали области!

— Говорят они, что очень далеко и очень холодно. Хотят в Крым!..

— Что-о? — рассердился Абакумов.

— В Крым? — вместо выселенных татар. Туда, дескать, можно будет лег и собрать всех евреев страны и учредить семнадцатую союзную республику.

— А палкой по жопе они не хотят? — спросил меня Абакумов так грозно, словно хотаю с созданием Еврейской социалистической республики со столицей в Севастополе выступал именно я.

Наверное, не хотят, — смиренно ответил я и добавил: — Но так крепко — придется.

— А кто там да кто?..

Большинство почему-то врачи, медицинские профессора. Несколько литераторов. Какие-то инженеры...

Конечно, я не был хотаю с созданием Еврейской республики. Я был просто создателем этой воображаемой страны. Она мне была нужна как постамент под мой художественный шедевр — заговор врачей в целях убийства великого Пахана.

Поэтому я велел своему агенту, журналисту-осведомителю Рувиму Заславскому, распространить идею Еврейской республики в Крыму среди жидоинтеллигентов, поясняя, что эта идея, мол, исходит от властей. Мол, во-первых, из дипломатических соображений, во-вторых, в целях противовеса сионистскому влиянию Израиля и, в-третьих, для окончательного успешного решения еврейского вопроса — власти заинтересованы в создании процветающей республики евреев в Крыму. И надо, чтобы представительная группа видных евреев обратилась с соответствующей просьбой к Пахану. А он, мол, конечно, разрешит, тем более что шикарный полуостров, можно сказать — сплошной курорт, после изгнания оттуда предательской татары совершенно пустует.

Среди евреев, как это ни удивительно, тоже дурачка немало. И несколько таких еврейских недоумков сразу же купились, увлеклись, размечтались. А увлекшись, помчались, как наскипидаренные, к своему главному фактотуму пред лицом Пахановым — Мудрецу Соломонову Эренбургу.

Ну а этот смрадого, меня не дурее, выслушал их, прочитал уже составленное письмо на Высочайшее Паханово Имя и молвил:

— Вы хотите гетто? Вы его получите. Но не в Крыму, а много северо-восточнее...

Но радатель еврейской государственности не остудил.

— Значит, охота, говоришь, евреям перебраться к теплым морям? — спросил Абакумов и поцокал языком.

Зазвонил на столе телефонный аппарат, словобесный, с золотым гербом на диске.

— Абакумов слушает! — И сразу даже привстал от усердия. — Слушаю, Лаврентий Палыч, слушаю!.. Есть!.. Да, конечно. Так точно!.. Незамедлительно распоряжусь... Слушаю... Безусловно сделаю... Вино... Есть!.. Люди подводят иногда... Все выполню лично... Есть!

Трубка буркнула, клубилась взрывами кавказского гортающего матюжка, искрилась вспышками верховного гнева Лаврентия.

И вдруг Абакумов, не обращая на меня внимания — забыл он обо мне или доверял так? — сказал со слезой:

— Лаврентий Палыч, дорогой, вы же знаете, что эта сука Крутованов каждый мой шаг караулит, крови моей, как ворон, жаждет... На нашу голову его свояк ко мне подсадил...

Помолчал, вслушиваясь в телефонные бубки своего покровителя, сказал:

— Конечно, постараюсь, изо всех сил... Слушаю... Завтра доложу...

Положил на рычаг трубку, налил дрожащей рукой себе коньяка, обо мне забыл, хлопнул, не закусывая шоколадом «Серебряный ярлык».

Я сидел бесшумно. Серой мышью под половицей. Хорошо бы отсюда через щель в паркете вылезти, чтобы забыл обо мне Абакумов. Я услышал нечаянно разговор, которого мне знать не полагалось.

Подсмотрел, как две клявастые птицы с герба, высунувшись из-за головы Пахана, грозят друг друга.

Свояк — это Маленков. Они с Крутовановым женаты на родных сестрах. Крутованов, умный хитрый пролаз, сидит в кабинете на этом же этаже. Первый заместитель товарища Абакумова. Глаза и уши Маленкова в этом заповеднике, вотчине, бастионе Берии. Смертельная схватка, полуфинал — если Абакумов серьезно ошибется, то на его место сразу же влезет Крутованов. А Маленков, таким образом, подлизывает к Берии ножки стула.

Правда, Крутованов перекроет другой бериевский выкорымыш — заместитель министра Кобулов. Но Пахай любит Абакумова и доверяет ему больше, чем Кобулову, — опасается восточного кривоногия. И поэтому держит за спиной Кобулова своего земляка Гоглидзе.

А Маленков продвигает потихоньку на помощь Крутованову своего бывшего секретаря, а ныне третьего замминистра Судоплатова...

О, хитроумие, бесцельность ситуаций в шахматной партии политики!

Политическая партия.

Полицейская политика.

Партийная полиция.

Бесцельная изощренность, ибо черными и белыми играет один гротескмейстер. Сам с собой. Против человечества.

Абакумов глянул на меня затуманенным глазом, тяжело вздохнул:

— Эх, брат Пашка, трудно! Государство вести — не мудрими трясти...

Я понимающе закивал, но все-таки решил напомнить:

— Виктор Семеныч, а что делать с еврейской автономией в Крыму?

Абакумов махнул рукой:

— Это — пустое! Дай кому надо в мозг, а раскручивать это дело сейчас нет смысла. Теперь у нас дело поважнее выплывает...

Он встал, затянул потуже ремень, поправил под пономом портупею, упруго прошелся по кабинету под

четкий перезяк своей конской упряжи из лакированных ремней, пряжек, орденов, медалей, застёжек, и волной пронёсся за ним пронзительный запах кожи, пота, коньяка, крепкого одеколона, и в гибкой его поступи, во всем тяжёлом мускулистом теле с маленькой ладной головой была ужасная сила раскорюченного могучего зверя.

— Поехали! — приказал он.

— Слушаюсь! Разрешите сбегать за шинелью, Виктор Семеныч?

— Не надо, — ухмыльнулся он. — В моей машине тепло.

И долгий наш проход от кабинета до подъезда № 1 — через вагон приемной, где генералы на откидных стульчиках будут ждать нашего возвращения бесконечные часы, через коридор с алыми дорожками, будто натеками кровью с лампасов абакумовских бриджей, через катакомбную серость гранитного вестибюля — все это походило на затяннувшуюся детскую игру «Замри!». Все, встречавшие нас в этот разгар рабочего вечера, пеленели по стойке «смирно», руки по швам, спиной к стене, немигающие искренние глаза — в широкое абакумовское переносе, вдох заперт в груди, и ясно было, что, если им не скомандовать «Отомри!», они так и подохнут в немом субординационном восторге.

А я напряженно думал о том, что «заговор врачей» дал трещину в самом основании — еще не родившись толком на свет. Какое-то «выплывающее дело поважнее...» заслоняло воображение нашего замечательного министра.

Начальник охраны крикнул зычно на весь слеп вестибюль: «Сми-ирна-а!», дробно щелкнули подкованные каблукы караула, и мы вышли на улицу, в ленивый сыгонд, в тишину вечера. Желтовато дымились, маслом отсвечивали фонари, сполохами сияли лампы во всех окнах, шаркали по тротуару лопаты дворников. По квартальному периметру Конторы ходили часовые — удивительные солдаты в парадной офицерской форме, с автоматическими двенадцатизарядными винтовками. Для боя — и солдаты, и винтовки были не пригодны: их держали для устрашения безоружных, потому что внушительный полуавтомат с плоским штыком был тяжел, боялся холода, воды, песка и ударов так же, как и эти матери разевшиеся вологодские бездельники. А госстраховскую функцию они выполняли прекрасно — ни одного пешехода не было на тротуаре, по которому ходить вроде бы никому не запрещалось.

Шесть телохранителей выстроились от подъезда до двери пылающего дыма выхлопа «ликольна», и на лицах этих молодых была написана одна туга-тревога: успеть прыгнуть в свой эскортный «ЗИС-110» и не сорваться с хвоста министерского лимузина.

Поскольку Абакумов не боялся покушений никогда не существовавших у нас террористов, его любимой шуткой были гонки с охраной. Не успеет старший комиссар сопровождения захлопнуть за мной дверь, а министр уже скомандовал шоферу: «Нука, нажми, Вогиный!» — и «ликольн» помчался поперек площади Дзержинского.

В заднее стекло, бронированное, густо отбивающее нефтяной радужкой, я видел, как выскакивает на ходу охрана в уже сдущий конвойный «ЗИС», как мигают у них суматошно желтые фары. Над площадью разнося квакающий рев «коков» — никелированных фанфар правительственной сирены.

— В цирк, — сказал Вогиному Абакумов.

Я не удивился. Два-три раза в неделю грозный министр ездит в цирк, где его всегда ждет персональная ложа.

Наверное, глубокий психологизм жонглеров, драматическая изощренность гимнастов, мудрость фокусников возвышали сумеречную душу Абакумова, делали его милосердным и веселым.

Абакумов наклонился вперед и, накручивая рукоятку, как патефон, поднял за синюю Вогиного толстое стекло, отделив нас в салоне. И сказал мне озабоченно:

— Значит, так, Павел: пошлю тебя в Ленинград. Там предстоит большое дело. Все областное начальство сажать будем. Продались, суки маленковские...

Так и запомнился он мне в этом разговоре — уже согласовавший «вопрос» наверх и готовый уничтожить все ленинградское руководство, и озабоченно накручивающий ручку стеклоподъемника, как будто заводил он патефон, чтобы мы могли сбавить прямо в салоне модное танго «Вечер».

Я вспоминал много лет спустя этот разговор, читая дело по обвинению бывшего министра государственной безопасности СССР гражданина Абакумова В. С.

ВОПРОС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР В. В. УЛЬРИХ: Скажите, подсудимый, за что вас двадцать лет назад, в апреле 1934 года, исключили из партии?

АБАКУМОВ: Меня не исключали. Перевели на год в кандидаты партии за политическую малограмотность и аморальное поведение. А потом восстановили.

УЛЬРИХ: Вы стали за год политически грамотным, а поведение ваше — моральным?

АБАКУМОВ: Конечно. Я всегда был и грамотным, и вполне моральным большевиком. Враги и завистники накапали.

УЛЬРИХ: Какую вы занимали должность в это время и в каком составе звании?

АБАКУМОВ: Об этом все написано в материалах дела.

УЛЬРИХ: Отвечайте на вопросы суда.
АБАКУМОВ: Я был младшим лейтенантом и занимал должность оперуполномоченного в секретно-политическом отделе — СПО ОГПУ.

УЛЬРИХ: Через три года вы уже имели звание старшего майора государственной безопасности, то есть стали генералом, и занимали пост начальника Ростовского областного НКВД. С чем было связано такое успешное продвижение по службе?

АБАКУМОВ: Ну и что? Еще через полтора года я уже был наркомом госбезопасности. Ничего удивительного — партия и лично товарищ Сталин оценили мои способности и безаветную преданность делу ВКП(б).

УЛЬРИХ: Садитесь, подсудимый. (КОМЕНДАНТУ): Пригласите в зал свидетеля Орлова. (СВИДЕТЕЛЮ): Свидетель, вы хорошо знаете подсудимого?

ОРЛОВ: Да, это бывший министр государственной безопасности СССР генерал-полковник Абакумов Виктор Семенович. Я знаю его с тридцати второго года, мы служили вместе в СПО ОГПУ оперуполномоченными.

УЛЬРИХ: Что вы можете сказать о нем?

ОРЛОВ: Он был очень хороший парень. Веселый. Женщины его уважали. Виктор всегда ходил с патефоном. «Это мой портфель», — говорил он. В патефоне есть углубление, там у него всегда лежали бутылка водки, батон и уже нарезанная колбаса. Женщины, конечно, от него с ума сходили — сам красивый, музыка своя, танцор отменный, да еще с выпивкой и закуской...

УЛЬРИХ: Прекратите смех в зале. Мешающих судебному заседанию приказу вывести. Продолжайте, свидетель...

...слезы навернулись на глаза. Я вспомнил его — крутящего патефонную ручку стеклоподъемника за спиной шофера Вогнистого. «...Все областное начальство сажать будем... Продались, суки маленьковские...»

УЛЬРИХ: Свидетель Орлов, вы были на партийном собрании, когда Абакумова переводили из членов ВКП(б) в кандидаты? Помните, о чем шла речь?

ОРЛОВ: Конечно, помню. Они с лейтенантом Пашкой Мешком, бывшим министром госбезопасности Украины, вместе пропили кассу взаимопомощи нашего отдела.

УЛЬРИХ: Наверное, тогда еще Мешки не был министром на Украине?

ОРЛОВ: Ну, конечно, он был наш товарищ, свой брат-оперативник. Это они погоды, после Ежова, звезд нахватали.

УЛЬРИХ: А за что Абакумов нахватал — как вы выражаетесь — звезд, вам известно?

ОРЛОВ: Так это всем известно. Он в тридцать восьмом поехал в Ростов с комиссией Кобулова — секретарем. Там при Ежове дел наворачивали — навалом. Полгорода поубивали. Ну, товарищ Сталин приказал разобраться — может, не все правильно. Вот Берия, новый нарком НКВД, и послал туда своего заместителя, Кобулова. А тот взял Абакумова, потому что перед этим выгнал прежнего секретаря, совершенного болвана, который и баб хороших добыть не мог...

УЛЬРИХ: Выразитесь прилично, свидетель!
ОРЛОВ: Слушаюсь! Так вот, Витка — сам ростовчанин, всех хороших... это... людей — на опыте знает... Ну, приехали они в Ростов вечером, ночью расстреляли начальника областного НКВД, а с утра стали просматривать дела заключенных, тех, конечно, кто еще живой. Мертвых-то не воскресить...

Абакумов тут же разыскал не то какую-то тетку, не то знакомую, старую женщину, в общем, она еще до революции держала публичный дом, а при Советской власти по-тихому промышляла сводничеством. Короле, он за сутки с помощью этой дамы собрал в особняк для комиссии все ростовское розовое мясо...

УЛЬРИХ: Выразитесь яснее, свидетель!

ОРЛОВ: Да куда же яснее! Всех хороших бз... мобилизовал, простите за выражение. Выпивку товарищ Абакумов ящиками туда завез, поваров реквизирует из ресторана «Деловой двор», что на Казанской, ныне улица Фридриха Энгельса. В общем, комиссия неделю крепко трудилась: по три состава девок в сутки меняли. А потом Кобулов решение принял: в данный момент уже не разобаться, кто из арестованных за дело сидит, а кто случайно попал. Да и времени нет. Поэтому поехала комиссия в тюрьму на Батяновской, а потом во «внутрянку», построили всех эков — «на первый-второй — рассчитайся». Четных отправили обратно в камеры, нечетных — домой. Пусть знают: есть на свете справедливость!

УЛЬРИХ: А что Абакумов...?

ОРЛОВ: Как — «что»? Его Кобулов за преданность делу и проворство оставил исполняющим обязанности начальника областного управления НКВД. И произвел из лейтенантов в старшие майоры. А через год Абакумов в Москву вернулся. Уже комиссаром госбезопасности третьего ранга.

УЛЬРИХ: Подсудимый Абакумов, что вы можете сообщить по поводу показаний свидетеля?

АБАКУМОВ: Могу сказать только, что благодаря моим усилиям была спасена от расправы большая группа честных советских граждан, обреченных на смерть в связи с нарушениями социалистического законности кровавой бандой Ежова-Берии. Попрошу внести в протокол. Это во-первых. А во-вторых, все рассказы Орлова Саньки насчет якобы организованного мною бардака являются вымыслом, клеветой на пламенного

большевика и безаветного чекиста! И клеветает он от зависти, потому что его самого, Саньку, в особняк не пускали, а мерзнул он, осел такой, в наружной охране как цулик. И что происходило в помещении во время работы комиссии, знать не может.

УЛЬРИХ: Вопрос свидетелю Орлову. Ваша последняя должность до увольнения из органов госбезопасности и ареста?

ОРЛОВ: Начальник отделения Девятого Главного управления МГБ СССР, старший комиссар охраны.

УЛЬРИХ: Благодарю. Конвой может увести свидетеля.

Я не хотел в Ленинград — сажать тамошнее начальство, продавшихся сукам маленьковских. Не то чтобы я их жалел, кабанов этих раздутых; просто никакого не предвидел для себя профита с этого дела. Неизвестно, где его истоки, и уж совсем не угадать, во что оно выльется. А отсечение от задумки и непонятное в своей цели, становилось мне это дело совсем неинтересным — тупая мясницкая работа. Нет, у меня была своя игра — надо было только ловчее увильнуть от ленинградского поручения.

И пока мы мчались в абакумовском «линкольне» по заснеженной вечерней Москве, сквозь толстое стекло, отделявшее нас от шофера Вогнистого, еле слышно доносился из приемника писклявый голос Тамары Кравцовой, восходящей тогдашней звезды эстрады:

Вечер лег на голубой зальц,
Первый раз меня любимой называи,
Подари ты мне все звезды и луну,
Люби меня одну...

Абакумов мрачно раздумывал о чем-то, наверное, о предстоящей посадке ленинградских командиров, маленьковских суки, хотя со стороны казалось, что он прислушивается к певичке, и я его сразу понял, когда он неожиданно сказал:

— Голос как в жопе волос: тонок и нечист... — Подумал и добавил: — Но в койке она пляшет неплохо...

Я засмеялся, подхватил лениво катящийся по полу мяч и решил начать свой прорыв к воротам:

— Это важнее. По мне — пусть совсем немая, лишь бы в койке хорошо выступала...

Мне надо было успеть забросить мяч до того, как мы приедем в цирк. Абакумов слишком часто ходил в свою ложу — не могло того быть, чтобы там не подбросили пару микрофонов.

— Я одну такую знаю... — начал я нащепывать со сплетническим азартом. — Вот это действительно гротескнейший! И молчит. Из-за нее наш Сергей Павлович совсем обезумел...

— Крутованов? — удивился Абакумов. И сразу же сделал стойку: — Ну-ка, ну-ка!

— Он этой бабе подарил алмаз «Саксония»...

— Что за алмаз?

— Его Пашка Мешки выковырнул из короны саксонских королей. В Дрездене дело было...

— Чего-чего-?

— Точно, в сорок седьмом, он его на моих глазах отверткой выковырнул!

— И что?

— И велел мне передать только что назначенному замминистра Крутованову.

— Зачем?

— Чтобы вправить алмаз в рукоятку кинжала и подарить его от имени работающих в Германии чекистов Иосифу Виссарионовичу.

— Ай-яй-яй! — застал он предчувствия счастья Абакумов. — А почему Крутованов?

Я доброжелательно посмеялся.

— Вы же Пашку Мешка знаете — он на всех ступаях сразу посидеть хочет. Сам-то он на верхние уровни не выходит, а через Крутованова и его свояка за просто можно поднести такой презент и их благоволением заручиться, кстати...

— Так-так-так... — запоем языком Абакумов, башкой заматал от восторга. — Ах, молодцы! Ах, умники!.. Но ведь не вручили!..

Я покивал огорченно.

— Ну и как же всплыл этот камешек вновь?

— У меня агент есть, ювелир. Он много лет выполняет заказы Анны Ивановны Колокольцевой, жены нашего известного писателя Колокольцева...

— Надо же, ядрена вошь! — искренне возмущился Абакумов. — Писатели — сортирных стен маратели! Сроду я не слышал, не читал такого писателя, а своих ювелиров держит!

Я усмехнулся:

— Наверное, читали, Виктор Семеныч! Забыли просто. Он ведь, помимо книг, подробные романы пишет нам. Агентурная кличка Барсук...

— Да-а? Черт его знает, всех не упомянешь!.. Так что с ювелиром и с бабой этой?

— А у бабы этой, у Колокольцевой, видать кое-где медом намазано: во всяком случае, Крутованов шесть лет с ней живет, дорогие подарки делает. А она его теплохашка и нежит, любовь у них неземная, и баба эта — жох, потихоньку, молча, с подарками гешефты проворачивает...

— Продаст, что ли?

— Ну да! Продаст! Она ничего не продает — она только покупает! Драгоценности у нее неслучайные...

— Откуда?

— Штука в том, что у нее кроме мужа и Сергея Павловича есть еще один хахаль.

— Вот блядь какая! — рассердился Абакумов. — Сколько же ей садуно надо?

— Нет, Виктор Семеныч, она не от похоти кувыр-

кается — интерес, можно сказать, возвышенный у нее. Любвинок этот — Лившиц, Арош Лившиц...

— Скрипач?

— Да, скрипач. Главный наш скрипач. И мадам крутит им всем трюм рога...

— Ага. Ну и что ювелир-то?..

— Ювелир донес мне на днях, что привезла она камень в оправе — оценить. Невиданной красоты камешек, и размера тоже. Я не поливлялся, подыкал. И — обомлел: этот самый камень я три года назад отдал Крутованову.

— Ошибиться не мог? — быстро спросил Абакумов, и по его прищуренным глазкам, наморщенному лбу было отчетливо видно, как он начинает заплетать будущую гениальную интригу.

— Ошибиться трудно, Виктор Семеныч, там на оправе, в платиновой розочке написано «Rex saksonia».

— Ясно. Давай дальше, — заторопил Абакумов.

— Ну, ювелир ей сказал: камень должен стоить триста пятьдесят — четыреста тысяч. Она подумала, что-то прикинула, посчитала и говорит — к вам, мол, завтра с этим камнем придет человек, вы скажите, что вещь стоит двести пятьдесят тысяч, не меньше.

— Понял, — кивнул Абакумов. — Назавтра муж явился прицениться.

— Не совсем. Назавтра явился Лившиц — ювелир его сразу узнал: личность известная, фотографии во всех газетах... А муж явился еще через день.

— Значит, эта сукара слупила за дарный камень с них обоих? — восхитился министр.

— Выходит...

— А зачем ей такие деньги? — с искренним интересом спросил Абакумов. — Что она с ними делает?

— Оборотный капитал. Другие камни покупает. У нее коллекция буд-буд! Алмазный фонд!

— Ах, друг Сережа мой прекрасный! — тихо стонал от охотничьего восторга Абакумов, ощущавший непередаваемую радость: силком затягивался на шею врага! — И Пашка Мешки-то, тоже орей! Друг ситный, сидит в Киеве, жрет галушки и помалкивает, мне ни гу-гу...

«Линкольн» затормозил плавно у ярко освещенного подъезда цирка, и мы не успели привстать с сидений, а уж комиссар охраны, дымящийся потным паром, маячил снаружи, дожидаясь команды нажимать на ручку, распахивать дверь.

Но Абакумов не торопился в свою ложу, а удобнее усеялся на черном шевроном сиденье, смотрел на меня — сквозь меня, как на снегопад за синеватым бронированным стеклом. Потом отвел взгляд в сторону, сказал грустно:

— И ты тоже помалкиваешь... гамбиты свои разыгрываешь... Почему?!

— Я должен бы собственными глазами на камешек глянуть, — вышутельно сказал я. — Дело-то серьезное, Виктор Семеныч.

— Ну, глянул... и...

— И позавчера к вам записался на прием. А вы только сегодня появились.

— Верно... — задумчиво сказал Абакумов, хлопнул легонько меня по плечу и тихо похвалил: — Молодец, Пашка. Удружил...

И я решил скинуть последнюю карту, козырную шестерочку:

— Если эту Колокольцеву нежно взять за вымячко, само собой, в надлежащей обстановке, мы там и другие интересные вещишки выудим...

— Думаешь?

— Уверен. Он ей конфискованные драгоценности дарил.

— Хорошо, — кивнул министр. — Займись этим немедленно! Аккуратно все обставь, без шума, чтобы Крутованов ни о чем не догадался, пока дело не будет готово.

— Слушаюсь, товарищ генерал-полковник, — кивнул я, глядя, как переминается на морозе комиссар охраны. — Но вы же велели собираться в Ленинград!

Абакумов посмотрел на меня икоса, усмехнулся и отрубил:

— Отставить! Не надо... Досье на пострела нашего мне сейчас важнее. А в Ленинграде авось и без тебя справятся...

Да, в Ленинграде и без меня неплохо справились — всех партийных командиров перебили!

Боже мой, на какой риск я пошел тогда, слав Крутованова министру! Только чтобы не поехать в Питер!

Может быть, именно тогда и родился, проснулся, ожил во мне тайный распорядитель моих поступков, безошибочно дававший мне команды — «можно!», «или — нельзя!».

Ведь, сделав ставку на заговор врачей и отбиваясь изо всех сил от ленинградского дела, не мог я тогда предвидеть, что через несколько лет новые хозяева, прикидывая, как избавиться от Абакумова и при этом не слишком сильно измараться, решили, в конце концов, навесить на него ленинградское дело. И всех причастных казнили.

Господи! Ведь и меня бы замели обязательно! И казнили бы. Меня.

Но странный распорядитель моих поступков приказал мне в абакумовском «линкольне»: «Сдай Крутованова! Риски! Можешь!» Я и сдал его. На коротком министерском проезде от Лубянки до цирка на Цветном бульваре.

И выжил.

© Братья Вайнеры, 1991

Статья Леонида Млечина «Корея. Тайная война» (1990. № 11) привлекла внимание читателей. Одно из пришедших в редакцию писем показало нам любопытным, и мы решили его опубликовать. Автор воспоминаний, Леонид Тимофеевич ВАСИН, рассказывает о своих встречах с Ким Ир Сеном.

На окраине Хабаровска с 1942 года была размещена так называемая интернациональная бригада, состоявшая примерно из 300—350 человек. Командиром бригады был капитан Ким Ир Сен, а комиссаром — майор Ван Сун. Бригада существовала до самого начала вступления нашей страны в войну против Японии.

В августе 1945 года в результате мощных ударов Советских Вооруженных Сил японская Квантунская армия капитулировала. Части 25-й армии под командованием генерала И. М. Чистякова устремились в глубь Кореи, стараясь в кратчайшие сроки выйти к 38-й параллели. Вскоре передовые части армии вошли в Пхеньян. Прибыло и наше отделение специальной пропаганды политотдела 25-й армии. На нас возлагались такие задачи: обеспечение контактов командования Советской Армии с местными властями; ведение пропагандистской работы среди населения; в ряде случаев издание газет, листовок на местном языке; обеспечение переводческой работы в интересах командования; подготовка обзоров газет. В данном случае южнокорейских газет и т.д. После освобождения Кореи многие задачи, возлагаемые на отделение спецпропаганды, вскоре отпали, так как управление всей общественной жизнью взял на себя Временный Народный Комитет Северной Кореи под руководством Ким Ир Сена. Однако наш небольшой аппарат численностью 25—30 человек нужен был как командованию, так и Народному Комитету и лично Ким Ир Селю, Военный Совет армии порекомендовал Ким Ир Селю установить контакт с советскими офицерами.

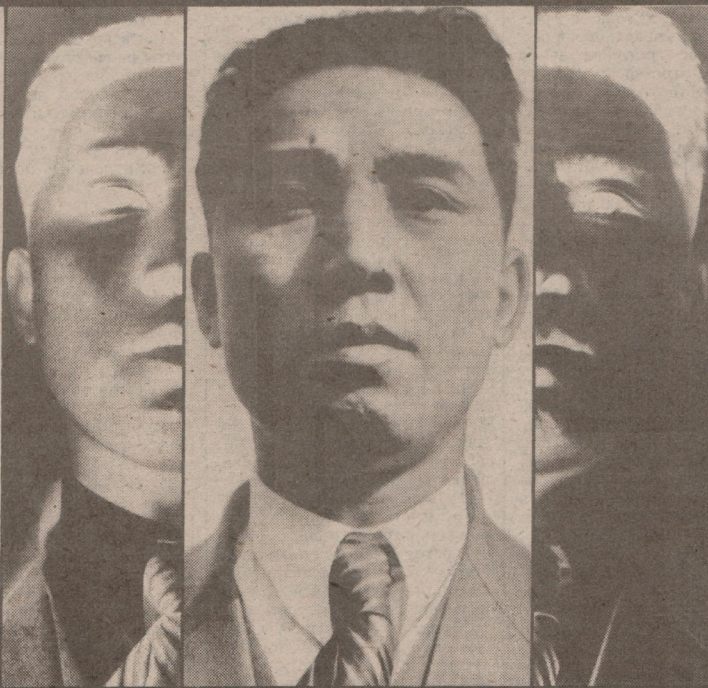
Однажды Ким Ир Сен подъехал к нашему отделению. Мы были предупреждены и встретили его как можно доброжелательнее. Завязался теплый, сердечный разговор. Для нас Ким Ир Сен был дорогим гостем. Стояла невыносимая жара. Он в пропотевшей гимнастерке, на которой орден Красного Знамени. Запыленные сапоги. Видна была усталость. Глаза, не по-точному широкие, раскрытые, были чистыми и искрились. Была заметна внутренняя радость.

Нас удивил его рост. У нас не было человека, равного ему по росту. Мне пришлось стать рядом с ним, и все заметили, что я на 2—3 см ниже. Зашли в помещение, чтобы укрыться от жары. Все было непринужденно, просто.

Здесь же родилась идея срочно подобрать ему костюм. Мне лично пришлось заниматься вопросом переобмундирования Ким Ир Сена. Поэтому я могу сказать, что он вернулся, точнее, явился в Северную Корею в чине капитана Советской Армии с орденом на гимнастерке. По чей-то оплошности он был в форме в течение двух дней. Мне как заместителю начальника отделения было предложено немедленно переодеть Ким Ир Сена в гражданскую одежду. Что и было сделано, но без смешных происшествий.

С помощью нашего офицера корейского происхождения на другой день костюм из черной шерсти был готов, и мы увидели Ким Ир Сена в обычном для нас, а особенно для него, виде. Сейчас трудно сказать — возможно, это были его первый гражданский костюм и первая белая рубашка с галстуком.

В те дни Ким Ир Сен был частым гостем нашего отделения. Работа нам предстояла трудная. Например, надо было помочь Ким Ир Селю подготовиться выступлению на пер-

Эту фотографию Ким Ир Сена автор публикации сделал в августе 1945 г.

ТОВАРИЩ КАПИТАН

вом съезде коммунистов Кореи. Съезд проходил в 1945 году в краснокирпичном здании, которое, как мне известно, сейчас именуется филиалом Музея истории Трудовой партии Кореи.

Как утверждали наши советские офицеры из корейцев, Ким не очень хорошо владел корейским языком. Он лучше знал китайский. Ему трудно было написать текст выступления, созвучного сложившейся обстановке. Мне он признался, что окончил семь классов китайской школы в одном из сел на границе Кореи и Китая.

Самым значительным событием 1945 года был митинг 14 октября в Пхеньяне на стадионе Моранбон. На Юге усилили пропаганду по радио и в печати против намечаемых социально-экономических преобразований в Северной Корее, продолжали сеять вымыслы о Ким Ир Сене и его руководя-

щей группе. Отделение спецпропаганды ежедневно готовило обзоры южнокорейских газет. В этих условиях нужны были меры более крупного масштаба.

С 1 октября радио Пхеньяна несколько раз в день давало объявление о том, что на стадионе Моранбон состоится митинг. И каждый раз в этом объявлении в конце повторялась фраза: «Возможно, на митинге будет присутствовать Ким Ир Сен, вожь нашего народа, герой!»

День был солнечным и теплым. Весь стадион заполнен. На склонах горы Моран, спускающихся к стадиону, на камнях и деревьях размещались люди. Все хотело видеть Ким Ир Сена, встретиться с ним. По нашему общему мнению, на митинге было более 100 тысяч человек.

Во время подготовки к съезду Союза Демократической Молодежи Кореи

мне передали просьбу Ким Ир Сена — оказать помощь инициативной группе молодежи в правильном толковании и понимании устава ВЛКСМ, чтобы отдельные его положения были использованы корейскими товарищами.

С группой молодых людей, с переводчиками нашего отделения мы работали 3—4 дня. Толковали и уясняли отдельные параграфы устава, вводную часть, в которой кратко говорилось о целях и задачах союза, о признании руководящей роли коммунистической партии.

От корейцев был выделен тов. Мун, ранее пришедший в Корею и довольно прилично знавший корейский язык. В основу, как было сказано, взяли устав ВЛКСМ. Мы сидели с Муном две ночи и составили устав. На первом съезде он был принят. На этом же съезде с речью выступил Ким.

Он довольно быстро вошел в роль, каждый день приносил ему все большую славу. С приездом в Северную Корею генерал-полковника Терентия Фомича Штыкова роль нашего отделения, а также офицеров нашей газеты на корейском языке значительно сузилась. Мы работали только по конкретным заданиям генерала.

В течение первых 3—4 месяцев я жил в доме рядом с Кимом, встречи были весьма часты. Этого было достаточно, чтобы хорошо узнать его.

Ким устранил почти всех, кто был раньше направлен в Корею по линии Профинтерна и Коминтерна. Я хорошо помню энергичную Вери Цой, которая была вице-председателем международной организации женщин.

По просьбе ТПК, через Квон Хи Гена, я в 1985 году написал свои воспоминания для института истории ТПК, но они, видимо, не устроили историков.

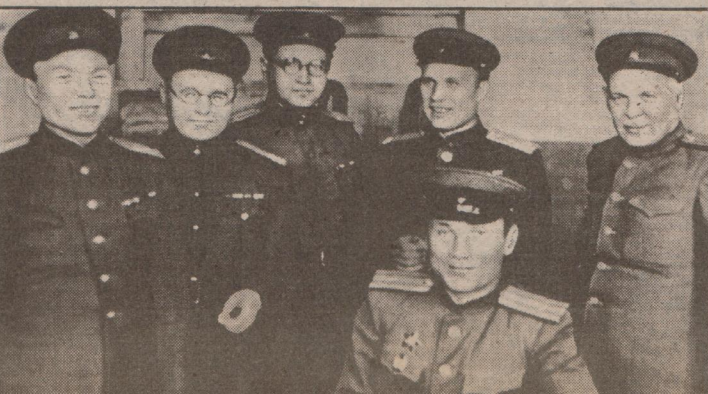
В 1984 году в газетах «Сельская жизнь» и «Красная звезда» были помещены мои очерки «Во имя дружбы двух народов» — о поступке младшего лейтенанта Новиченко Якова Тихоновича, который 1 марта 1946 года на митинге в Пхеньяне во время покушения на Ким Ир Сена попытался сбросить с трибуны еще дымящуюся гранату. Сделал он это неудачно, была оторвана правая кисть руки. Но митинг прошел успешно.

Во время известного турне Ким Ир Сена по СССР и странам социализма возникла договоренность Ким Ир Сена (именно по его инициативе) с тов. Черненко о создании двухсерийного художественного фильма, рассказывающего о подвиге Новиченко. Колесо завертелось. Первая серия готовилась нами (режиссер Эльдар Уразбаев), а вторая должна была быть снята корейскими режиссерами. В своем письме в ЦК КПСС (т. Шаурю) я выразил сомнения в том, что фильм будет создан в реалистическом тоне. И получил ответ, смысл которого — «не ваше дело».

Свои опасения о судьбе фильма я высказал и режиссеру Уразбаеву. Спецнарий утверждал, сказал он, будем работать. Но фильма не получилось. Войска Ким Ир Сена «троять» японские части, они штурмуют порт. Ким Ир Сен впереди, поднимает своих воинов в атаку. Части Квантунской армии разгромлены. Ким Ир Сен входит в Пхеньян. Вот так освещены события. А съемки Уразбаева оказались за экраном.

На самом же деле Ким Ир Сен и члены его бригады — примерно 60—70 человек — прибыли пассажирским поездом в Пхеньян, так ни разу и не выстрелив. Наша группа офицеров 7-го отделения и офицеров — сотрудников редакции газеты на корейском языке прибыла раньше, а Ким чуть позже. В ЦК КПСС посмотрели фильм и не пустили на экраны.

«Вы смотрите, чтобы портрет Ким Ир Сена на митингах был рядом с портретом Сталина». Мы это делали. Потом корейцы сами поставили Кима между Лениным и Сталиным. И уже позже, когда он стал великим теоретиком, философом, полководцем и пр., его стали ставить сразу после Маркса. А уж за ним шел Ленин.

Л. Васин с группой советских офицеров в редакции «Нодон Сисмун». 1945 г.

Иван Грозный, Борис Годунов и Сергей Есенин... У каждого из них — трагическая жизнь, загадочная смерть. И до сих пор не прекращаются споры о том, отчего умерли эти великие люди.

Мы предлагаем вашему вниманию необычную публикацию. Авторы ее — специалисты в области судебной медицины: А. В. МАСЛОВ, кандидат медицинских наук, старший преподаватель судебной медицины Московской медицинской академии, и И. Е. ПАНОВ, кандидат медицинских наук, заместитель директора НИИ судебной медицины Минздрава СССР. Они высказывают версии, которые, мы надеемся, покажутся интересными широкой публике.

Иван Грозный
(реконструкция
М. М. Герасимова)

ИВАН ГРОЗНЫЙ

В последние годы жизни Иван Грозный часто болел, в нем появились признаки дряхлости. Смерть старшего сына Ивана, которого он пережил на два года, надломляла царя. Н. Н. Карамзин отмечал: «Он был велик ростом, строен, имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус... В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его; на лице изображалась мрачная свирепость, все черты исказились, взор угас, на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса». У царя участились припадки, во время которых он «приходил как бы в безумие»: катался по полу, кусал ковры, тело изгибалось дугой, на губах появлялась пена. Внезапные вспышки ярости, невероятная подозрительность Грозного, возможно, были связаны с заболеванием нервной системы. Здоровье царя резко ухудшилось в конце февраля 1584 года. По свидетельству современников, тело больного страшно распухло, он передвигался с трудом. В день смерти, 18 марта 1584 года, Иван велел принести и прочесть ему завещание, затем долго, около трех часов, мылся в бане, после чего ему приготовили доску с шахматами. Царь сам расставлял фигуры, хотел играть с боярином Бельским, но вдруг упал. Врачи терли его «крепительными» жидкостями, но 50-летнее царствование Ивана IV Грозного кончилось. В народе ходили темные слухи, будто царя отравили ближние люди — Бельский и Годунов, подкупив английского врача, лечившего Ивана.

На престол вступил младший сын Ивана Васильевича — Федор. В конце 1597 года он тяжело заболел, 6 января впал в бессознательное состояние и на следующее утро «испустил дух, без судорог и трепета, как бы заснув тихо и сладко... Тело Федорова вложили в раку... Вечеру отнесли гроб в церковь Михаила Архангела. 8 января совершилось погребение... отперли могилу для гроба Федорова подле Иоанова», — читаем в «Предании веков» Н. Н. Карамзина. И там же: «Нет, не верим преданию ужасному, что Годунов будто бы ускорил сей час отравкою».

В набросках к работе «Врачебное дело в России» (1884—1885 гг.) А. П. Чехов задает вопрос: «Отчего умер князь Скопин-Шуйский?» В 1608 году после успешного наступления на Москву армия лже-Дмитрия II разбила лагерь в селе Тушино. Более полутора лет страна имела две столицы: в Москве сидел царь Василий

Шуйский, в Тушине — самозванец, «тушинский вор» лже-Дмитрий. Пользовавшийся большой популярностью князь, боярин Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, сумевший к тому времени подавить восстание талантливого И. И. Болотникова, отбросил войска Яна Сапег из-под Троицы и в марте 1610 года торжественно вступил в Москву. «Воровская столица» прекратила свое существование. Скопин-Шуйский готовился выступить со своими груп-

пами на выручку осажденного Смоленска. Однако в разгар подготовки к походу князь внезапно умирает. В это время ему было 23 года. Опять поползли слухи... В 60-х годах XX уже столетия в Архангельском соборе Московского Кремля собралась группа людей... Специальная комиссия Министерства культуры СССР, в состав которой входили и судебные медики, для проведения антропологических, химико-токсикологических и исторических исследований произвела вскрытие гробницы царя Ивана IV Грозного, царевича Ивана и царя Федора, а также гробницу князя Скопина-Шуйского. В саркофагах царской семьи находились стеклянные сосуды с желтоватобурой густой жидкостью и осадком на дне, по-видимому мир. Жидкость состояла из воды с соединениями кальция, ртути, магния и меди.

Во всех саркофагах обнаружили много черно-бурого порошкообразного тлена — гумуса, состоявшего из полустлепавших мелких частиц ткани одежды и мягких тканей трупов. Конечно, негерметичность саркофагов, установленных в нишах пола, колебания температуры, проникновение грунтовых вод способствовали развитию гнилостных процессов, что привело не только к образованию тлена, но и к частичному естественному разрушению костей скелета.

Для установления возможного отравления необходимо было провести химико-токсикологическое исследование, однако за столь длительный срок (около 400 лет) многие яды могли исчезнуть или измениться, не исключалась возможность образования при гниении тканей новых химических соединений. В связи с этим химическое исследование останков производили на ограниченные груп-

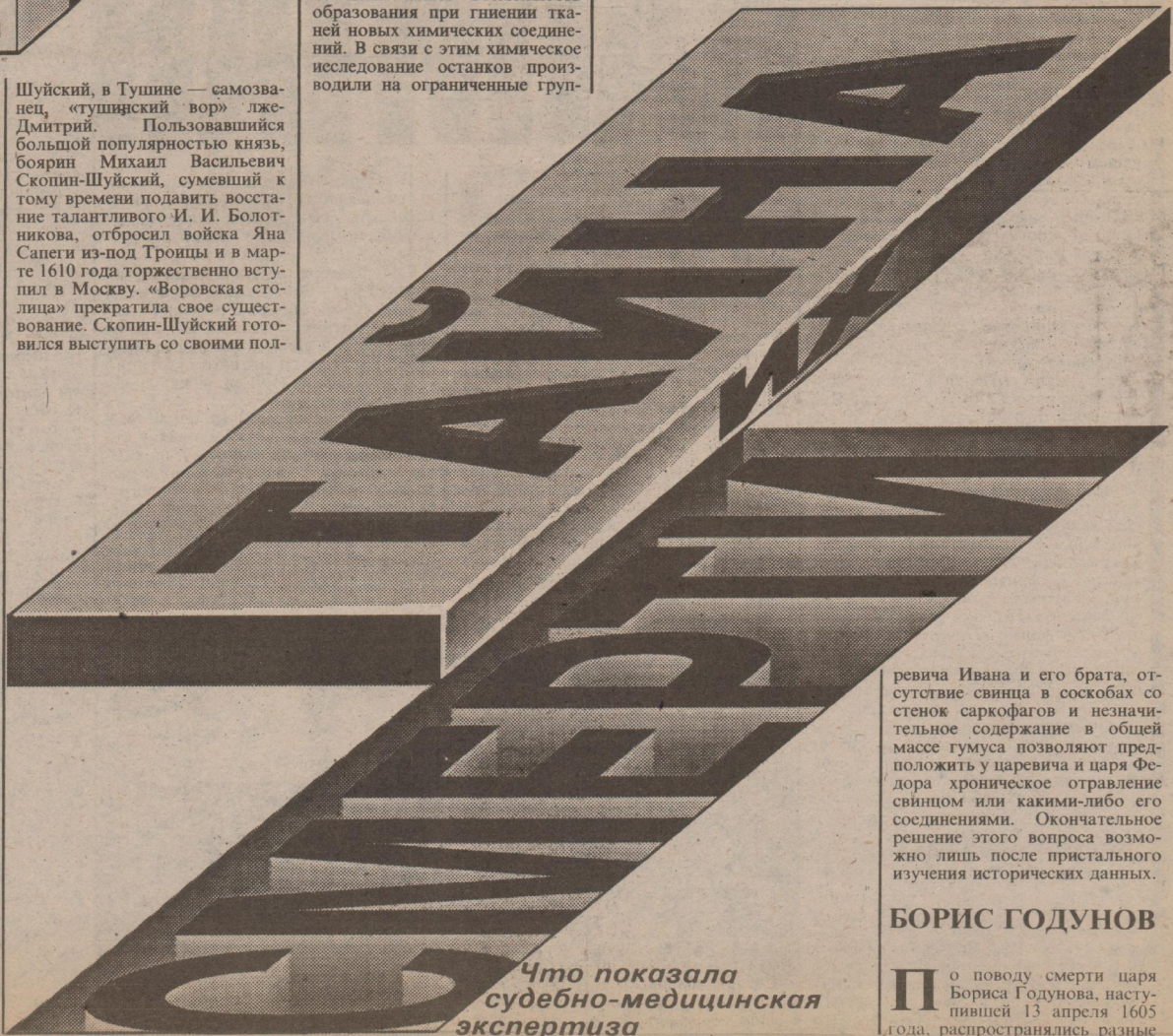
пы соединений, главным образом на так называемые «металлические» яды.

При вскрытии гробниц были взяты на спектральное исследование пробы черно-бурой массы (гумуса), волос, ногтей, высохшие кусочки мягких тканей трупов, небольшие, длиной 3—4 см, весом 5—10 г, обломки ребер, отдельные обрывки тканей одежды, соскобы со стенок гробниц.

Спектральное исследование показало, что в соскобах со стенок гробниц содержится ничтожное количество цинка, меди, серебра, свинца. В одежде Ивана IV содержались лишь те элементы, которые обычно находят в хлопчатобумажной ткани. В остальных исследуемых объектах были обнаружены мышьяк, ртуть, медь. Высокое количество серебра и меди, накопившихся преимущественно в наружных слоях ребер, отсутствие этих элементов в соскобах со стенок гробниц объясняется, по мнению исследователей, использованием этих веществ для отделки погребальной одежды. Но в останках Ивана Грозного и царевича Ивана было обнаружено в несколько раз больше ртути, чем в объектах из саркофагов Федора и Скопина-Шуйского! Повышенное содержание ртути в останках царя Ивана Грозного и царевича Ивана связано, по-видимому, с применением в лечебных целях ртутьсодержащих препаратов. Дело в том, что грозный царь и царевич Иван были больны венерическими заболеваниями, единственным «эффективным» методом лечения которых являлось втирание ртутной мази, прием сулемы, каломели. Поэтому в останках

царя Федора, князя Скопина-Шуйского, избежавших подобного лечения, количество ртути было в несколько раз меньше. Длительное лечение, передозировка препаратов приводят к хроническому отравлению ртутью. Нарастают повышенная возбудимость, бессонница, раздражительность, депрессия или буйство, снижение работоспособности, частые головные боли, появляется дрожание рук, возникают зрительные и слуховые галлюцинации. Некоторое облегчение приносят горячие ванны. Вспомним, что в день смерти царь Иван три часа парился в бане.

При исследовании останков всех захоронений был обнаружен свинец. Случаи отравления свинцом — сильнейшим токсическим ядом и его соединениями известны судебным медицинским экспертам. Но если количество свинца, обнаруженное в костной ткани Ивана IV и князя Скопина-Шуйского, может быть объяснено лишь возрастным накоплением, то это исключается при анализе данных, полученных при исследовании ребер сыновей царя — Ивана и Федора. Значительное количество свинца было обнаружено во всей толще компактного и губчатого слоев реберной ткани. Учеными-медиками определено количество свинца в «норме» и в случаях острых и хронических отравлений, распределение свинца в органах и тканях, установлены возрастные и производственные накопления свинца. Даже предварительная полуколичественная оценка наличия свинца в различных слоях исследованных из захоронений ребер, молодой возраст ца-

ревича Ивана и его брата, отсутствие свинца в соскобах со стенок саркофагов и незначительное содержание в общей массе гумуса позволяют предположить у царевича и царя Федора хроническое отравление свинцом или какими-либо его соединениями. Окончательное решение этого вопроса возможно лишь после пристального изучения исторических данных.

БОРИС ГОДУНОВ

По поводу смерти царя Бориса Годунова, наступившей 13 апреля 1605 года, распространялись разные

Борис Годунов

слухи. По одной версии, Годунов будто бы принял яд, сознавая безвыходность своего положения, по другой — Бориса отравили. Еще версия — царь упал с трона во время посольского приема... Масса и Германн записали в то время: «... повсюду узнали о смерти Бориса. Доктора, бывшие наверху, тотчас узнали, что он умер от яду. Они сказали об этом одной цариче и более никому». Еще одна историко-медицинская загадка? Попытаемся кратко рассмотреть с точки зрения судебной медицины дошедшие до нас сведения. Современники сообщали, что негду едва не свел в могилу Годунова еще в 1600 году. После болезни он ходил с трудом, подвивая ногу. Это могло быть следствием перенесенного Годуновым кровоизлияния в мозг. В Полном собрании русских ведомостей смерть царя Бориса описана следующим образом: «Царю Борису, вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь лютая, и едва успе поновиться и постричи, и два часа в той же болезни и скончашся». Члены английского посольства описали последние часы Годунова со слов лечащих царя врачей. Через два часа после обеда, а царь любил плотно покушать, Годунов почувствовал тошноту, головокружение, велел вызвать врачей. У Бориса отнялся язык, монахи едва успели «запасными дарами причастити» умирающего. Головокружение, тошнота, потеря сознания, речи — все это признаки кровоизлияния в мозг, тем более что раньше Борис, как мы упоминали, уже перенес инсульт. Близкий к царскому двору прощипательный Я. Маржарет писал, что смерть Годунова наступила от «апоплектического удара». Следовательно, смерть царя Бориса Годунова наступила от заболевания и не является насильственной. Попутно заметим, что, по нашему мнению, при оценке известных исторических личностей необходимо не только чисто литературные или психологические портреты. Интересный материал в понимании их деятельности может дать медицинский анализ, ведь все они болеют, особенно на закате жизни, и заболевания могут наложить определенный отпечаток на их поступки.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

В последнее время в печати появилось достаточно много версий о причине смерти С. А. Есенина. Все они сводятся в основном к тому, что поэт не окончил жизнь самоубийством, а его убили. Огромное значение придется анализ Акта судебно-медицин-

ского исследования тела поэта, протоколу осмотра места происшествия, изучению посмертных фотографий, масок лица поэта. Названные материалы хранятся в отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ, фонд 32, С. А. Есенин, опись 2 (№ 39—47). Признавая безусловное право на журналистское, поэтическое и прочие расследования, попытаемся кратко проанализировать с судебно-медицинской точки зрения доводы сторонников версии убийства поэта. Известно, что судебно-медицинские эксперты не вправе решать вопрос о роде смерти, то есть имело ли место убийство, самоубийство или несчастный случай. В первую очередь судебный медик обязан установить причину смерти, является ли смерть насильственной или ненасильственной.

Сохраняя орфографию, приведем Акт, составленный 28 декабря 1925 года участковым надзирателем 2-го отделения ЛГМ М. Н. Горбовым: «...обнаружен висшим на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде, шея была затянута не мертвой петлей, а только правой стороной шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватил за трубу, труп висел под самым потолком и ноги были около 1 1/2 метров, около места, где обнаружен труп... лежала опрокинутая тумба, и канделябр, стоящий на ней, лежал на полу. При снятии трупа с веревки и при осмотре его было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез, на левой руке на кисти паранины, под левым глазом синяк. Одет в серые брюки, ночную белую рубашку, черные носки и черные лакированные туфли. По предельным документам повешенный оказался Есенин Сергей Александрович, писатель».

Один из сторонников версии убийства поэта ставит вопрос о проведении следственного эксперимента. Что же его смущает? «Рост Сергея Есенина примерно 168 см, значит, подняв руку, он не мог превысить двух метров. Предположим, поэт встал на тумбу, максимальная высота которой 1,5 метра. Итого — 3,5 метра. Высота же потолков в «Англетере» была 5 метров. Для того чтобы затянуть петлю на трубе парового отопления «под самым потолком», Есенину нужно было совершить с места прыжок на 1,5 метра в высоту и мгновенно обернуть ремень от чехомана вокруг тумбы так, чтобы не сорваться. Возможно ли это? Думаю, нет». «Мог ли он, будучи среднего роста, дотянуться до трубы, к которой якобы была привязана веревка?» — сомневается в свою очередь другой автор. Но судебные медики хо-

рошо знают, что между общей длиной тела и длиной отдельных костей имеются довольно точные соотношения. Так, длина руки при росте 168 см составляет 60—70 см, а не 32 см. На какой же высоте С. А. Есенин мог привязать петлю? С учетом длины тела и длины руки петля могла быть привязана на высоте около четырех метров, что не противоречит записи в Акте: «...под самым потолком». Кстати, труба парового отопления в номере гостиницы проходила вертикально, а не горизонтально, так что не было никакой необходимости «совершать с места прыжок на 1,5 метра в высоту».

Исследование тела С. А. Есенина было произведено 29 декабря 1925 года в покойничкой Обуховской больницы выпускником Военно-медицинской академии судебно-медицинским экспертом А. Г. Гиляревским. Акт вскрытия выполнен от руки, нижний левый угол его оторван, разорванные обрывки текста хранятся в отдельном конверте. В Акте исследование трупа записано, что на шее поэта имелась косо восходящая снизу вверх справа налево незамкнутая странгуляционная борозда. Подобная борозда характерна для затягивания петли под тяжестью тела, то есть при повешении. Подтверждает это также и неравномерность глубины борозды в различных частях, что и отмечено в Акте. Сторонники версии убийства поэта считают, что если «нет «мертвой» петли вокруг шеи, то человек не может умереть. Тем более что хрипы гортани у Есе-

тор этой версии трактует как «следы избиения» точечные субплевральные кровоизлияния — пятна Тардье, описанные в конце XIX века, которые часто встречаются при смерти от механической асфиксии. «Очертания «неточность»?»

Далее: «Есенин не сделал петлю, он заматал себе шею веревкой так же, как заматывали ее шарфом. Он мог выпрыгнуть в любую минуту». Так ли это? Может ли человек «выпрыгнуть из петли»?

Два профессора судебной медицины — Миновичи в Румынии и Флейхман в Германии проводили, как это часто случается в медицине, эксперименты на себе. Профессора вызвали у себя явления асфиксии, сдавливая шею мягкой веревкой, перекинутой через блок. Ассистенты-врачи через заранее обусловленное время извлекали их из петли. Так Миновичи довели продолжительность пребывания в петле до 26 секунд. Ощущения исследователей почти полностью совпадали. Миновичи записывали: «Как только ноги оторвались от опоры, веки мои судорожно сжались. Дыхательные пути были перекрыты настолько плотно, что я не мог сделать ни вдоха, ни выдоха. В ушах раздался какой-то свист, я уже не слышал голоса ассистентов, натягивающего шнур и отсчитывающего по секундам время. В конце концов боль и недостаток воздуха заставили меня остановить опыт. Когда эксперимент был закончен и я спустился вниз, из глаз моих брызнули слезы». Оба исследователя подчеркивали, что сразу же по-

слежная борозда, длиной около 4 см, и шириной 1,5 см. А под левым глазом — небольшая поверхностная ссадина... в нижней трети правого плеча имеется кожная рана с ровными краями длиной 4 см, в нижней трети левого предплечья имеется одна рана, идущая в горизонтальном направлении, эти раны длиной около 3-х см, каждая... Других следов повреждений не обнаружено».

Вот как трансформировались эти наблюдения эксперта в последующих публикациях исследователей: «...фотографий много, и на всех зияет абсолютно круглая дыра под правой бровью, как продолжение борозды, которая, согласно Акту судебно-медицинской экспертизы, произошла от «давления при повешении». Поскольку след от удара или от пули почти сливается с бороздой, на него не обращали внимания в течение 60 лет... посмертная маска Есенина ужасает всех, кто ее видел. Не «давильная борозда», а глубочайшая рана на лбу, никак не отмеченная в Акте участкового надзирателя и небрежно зафиксированная в Акте судебно-медицинской экспертизы...». Таким образом, появляется еще одна причина смерти — огнестрельное ранение головы. Надо полагать, слепое, так как выходящее отверстие не описано. Но тогда должна быть пуля в веществе головного мозга. Однако такие «мелочи» не смущают автора версии.

Авторы ряда публикаций упрекают доктора Гиляревского в том, что он пошел якобы на поводу официальной версии

Сергей Есенин. Фотография сделана после трагической гибели поэта

нина были целью». В настоящее время судебно-медицинские эксперты избегают понятия «мертвая» петля. Известны случаи «повешения» без петли, например в развилке дерева, сидя на стуле, когда шея располагается на его спинке. Для наступления смерти от асфиксии достаточно веса головы. Далеко не в каждом случае отмечается и повреждение хрящей гортани. Также несостоятельно утверждение и о том, что «повеситься на ремнях крайне трудно, если совсем невозможно». Кстати, почему утверждается, что петля была изготовлена из ремня? В Акте осмотра места происшествия речь шла о веревке. Видимо, подобные «мелочи» авторами публикаций не брались в расчет.

Еще один довод: «Есенин сначала был крепко избит, об этом же свидетельствуют «кровоподтеки на легочной плевре». Вернемся к Акту исследования тела поэта: «Сердце... на наружной оболочке сзади — значительное количество точечных кровоподтеков... на легочной плевре значительное количество точечных кровоподтеков». Точечных крово-

является желание сбросить петлю, они сознавали, что следует прекратить рискованный опыт, но «не могли пошевелить даже пальцем». Проведенные исследования, судебно-медицинская практика, по существу, исключают возможность самоспасения. «Выпрыгнуть в любую минуту» из петли нельзя.

Какова же, по мнению некоторых исследователей, причина смерти поэта? «Он был удушен, скорее всего, подушкой». Читая Акт медицинской экспертизы: «...смерть, судя по патологическим характеристикам трупа, произошла от удушения, но не от повешения». Все-таки профессиональный разговор следует вести на профессиональном уровне. Неясно, какое понятие вкладывает частный исследователь в определение «удушения»? Ведь такое понятие просто-напросто нет в классификации механических асфиксий.

Сторонники версии убийства поэта смущают повреждение, обнаруженные при исследовании тела С. А. Есенина. Что же было записано экспертом Гиляревским? «...На средине лба, над переносьем, вда-

самоубийства поэта: «Небрежно проведенная экспертиза на следующий день после сообщения в газетах о самоубийстве (что, по сути дела, навязало экспертам эту версию)». Данное утверждение методологически не верно. Судебно-медицинские эксперты не решают вопрос о роде смерти — убийство это, самоубийство или же несчастный случай. В заключении Акта судебно-медицинский эксперт Гиляревский, не выходя за пределы своей компетенции, однозначно и вполне обоснованно пишет: «На основании данных вскрытия следует заключить, что смерть Есенина последовала от асфиксии, произошедшей сдавлением дыхательных путей через повешение». Анализ Акта позволяет считать, что смерть поэта С. А. Есенина наступила от асфиксии, развивавшейся в результате сдавления шеи петлей — повешения. Таковы реалии смерти великого национального поэта России.

Оказывается, превращения, подобные тому, что произошло в «Собаком сердце» Михаила Булгакова, вовсе не фантастика. Об этом свидетельствует папка с уникальными документами, найденная недавно в одном из московских архивов. Речь идет о проекте «скрещивания человека и обезьяны».

ПАПКА И...

Григорий ФАЙМАН

Восемнадцатого сентября 1924 года из Берлина в Москву было отправлено письмо...

Оно было напечатано на бланке Комиссии по заграничным закупкам Наркомпроса РСФСР и адресовано наркому по просвещению Луначарскому А. В.

«При сем представляю Вам на рассмотрение докладную записку проф. И. И. Иванова, поданную им мне с <его> ч <исл>».

Из очень подробного ознакомления с вопросом, выдвигаемым проф. И. И. Ивановым, я вынес заключение о большой степени важности этого начинания для нас. Пастеровский институт одним из первых ответил согласием проф. И. И. Иванову, и может случиться, что столь ценное для нас в идеологическом отношении начинание найдет для своего развития почву не в пределах СССР. Командировка или экспедиция проф. Иванова в Африку для производства реально задуманного опыта должна добыть ценные данные, которые смогут быть использованы в борьбе против идеализма и витализма и обогатят содержание естественных наук материализма».

Из докладной записки профессора И. И. Иванова народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому:

«Путем этого метода число самок, оплодотворяемых одним самцом, увеличивается в среднем в 10—15 раз; повышается % успешных оплодотворений; нередко устраняется упорное бесплодие; получается возможность осуществления такого рода скрещивания, которые в естественных условиях или весьма затруднительны, или даже невозможны (слишком большая разница в росте, весе и т. п.).»

С первых шагов своей научной деятельности я пытался осуществить постановку опытов скрещивания человека и антропоидных обезьян путем искусственного оплодотворения. В свое время я вел переговоры на эту тему с бывшим владельцем знаменитого зоопарка Аскания-Нова Ф. Э. Фальц-Фейном, а также с бывшим почетным членом Института экспериментальной медицины, где я работал в то время, — А. П. Олденбургским. Оба они живо интересовались моими работами и, обладая большим состоянием, могли создать условия, необходимые для такого рода экспериментальной работы. Страх перед Святейшим синодом оказался, однако, сильнее желания пойти навстречу этому начинанию. В то время действительно можно было жестоко полагаться за дерзость сомнения в божественном происхождении человека.

Только во Франции, где Пастеровским институтом в то время была приступлено к постройке специальной станции в Африке для разведения антропоидов в целях использования их для соответствующих медицинских опытов, я не только нашел живой интерес к моему плану работ, но и получила категорическое обещание, как только организационные работы на станции будут более или менее закончены, предоставить мне под опыты имеющихся на станции самок для этой цели антропоидов, а также необходимые лабораторные и жилые помещения.

На основании всего изложенного выше пишу:

1. Признать экспериментальную работу, предложенную профессором И. И. Ивановым по вопросу о гибридных (скрещивании) путем искусственного

оплодотворения человекообразных обезьян между собой, с одной стороны, и человеком — с другой, имеющей весьма крупное научное значение.

2. Отпустить на вышеуказанную работу 15 000 долларов...

Профессор Иванов
Берлин
17/IX 1924 г.»

Из объяснительной записки к смете расходов, необходимых для постановки экспериментальной работы профессора И. И. Иванова с антропоидами в Киндии (Французская Гвинея).

«Работу предполагалось вести в двух направлениях:

- 1) получение гибридов между различными видами антропоидов;
- 2) получение гибридов между человеком и представителями различных видов антропоидов.

Так как на станции в Киндии имеются только шимпанзе, то необходимо приобрести не менее 10 экземпляров половозрелых самцов и самок горилла, гиббонов, орангутангов.

Специальное оборудование необходимо, так как непрерывным условием опытов должны быть строгая изоляция опытных животных и гарантия безопасности работы с ними, что может быть достигнуто устройством специальных оград, станков, камер, где антропоиды будут усыпляться и т. п.»

Из протокола № 53 заседания Президиума Государственного ученого совета от 24 декабря 1924 года:

«Пункт 4. Слушали: «Докладная записка профессора Иванова об искусственном скрещивании человека с обезьяной» (Докладчик О. Ю. Шмидт)».

Постановили: «Поручить научно-технической секции ГУСа для проработки данного вопроса образовательную комиссию из биологов и врачей».

«В Комиссию по заграничным закупкам Наркомпроса тов. Новикову
На номер 301 от 18 сентября 1924 г.»

Народный комиссар по просвещению, ознакомившись с Вашим письмом относительно докладной записки профессора И. И. Иванова об опытах скрещивания человека с человекообразными обезьянами и самым докладом профессора Иванова, признавая за предложением И. И. Иванова исключительно большой интерес, находит целесообразным воздержаться в данный момент от постановки предложенных профессором И. И. Ивановым в большом масштабе и решающих по своему значению опытов ввиду их несомненной большой продолжительности и связанных с постановкой их в полном объеме значительных расходов.

Однако Наркомпрос считает необходимым провести в возможно полном объеме ряд подготовительных работ в виде опытов над животными в целях освещения недостаточного ясного в науке вопроса о границах возможности межвидового и межродового скрещивания, что, вероятно, удастся осуществить лишь в будущем бюджетном году.

Замнаркомпрос
Секретарь Коллегии НКП
5/III 1925 г.»

От редакции:
Круг замкнулся — деньги выделены не были, опыты по скрещиванию человека и обезьяны «в интересах СССР» не состоялись.

Но профессор Иванов не сдался. Его ждала Африка, где эту идею все-таки попытались реализовать французы. Однако это уже другая тема...

ОТКРЫВАЯ
АРХИВЫ

Татьяна ПАВЛОВА

Русская история изобилует самозванцами. Их появление совпадает с периодами смут, тяжких и кровавых событий. Судьба их зачастую трагична, но наиболее известные самозванцы вошли в историю России как исторические личности и заняли в ней свое самостоятельное место.

Гибель царской семьи в июле 1918 года на Урале долгое время была окутана завесой тайны. Официальное сообщение о конце Николая II не содержало сведений о судьбе его семьи. Поэтому неслучайно слухи о спасении членов семьи Романовых долго еще распространялись как в России, преимущественно в Сибири, так и среди эмигрантов, будучи в сердцах монархических мечтаний. Наиболее известна история Лже-Анастасии, судьба которой многие годы привлекала к себе внимание исследователей, писателей и кинематографистов. Самозванец, выдававший себя за «цесаревича Алексея Романова», объявился осенью 1919 года в Кош-Агаче (близ Бийска). Под этим именем скрывался почтовый чиновник А. Пуцато. Разоблачением самозванца занялась контрразведка Колчака. Характерна резолюция министра внутренних дел правительства Колчака В. Пеняева на телеграмме о самозванце: «Начинается! Не выяснить, кто этот несчастный и кто вокруг него». Однако одним лженаследником дело не кончилось.

Лже-Алексей из Багдада. История его появления и разоблачения неизвестна советским читателям, хотя эмигрантская пресса в 30-х годах посвятила этой сенсации немало страниц.

Десятого декабря 1929 года в Багдад иракской полицией был доставлен молодой человек, который при аресте во время перехода границы назвал себя сыном покойного императора Николая II. Версия, которую выдвигал самозванец, изобиловала фантастическими деталями. Своё чудесное спасение он объяснял тем, что с помощью неизвестного доктора и князя Сергея Юсупова (?) ему удалось в крестьянской одежде бежать из Ипатьевского дома в Екатеринбурге за несколько дней до расстрела царской семьи. После побега он потерял из вида своих спасителей и некоторое время жил в семье крестьянина В. А. Щетинина под Екатеринбургом. Перед своей смертью Щетинин передал заботы о юноше купцу И. Н. Башаркину, проживавшему в Екатеринбурге. В марте 1929 года по доносу жены купца «Алексея» был арестован и заключен сначала в Екатеринбургскую, а позднее в Иркутскую тюрьмы, где и находился до июля 1929 года. Так как он с детства страдал гемофилией и имел незаживающую рану под левым коленом, то в связи с осложнением болезни попал в тюремный госпиталь, откуда и бежал 16 июля 1929 года. Из Иркутска он добрался до Новгорода, оттуда позднее под именем Александра Мординова побрелся в Тавриз. Здесь он ненадолго обосновался, а затем в компании с другими лицами перешел границу в районе Сулеймани. Его сопровождающий был убит при переходе границы. После ряда злоключений он добрался

до Багдада и поселился в доме старшего русского офицера местной колонии.

По другой версии, опубликованной в английской багдадской газете «Таймс» 21 декабря 1929 года, было отмечено, что лицо, выдававшее себя за Алексея Николаевича Романова, было доставлено в Багдад иракской полицией из Туркестана с группой лиц различной национальности, арестованных при переходе иракской границы. В Багдаде его неделю допрашивали представители английских властей, был также произведен осмотр английскими врачами. Протокол медицинского осмотра был отправлен в Лондон.

Реакция на появление «багдадского самозванца» была различной, мнение русской колонии разделилось, многим хотелось верить в невозможное. Айсоры (ассирийцы), которых в Багдаде было свыше 10 тысяч, весьма расположенные к России, сразу же уверовали в чудесное спасение наследника русского престола. Это обстоятельство приходилось учитывать тем, кто был занят установлением личности. Трудности обращения с Лже-Алексеем до выяснения его личности заключались в том, что англичане во главе с руководителем английской полиции Вилькенсом не сомневались в его подлинности. Дело о «спасенном» Алексее Николаевиче через верховного комиссара Ирака Хай-Комшира было направлено в Лондон для доклада английскому королю. Находившийся в кратковременной поездке в Ираке бельгийский король также был осведомлен о чудесном спасении наследника русского престола и лично им интересовался.

Внешность самозванца описывалась в документах и газетных публикациях следующим образом: «Рост — 5 футов 3 д., худощав, по виду от 23 до 26 лет. Волосы темные, мягкие, с пробором с левой стороны. Глаза — темнокоричневые. Манеры изысканные, спокойный вид».

Английский врач обнаружил при осмотре под левым коленом плохо заживший шрам размером 1 на 1/2 дюйма, кровь сворачивается за 18 минут (в то время как у здорового человека за 10—12 минут). Цвет глаз коричневый, но виден голубой ободок.

Сравнение внешности самозванца с имеющимися в распоряжении экспертов фотографиями наследника позволило отметить определенное сходство, особенно в верхней половине лица.

После завершения допроса и медицинского осмотра молодой человек был передан английскими властями на поруки председателю Русского дома в Багдаде В. Фенину, который продолжал исполнять наблюдение за его поведением, изучал его внешность и привычки. Он обратил внимание, что у испытуемого склад тела — коренастый, широкий — не соответствует конституции тела наследника. Молодой человек обладал крепким здоровьем, что абсолютно не вязалось с версией о длительном пребывании в тюрьме. Кроме того, было известно, что наследник в свои 14 лет свободно владел английским языком, прекрасно говорил по-французски. На это обратили особое внимание. С выводами старались не торопиться, так как требовалось тщательное продолжительное наблюдение и изучение: не исключалась возможность нервного шока, временного помешательства с потерей памяти после перенесенных волнений и приключений. Наблюдатели сделали попытку обучать юношу в местной религиозной школе, занимались с ним изучением языков и наконец вполне твердо удостоверились, что лицо, выдающее себя за наследника, не забыло языки, но никогда «не имело с ними никакого соприкосновения». Заявление о том, что, будучи в Иркутской тюрьме, он от нервного потрясения заболел «умственным расстройством, после чего пролежал в тюремной больнице свыше 9 месяцев», никак не могло объяснить полную утрату знания иностранных языков. К тому же выяснилось, что и русским испытуемый владеет слабо, не в состоянии составить сколько-нибудь связное письмо, не знает правил арифметики и что особо удивило, проявляет неосведо-

ЛЖЕЦАРЕВИЧ

Шифрованная запись, сделанная рукой самозванца

74.48.78

ИЗ БАГДАДА

Милостию Вашей
Государь
Кирилл Владимирович
Простите
Кой-что
Я пишу Василью
10-е письмо. Тут
издается. Туда
Ваша дочь. К
Вашей. Василью
Маме. Василью
подружке
Рядом. Василью
и в авто. Василью
на. Василью

Черновик письма лжецаревича великому князю Кириллу Владимировичу

мленность в религиозных вопросах, незнание даже наиболее распространенных молитв.

Выяснить, добровольно он взял на себя роль наследника или под влиянием внушения, не удалось. В показаниях лже-Алексея противоречий обнаружено не было. Расположение комнат в Ипатьевском доме показал правильно. Оpozнал на фотокарточках всех членов царской семьи, за исключением сестры наследника Алексея великой княжны Марии Николаевны. Не помнил он также матроса Деревенко и Нагорного, тех, кто непосредственно ухаживал за наследником и был с ним неотлучно. Как известно, Нагорный был отстранен от царской семьи уже в Екатеринбурге. Рассказывал некоторые эпизоды из своей детской жизни: их мог бы опровергнуть или подтвердить лишь Жильяр, встречи с которым он очень добивался.

Самозванец по своей инициативе собственноручно написал письма великой княгине Ксении Александровне и великому князю Кириллу Владимировичу. Черновик одного из этих писем имеется в нашем распоряжении. Это письмо

малограмотного человека, незнакомого с правилами грамматики и не имеющего представления о формуле обращения лица царской фамилии к своему именитому родственнику.

Результаты наблюдений за мнимым Алексеем были доложены в Париже в Высшем монархическом Союзе и руководству Русского Общевоинского Союза. Было запрошено мнение РОВСа о том, целесообразно ли направлять в Париж для предъявления Алексея Жильяру и другим лицам для опознания. Руководство РОВСа, ознакомившись с присланными ранее материалами, ответило, что гибель всей царской семьи не вызывает никаких сомнений, в силу чего тратить деньги на приезд самозванца в Европу не намерено. Однако оставлять лже-Алексея в Ираке было признано все же нецелесообразным.

Следует добавить, что оценка личности мнимого Алексея была неоднозначной. Так, Ф. Ф. Пиденко, эмигрант, проживающий в Багдаде, сообщая руководителю РОВСа генералу Е. Н. Миллеру свое особое мнение, сложившееся на основании тесного,

почти ежедневного общения с молодым человеком. Он заявил, что самозванец из Багдада «в высшей степени чистен и не лжец, на игру в роли наследника он не способен, признаки гемофилии налицо, поразительно похож на Алексея, помнит отдельные бесспорные даты из жизни царской семьи, держится просто, видно, что имеет аристократические привычки и замашки, к дальнейшей своей судьбе относится терпеливо, без всяческой рисовки и претензий». Но главное, здесь впервые указано, что самозванец владеет какой-то тайной, которую может доверить лишь исключительно Жильяру.

Как выяснилось позднее, речь шла о кабалистических знаках, вышитых зеленым шелком по белому коленкору на письме, якобы переданном бывшей императрицей Александрой Федоровной для Жильяра через Алексея. По словам лже-Алексея, государыня спаслась из-под расстрела и находится недалеко от Нижнего Новгорода, близ Макарьевского монастыря. После своего бегства из Иркутска Александра Федоровна якобы нашла сына и передала ему письмо для Жильяра, который, по ее словам, знает шифр. 19 марта 1930 года в письме В. Фенина, адресованном полковнику Н. К. Лепехину, сообщалось, что особых трудностей с «лженаследником» он не испытывает, однако считает крайне важным изобличить его во лжи. В целях обеспечения беспрепятственного проезда «лженаследника» и контроля за его продвижением предполагалось передавать его с пункта в пункт и снабжать таким же образом.

Генерал Е.Н.Миллер запросил бывшего воспитателя наследника-цесаревича Жильяра о молодом человеке, именующем себя великим князем Алексеем Николаевичем. Одновременно ему была предоставлена фотография самозванца.

Пьер Жильяр в ответном письме от 30 марта 1930 года на имя генерала указал, что «на предъявленной ему фотографии он увидел совершенно незнакомую ему личность. Шифрованная запись, содержащая кабалистические знаки, сделанные рукой самозванца, переданная ему, совершенно непонятна и ни о чем не говорит». Кроме того, Жильяр отметил, что наследник-цесаревич в 14 лет прекрасно владел французским языком, и не допускал мысли, что наследник мог забыть язык полностью. В письме сделан был вывод, что лицо, именующее себя «великим князем Алексеем Николаевичем Романовым», «либо сознательный обманщик, либо не вполне нормален. С письмом Жильяра были ознакомлены лица, непосредственно наблюдавшие за лже-Алексеем (полковник Н. К. Лепехин — через князя Н. Трубецкого).

В целях прекращения деятельности самозванца ему было предложено дать подписку следующего содержания:

«Я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что я обязуюсь впредь не называться именем наследника Алексея Николаевича Романова. Я буду называться тем именем, под которым я жил в России, т.е. Василием Васильевичем Шетининым. 16 апреля 1930. Багдад». Подпись была заверена шестью лицами — представителями русской колонии в Багдаде (Н. Халютиним, Е. Халютиним, В. Фениным, Н.Новиковским, Ф.Пиденко, Г.Раухом).

В конце апреля 1930 года дело о багдадском самозванце окончательно было завершено. Представители РОВСа в Багдаде, получив ответ от Жильяра, пришли к выводу, что все же речь идет не о душевнобольном человеке, а о сознательном обманщике. Был решен вопрос о дальнейшей судьбе самозванца. Ему были выданы деньги для выезда из Ирака. Установить подлинную фамилию лжецаревича не удалось, так как он ранее носил еще три фамилии, кроме той, которую ему вписали в паспорт. Представители РОВСа в Багдаде отмечали, что не так важно знать его подлинную фамилию, как «руку, которая его направляет». В первую очередь имелась в виду рука ОГПУ, хотя точных сведений, фактов собрано не было. Предполагалось, что появление самозванца имело целью «создание шумихи, споров и раздоров в среде русской эмиграции», в связи с чем было предложено сбор материалов по данному вопросу не прекращать. Как становится ясным из дальнейшей переписки лиц, причастных к делу, В. В. Шетинин не успокоился и, вынужденный дать подписку, впоследствии распускал по Багдаду слухи о том, что подписка была составлена им по принуждению, и предполагал добиться личной встречи с Жильяром.

Иракские власти выдали 22 апреля 1930 года бывшему самозванцу нансеновский паспорт на имя Василия Васильевича Шетинина, русского, 1904 года рождения, родившегося в Петрограде и проживавшего в Сибири. В. Фенин в своем письме Н. К. Лепехину писал, что пришлось упрощать англичан, чтобы они не вписывали в паспорт «Ex-crown Prince of Russia» (экс-принц российский — англ.). После развенчания лже-Алексея интерес к его личности среди англичан и русской колонии в Багдаде сразу же был потерян.

Были уведомлены об этом русские эмигрантские организации в Сирии, Югославии, Болгарии и Румынии.

Так закончилась история багдадского лже-Алексея. Нам не удалось установить, что побудило молодого человека пойти на эту авантюру. Документ ЦГАОР СССР не дают на это ответа.

ЭКСПРЕСС-
ДЕТЕКТИВ

Эдмунд КРИСПИН

КОШКА, ВЫГНУВШАЯ СПИНУ

одолевая последние ступеньки.

— Подождите секундочку, будьте добры. Я только войду и предупреджу, что привел вас, — сказал Дойл.

Меня это слегка смутило — ведь он сам уверял, что тесть будет просто безумно рад меня видеть. Разумеется, я согласился. Дойл достал из кармана ключ, который, как я раньше заметил, ему дала жена, отпер дверь (да-да, она определенно была заперта) и полуоткрыл ее. Потом он повернулся ко мне и, понизив голос, сказал:

— Вам, конечно, покажется это странным, но тестю нравится иногда сидеть под замком, только чтобы ключи были у Изабел. Ей он доверяет безгранично. Взаперти да за этими мощными стенами он чувствует себя в полной безопасности. Разумеется, больше всего он любит запереться изнутри сам, но врач этого не разрешает. Поэтому с двери убрали все засовы.

— Ага, — только и смог вымолвить я. Видимо, мои чувства отчасти отразились на лице, потому что Дойл поспешил добавить:

— Вообще-то он в полном порядке. Но если вы... Словом, встречу можно и отменить.

- Все мы от природы суеверны. Стоило Джервасу Фэну произнести эту сентенцию, как почти каждый из собравшихся у камина гостей издал протестующий возглас.

— И не спорьте, суеверны, осознаем мы это или нет, — настаивал Фэн. — Хотите, устроим небольшую проверку?

Все дружно согласились.

— Я расскажу вам о деле Коппингов.

— О, преступление! Как интересно! — воскликнул кто-то.

— И если кто-нибудь из вас сможет разгадать эту загадку без моей помощи, то с этого человека мое обвинение будет снято.

Он оглядел присутствующих и начал свой рассказ.

Род Коппингов был очень древний. И, как все такие семьи, он оставался верен старинным традициям, основной из которых было отцеубийство.

Не всегда оно принимало формы убийства как такового. Иногда то были несчастные случаи, иногда смерть наступала по неосторожности, а случалось, родители доводило до самоубийства ужасное отношение к ним отпрысков. С течением времени количество жертв росло, и Коппинги постепенно стали вырождаться.

К 1948 году из всей семьи остались только двое. Вдовый Клиффорд Коппинг и его дочь Изабел. Правда, Изабел была замужем и потому в фамильном доме поблизости от Уонтиджа больше не жила. Но вот в августе 1948 года они с мужем ненадолго приехали туда погостить. Тогда-то все и случилось.

Что до меня, то я специально сделал крюк через Уонтидж на пути из Бата в Оксфорд, чтобы иметь возможность отобедать в пабе «Уайт харт». Вскоре после шести вечера я разговаривал там с мужем Изабел — Питером Дойлом. Он основательно выпил и без четверти восемь стал настойчиво звать меня в дом Коппингов к ужину.

Идти с ним мне не очень-то хотелось, но я поддался уговорам, и мы пустились в путь. Вечер выдался превосходный, и прогулка доставила мне истинное удовольствие. По дороге к нам привязалась кошка — очаровательное пепельного цвета создание.

— По-моему, она хочет войти, — заметил я, когда мы добрались до дверей дома.

— Пускай, — сказал Питер спокойно, — Изабел и мой тесть кошек обожают.

Так получилось, что мы с кошкой были представлены Изабел одновременно. Эта молодая женщина произвела на меня весьма благоприятное впечатление, но с самого начала мне стало ясно, что отношения между супругами натянутые. Некоторое время мы вели вполне заурядную светскую беседу, а потом, поскольку до ужина оставалось десять минут, Дойл сказал, что просто обязан представить меня тестю, который наверняка не сможет присоединиться к нам за столом.

— Он немного не в себе последнее время, — объявил Дойл, — но не простит, если мы не познакомим его с вами.

Естественно, я бормотал обычные в подобных случаях отговорки: не хочу, мол, навязываться и тревожить старика. Уверяю вас, я бы отказывался еще более настойчиво, если бы знал то, что вскрылось потом на следствии: Клиффорд Коппинг уже давно страдал тяжелым нервным расстройством и был склонен к самоубийству. Однако это мне не было известно, и я легко дал себя уговорить. Отец живет наверху в башне, сказала Изабел, и мы с Дойлом направились туда в сопровождении неотвязной кошки.

Башня стояла обособленно от дома. Метров двадцати высотой, с ровной оштукатуренными стенами и узкими бойницами вместо окон, она была построена, вероятно, в середине XV века. Я предположил, что внутри она изрядно обветшала, но, к своему удивлению, обнаружил, что ошибся. Перед одной из дверей на лестничной площадке второго этажа Дойл остановился. Я был в этот момент у него за спиной, все еще

«Да, и как можно скорее» — так хотелось мне ответить, но Дойл задал вопрос в расчете на вежливое «нет» и добился своего. После этого я остался нервничать на лестнице, а Дойл вошел в комнату. И обнаружил труп.

Впрочем, точности ради следует сказать, что первой его обнаружила кошка. Еще когда мы разговаривали, кошка заглянула в комнату, и увиденное там ей не понравилось. Вам наверняка случалось замечать, как у кошек выгибается спина и шерсть становится дыбом? Так вот, минуты через полторы-две Дойл медленно вышел, трясущийся и бледный. Он присел на верхнюю ступеньку и обхватил голову руками. У меня сразу возникли вопросы, но я их не задал и прошел в комнату.

Что там было? Кухонный нож, перерезанная глотка и невообразимое количество крови. Убедившись, что в комнате никто не прячется, а в узенькое окошко не мог бы протиснуться даже ребенок, я пощупал Коппингу-старшему лоб, осмотрел лужу крови и заключил (как потом выяснилось, совершенно справедливо), что бешеная мертв уже по меньшей мере час (в тот момент было 8.24). Затем я запер комнату, отдал ключ Дойлу, и мы вместе вернулись в дом, где он по телефону вызвал полицию и врача, а я занялся своими делами — вы легко догадаетесь какими.

Остальное совсем просто. Последней Коппинга видели в четверть седьмого Изабел, когда заперла его в башне, а за пять минут до этого его видели живым и невредимым двое слуг. Так что если это и было убийство, то Дойл совершил его не мог.

Версия об убийстве появилась почти сразу. Правда, на рукоятке ножа были обнаружены только отпечатки пальцев самого Коппинга. Но вот на одной из стен в самом низу можно было разглядеть тонкий след крови, какой мог оставить, к примеру, подол юбки. Ни Дойл, ни я — не в счет, как и покойник, потому что между трупом и этой стеной пол не был запятнан кровью.

Подозрение пало на Изабел.

У нее был ключ от той, практически неприступной, комнаты. Она должна была унаследовать всю собственность отца. Наконец, в ее шкафу полицейские нашли поспешно скомканный, испачканный кровью плащ...

Вот, собственно, и все. Полиции я рассказал, как представляю себе эту историю. И, вообразите, даже выслушав меня, они все еще собирались арестовать Изабел. Чистойшей воды суеверие...

Фэн поднялся из кресла.

— Что ж, приятный был вечер, но пора и честь знать...

Возмущенные возгласы чуть не оглушили его. Он обвел присутствующих взглядом с напускной мрачностью.

— Как, ни одного рационально мыслящего человека? Но ведь все элементарно, если отбросить суеверие. Жена Дойла собиралась с ним развестись, что лишило бы его прав на свою часть наследства Коппинга. Он ненавидел ее за это и в смерти тестя увидел подходящий шанс отомстить. Конечно же, именно он подбросил в шкаф жене запятанный кровью плащ и сделал это, пока еще не приехала полиция. Я это точно знаю, потому что заподозрил, какие у него намерения и проследил за ним.

— Но, Джервас, при чем же здесь суеверие? — недоуменно спросила молодая блондинка.

Фэн рассмеялся.

— О, перестаньте! Только суеверные люди могли подумать, что кошка так бурно отреагировала на труп. Чтобы она выгнула спину и зашипела, нужна куда более простая и веская причина. Это могла быть собака, но тогда она подала бы голос. Логический вывод: там была другая кошка. В этой семье кошек любили, как вы уже слышали. Нетрудно было предположить, что в доме могла водиться одна или две. Дойл вошел, поймал ее и выбросил в оконце с этой страшной высоты. Понимаете, он заметил след крови на стене — ее там, конечно же, оставила кошка — и понял, что, если избавиться от животного, пятно может стать основанием для обвинения в убийстве.

Потом, разумеется, ему нужно было бы избавиться от трупа, но, пока он звонил в полицию, я успел найти палевою сямскую кошку в кустах у башни, куда она отползла умирать. На лапах крови не оказалось, но большое пятно расплылось на боку. Оно появилось, несомненно, в тот самый момент, когда умер Коппинг.

Значит, он сам наложил на себя руки... Протянула та же белокурая девушка. — Странно. Нет, этого определенно не может быть! — Она пристально посмотрела на Фэна. — Тот факт, что Дойл хотел бросить тень подозрения на свою жену, не означает еще ее виновности, или я не права?

— Умница! — улыбнулся ей Фэн. — Только двенадцать недель спустя слуга, которого полиция склонила к сотрудничеству, застал Изабел, когда она сжигала окровавленное платье. В нем она была в день убийства отца. Впрочем, лучше поздно, чем никогда.

Что, недурна концовка? Она лишняя раз свидетельствует, что семейные традиции — вещь удивительно живучая.

Перевод с английского
Игоря МОНИЧЕВА

Рис. Валерия БОЧКОВА

МЕЖБАНКОВСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

МЕНАТЕП
FINANCIAL GROUP

МЕНОВОЙ БАНК

ФОНДА РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ
И ФИНАНСОВОЙ ГРУППЫ «МЕНАТЕП»

ОБЕСПЕЧИТ

ВАШ ВЫХОД НА ВСЕСОЮЗНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК!

Для того чтобы получить возможность реализовать продукцию и материальные ценности вашего предприятия и приобрести необходимые товары, достаточно заполнить таблицу и анкету, вложить их в обычный шестикопеечный конверт и отправить в адрес нашего Менового банка.

*****

ТАБЛИЦА

Товар	Лес и лесоматериалы	Нефть и нефтепродукты	Руды, металлы, металлоизделия	Машины, оборудование	Зерно, сельхозпродукты	Товары народного потребления	Валюта (инв. рубли)	Сов. рубли, ценные бумаги	Недвижимость	Мин. удобства, продукция хим. промышленности	Строительные материалы
Предложение	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
П предлагаю											
Т требуется											

АНКЕТА

- Полное наименование организации _____
- Почтовый адрес _____
_____
- Телефон _____
- Телефакс _____
- Телекс _____
- Ф. И. О. и должность ответственного работника _____
_____
- Срок действия заявки _____

ПОРЯДОК ЗАПОЛНЕНИЯ АНКЕТЫ И ТАБЛИЦЫ

В таблице необходимо предельно кратко и точно указать наименование, маркировку, характеристики и количество товаров, предлагаемых вами для реализации, и продукцию, которую вы хотели бы получить взамен.

Например, у вас имеются новые токарные станки марки ТС-12 (марка вымышленная) в количестве 100 штук и 3 000 000 сов. рублей. В обмен на ваши станки вы хотите получить новые станки марки ТС-12А (марка вымышленная) в количестве 70 штук, а сов. рубли обменять на СКВ в количестве 250 тысяч инв. рублей. В соответствующих графах таблицы вы должны написать: в графе П-4: токарный станок ТС-12, износ—0%, 100 шт.; в графе П-8: 3 000 000 рублей; в графе Т-4: токарный станок ТС-12А, износ—0%, 70 штук; в графе Т-7: СКВ 250 000 инв. рублей.

Далее вы заполняете анкету. Особое внимание просим обратить на пункт «Срок действия заявки». Здесь необходимо точно указать сроки, в течение которых вы готовы произвести обмен. Например: П-4/Т-4 до 8.09.91, П-8/Т-7 до 20.12.91.

В случае, если вы хотите передать заявку телеком или по телефону, продиктуйте свои данные в том же порядке, который определен таблицей и анкетой.

Анкеты присылайте по адресу:
107392, Москва, ул. Халтуринская,
д. 18, Меновой банк
Телефон 168-41-19
Телефакс 235-36-15
Телекс 412323 MNTPSU

НАДЕЕМСЯ, ЧТО ВАС ЗАИНТЕРЕСОВАЛО НАШЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ
БУДЕМ РАДЫ ПОМОЧЬ ВАМ!

МЕЖБАНКОВСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

МЕНАТЕП

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР КОМПЬЮТЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Если Вы хотите спать спокойно

НАШ ЦЕНТР, ЗАНИМАЮЩИЙСЯ РАЗРАБОТКОЙ И
ПРОИЗВОДСТВОМ ТЕХНИЧЕСКИХ И ПРОГРАММНЫХ
СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ, ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ЗАЩИТЫ
ИНФОРМАЦИИ ОТ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА,
РАЗРАБОТКОЙ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЦЕЛОСТНОСТИ ДАННЫХ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОМПЬЮТЕРНЫМ ВИРУСАМ, ИЩЕТ ДЕЛОВЫХ
ПАРТНЕРОВ В ОБЛАСТИ СРЕДСТВ И СИСТЕМ
БЕЗОПАСНОСТИ!

Сохранить конфиденциальную информацию, финансовую
и коммерческую тайны, промышленные и технологические
секреты, спасти информацию и программное обеспечение от
компьютерных вирусов;

защитить ваши офисы и жилые помещения;
обеспечить надежность функционирования и безопасности вашей
вычислительной, множительной и видеотехники, средств связи
и телевидения;

поставить со склада импортные ПЭВМ в защищенном
исполнении;

обучить методам защиты коммерческой тайны в прекрасно
оборудованных аудиториях —
все это цель работы опытных и высококвалифицированных
математиков, радиоинженеров, программистов нашего центра.

Наш адрес: 103104, Москва, Тверской бульвар, 7/2
Телефоны: 203-90-53, 449-12-26

Почетный
президент-основатель
МАДПР

Юлиан СЕМЕНОВ

Редколлегия:

Артем БОРОВИК,
главный редактор
Александр БЕНЕНСОН,
зам. главного редактора
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Владимир ДОБИН,
ответственный секретарь
Евгений ДОДОЛЕВ
Дмитрий ЛИХАНОВ
Елена СВЕТЛОВА
Евгения СТОЯНОВСКАЯ
Вера ЧЕРНИКОВА
Михаил ШЕСТОПАЛ,
главный художник

Редакционный совет:

Майк АНДЕРЛЕ (Австрия)
Виктор БАНЛАКИ
(Венгрия)
Александр БЕЛЯЕВ
Карл Арне БЛОМ
(Швеция)
Алоиз БРЕНЧ
Ролан БЫКОВ
Аркадий ВАЙНЕР
Микола ВИНГРАНОВСКИЙ
Геннадий ЛИСИЧКИН
Анатолий ЛЫСЕНКО
Хуан МАДРИД (Испания)
Николай МИТРОФАНОВ
Вячеслав ПАНКИН
Роджер САЙМОН (США)
Мартин Круз СМИТ
(США)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Рафаэль Р. ЗРРЕДИА
(Мексика)

Любовь ПЕШКУНОВА,
зам. ответственного
секретаря

Оформление номера:
Владимир ВОВНОБОЙ,
Владимир ПОМОЧИЛИН

Технический редактор
Татьяна КОЙРАНСКАЯ

Корректор
Татьяна ПОЛЕНОВА

Рукописи, присланные в
редакцию, не рецензируются
и не возвращаются.
При перепечатке
ссылка на «Совершенно
секретно» обязательна.
Во всех случаях типографского
брака обращаться в типографию,
указанные в выходных данных.

Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
«Детектив и политика» (МАДПР)
1991

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, ИАН
Московская штаб-квартира
МАДПР

Ежемесячник
«Совершенно секретно»
Тел.: 291-98-62; 202-20-11
Телекс 411323 Факс 2302170
Подписано к печати 8.07.91

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФИЕЙ «ВСП»
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВОСТ.-СИБ.
ОТДЕЛЕНИЯ «ЗОРГЕ» Г. ИРКУТСК

Тираж 100 000 экз.

В следующих номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Протоколы допросов
Николая Бердяева в ГПУ

Геннадий Шевченко об отце

Откровения Татьяны Дорониной